КОВПАК

Т. Гладков,
Л. Кизя

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 12
(524)

Т. Гладков, Л. Кизя

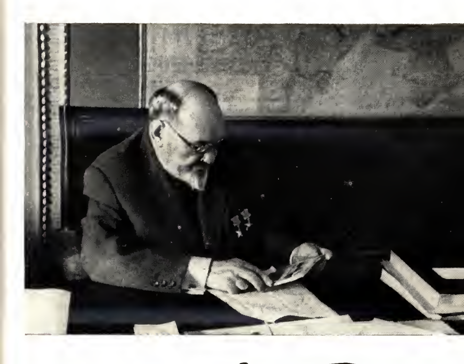
КОВПАК

Издание второе, исправленное

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1973

9(С)277
Г52

Г $\frac{70302-002}{078(02)-74}$ Без объявл.

СА Ковпак.

50-летию
Союза Советских
Социалистических
Республик
посвящаем.

Т. К. Гладков
Л. Е. Кизя

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПУТИВЛЬСКИЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

БОСОНОГОЕ, НИЩЕЕ, ГОЛОДНОЕ

Восьмидесятые годы прошлого столетия. Котельва на Полтавщине... Одних только приходов семь: Мироносицкий, Вознесенский, Покровский, Троицкий, Всехсвятский, Николаевский и Спасский. Отсюда и церквей столько же. И вдоволь кабаков. Зажмите человека между церковью и кабаком — получится злыдень. Злыднями и почиталась чуть не вся котельвинская голытьба, кроме горстки мироедов. Беспросветная тьма и нужда... Ничего хорошего не предвиделось в жизни и Сидору Ковпаку, родившемуся в бедняцкой семье Артема Ковпака 26 мая 1887 года.

Земли надел — только с голоду не помереть, а семья — всех перечесть, больше, чем пальцев на руках. Кроме отца с матерью, были у Сидора дед, бабка, пятеро братьев и три сестры. Дед Дмитро прожил на свете сто пять лет, повидал многое, был старым солдатом, воевал и на Кавказе, и в Севастополе. О походах, в которых участвовал за долгие годы николаевской службы, частенько рассказывал старик своим многочисленным внукам.

От деда Дмитро услышал впервые Сидор о славном прошлом Котельвы. Основали слободу еще в XVII веке беглые крестьяне да казаки. Уходили они сюда, на Слободскую Украину да на днепровское Левобережье, спасаясь и от крепостного ярма, и от лютований польской шляхты. К 1648 году, когда Богдан Хмельницкий поднял Украину на освободительную войну, Котельва уже была сотенным местечком Котелевской сотни Полтавского полка Войска Запорожского. Ветры истории швыряли

Котельву беспрестанно. Так в шестидесятых годах того же бурного века была она в Зиньковской сотне полка, ставшего из Полтавского Гадячским. Котельва превратилась в крепость, защищала земли Слободской Украины от набегов крымских и ногайских татар.

Под знаменами войск Богдана Хмельницкого бились котельвинцы и под Зборовом, и под Берестечком, и под Батогом, и под Жванцом. Воевали они и у Максима Пушкаря, поднявшего народ против Ивана Выгодского — гетмана-предателя, замыслившего погубить дело Богдана Хмельницкого после смерти великого гетмана. Бились котельвинские казаки и под Чигирином, когда на Украину, точно саранча, вновь хлынули турки, и с крымскими ордынцами в походах 1687—1689 годов. Свистели сабли и гремели пистоли котельвинцев и в Северной войне против шведов, когда поворот военной судьбы привел войско Карла XII в слободу. Дотла тогда была разрушена и спалена Котельва...

А потом долгие годы крепостничества, когда превратилась славная Котельва в обыкновенную слободу Ахтырской провинции Слободско-Украинской губернии.

...Чем-то выделил отец, видимо, Сидора из остальных детей, а потому определил учиться в церковноприходскую школу. Единственным учителем по всем наукам в той школе был приходский священник отец Мелентий. Среди прихожан батюшка слыл по духовному сану человеком крутым, ученикам его это было известно совершенно точно. Знания свои в них не то чтобы вкладывал, а прямо-таки вбивал. К «отроку» Сидору, однако, отец Мелентий благоволил: не за кроткий нрав, коим ученик не отличался, а за прилежание и усердие в учении.

Школьные годы Сидора Ковпака были недолгими. Церковноприходская и была рассчитана на то, чтобы дать мужику ровно столько грамоты, сколько хватило бы на умение поставить собственную подпись да сосчитать по самой что ни есть мужицкой же арифметике.

А когда решили Сидора выводить «в люди», то отдали его в услужение Фесаку — первому москательщику на всю Котельву, богатейшему по слободским масштабам торговцу. Упросил Артем Фесака взять одиннадцатилетнего Сидора мальчиком на побегушках «за харчи».

Некогда Фесак был волостным писарем, на подношениях слобожан сколотил деньгу, открыл лавку железоскобяного товара. Механику «не обманешь — не продашь» усвоил назубок. Торговцем оказался оборотистым и хватким, разбогател. От мальчонки, однако, Фесак и Фесачиха потребовали абсолютной честности, как они ее понимали. Бдеть их добро должен был Сидор. Упаси бог покуситься хоть на малую малость. Испытывали: то и дело Сидор натыкался на оброненные вроде бы монетки. То медь, то серебро. Ассигнаций, правда, не попадалось: хозяева были достаточно сообразительны, чтобы не ронять их соблазна ради. Мальчик, подобрав монету, тут же мчался к хозяину или хозяйке и вручал «находку».

Понимал, что к чему, да и отцовский шепот помнил: «Гляди там, сынок, у Фесака-то... Упаси господь хоть кроху хозяйского добра тронуть... Подбрасывать они тебе всякое станут, не подумай утаить чего... Пулей лети к хозяину, отдай... Берегись, хлопче!»

В конце концов Фесак поверил, что его мошне ничто не угрожает. Стал вводить подростка в свои дела.

Все Фесаково благополучие держалось на заповеди: человек человеку — волк, потому не ты обманешь, так тебя обманут. Вот и все наставления, старательно внушаемые пареньку со смышлеными черными глазами на живом скуластом лице.

Чем дальше, тем больше убеждался Сидор, что с его церковноприходским образованием и купеческой «мудростью» ему дальше Фесаковой лавки не уйти. В лучшем случае приказчиком станет, а это значит — «не обманешь — не продашь». Занятие не по душе. А что делать? Хлопоты по лавке загружали с утра до вечера, головы поднять некогда: Фесаков хлеб еще никто даром не ел. И все же нашел Сидор единственно возможный выход, стал бегать под окна школы, что располагалась прямо напротив лавки. Школа называлась министерской. Почему — Сидор не знал, да и не задумывался над этим.

Министерскими в царской России назывались начальные общеобразовательные школы повышенного типа. Они приближались к тогдашним же городским училищам. Окончить министерскую было заманчиво — она давала право сдавать экзамен на получение свидетельства сельского учителя. Учился Сидор своеобразно: пристраивался у открытых окон или у приотворенных дверей и слушал

обрывки объяснений учителя и ответов учеников. Хорошо еще, что не прогоняли. Паренек был терпелив: слушал, запоминал, вникал. Смертельно уставший после нескончаемо длинного рабочего дня, с головой, буквально распухшей от лавочной суеты и толчеи, он находил в себе еще силы и на ежедневную «вахту» под окнами школы.

Отлучки Сидора не остались незамеченными. И Фесак быстро рассудил, что ему будет прямая выгода, если парень получит образование из его хозяйских рук.

Речь шла о выгоде, и Фесак сам отправился к господину Федченко, директору школы, и все мигом уладил. Так хозяйской милостью стал Сидор Ковпак учеником второго класса. От лавки Фесак его не освободил, попрежнему крутился в ней Сидор целый день. Вся разница, что мог теперь слушать учителя не под окном, а за партой.

А вокруг Сидора — боже ты мой, нищета, темнота людская беспросветная, серость и нужда невылазные. Хоть и не видел подросток в жизни ничего лучшего, как ни привычно все было с рождения, но все же, бывало, глянет вокруг, и сердце зайдется. Тяжко, невыносимо темно и убого жили потомки вольных запорожцев. А тут еще то и дело пожары. Слобода горела много раз, а нищета, скученность, обездоленность — первые помощники любому бедствию. Чуть что — и вот уже Котельва в море пламени, ведь все вокруг, за малым исключением, деревянное. И гуляет себе огонь напропалую.

Котельве еще завидовали: шутка ли, она имела собственную пожарную команду! Так громко называлась пара захудалых лошадей да столько же бочек под воду, которые на свои нищенские копейки содержали сами слобожане. Заправлял командой все тот же Фесак. Правда, лично он тушением огня себя, конечно, не утруждал, дело опасное, на то есть мужики. Но вот командовать на пожаре любил. Когда Сидор подрос, хозяин переложил на его плечи хлопотные пожарные дела. Парень возражать не стал: сердце болело за людскую беду. Хоть и горько было на душе после каждого пожара, когда выгорало чье-то небогатое хозяйство, утешал себя мыслью, что хоть чем-то помог.

Шли годы, взрослел Сидор и все чаще задумывался: почему так несправедливо устроен мир? Вот Фесак, к примеру, на каждой ярмарке (а они устраивались в Ко-

тельве четырежды в год) набивает мошну по самую завязку. А взять Ковпаковых соседей, бедноту горемычную, да тех же отца и мать — Артема и Феклу: за ради гроша медного спины не разгибают от зари до зари. Батрачат в помещичьих экономиях до самых снегов. Только холода загоняют их под родную крышу, а то бы их почерневшие от каторжного труда руки и вовсе не знали покоя. А дома — полуголодная и раздетая семья...

В одном из пожарищ сгорела и Ковпакова хата. После той беды с еще большей яростью кидался в огонь Сидор, зачастую рискуя собственной головой. Не раз и живые души спасал от пламени, и убогий бедняцкий скарб. Люди видели это, имя молодого Ковпака произносили между собой с уважением, знали к тому же: Фесаков приказчик честный, своего брата крестьянина не обманет, плохого товара не всучит, не обсчитает.

Видел Фесак, как взрослеет Сидор, и завел однажды такой разговор... Ехал, мол, днями в Пархомовку мимо завалюхи, где жили теперь Ковпаки, очень уж она плоха, совсем в землю ушла. Надо Ковпакам новую хату ставить, и не какую-нибудь там, а настоящую, добрую, чтоб на всех хватило. Он, Фесак, знает, что денег у Артема нет, но за Сидорову службу накопилось изрядно, не так уж много, но на хату наберется. Если Сидор согласен, то он, хозяин, по доброте своей все устроит наилучшим образом. Обрадовался Сидор, что семье помочь может, согласился.

Фесак мешкать с решенными делами не любил. Тотчас же вместе с Сидором двинулся в село Лутище, лесу, сколько нужно было, сторговал выгодно, а потом и сруб поставить помог. Сидор отлично понимал, что благодетельствует Микола Павлович (за его же, Сидоровы, деньги) не от щедрости душевной. Для собственной выгоды, чтобы привязать к себе приказчика еще больше. Иначе бы он Фесаком не был. А Микола Павлович тут еще и такое сказал: дескать, надумал я помочь твоим по-родственному...

Парень удивленно вскинул глаза. Хозяин засмеялся:

— Чего всполошился-то? Хлопец ты ничего себе, башкою бог не обидел, руки не глиняные. Чем не зять! Старшую мою берешь, что ли?

Так вот в чем дело! Фесак метит его в зятья! Тогда все ясно. Отсюда и хлопоты по Сидоровым делам, и странная купеческая забота о родительской хате. Все это

так, но и то правда, что хозяйское предложение не столь уж худо, если учесть, что Сидор неравнодушен к дочери Фесака, однако не к старшей — дурнушке со сварливым нравом и недобрым языком, а к младшей — хорошенькой и приветливой Насте.

— Спасибо, Микола Павлович, за честь, — поклонился хлопец, — но мне Настя люба...

— Что-о-о?! — Фесак сразу помрачнел, словно туча. — Я тебе о чем толкую, а? Какая такая Настя?

— Да мы... — Сидор махнул рукой безнадежно. Разве втолкуешь хозяину... Подумаешь, скажет, любовь!

— «Мы, мы...» — передразнил Фесак. — Ни черта ты не смыслишь в собственной своей пользе, ясно? Где это видано младшую вперед старшей выдавать?

— Воля ваша, — с горечью ответил Сидор.

— То-то и оно, — уже мягче заметил Фесак. — Ладно, дело не к спеху. Поживем — увидим.

Сидор молчал...

А хата получилась недурная, по-фесаковски поставленная: добротная, под жестью, просторная. Как же: хозяин, можно сказать, для себя же и старался. Да перестарался...

Сидору шел уже восемнадцатый год. Окреп, возмужал. По хозяевым поручениям уже самостоятельно и за товаром ездил. Партии, правда, брал малые, но все ж, что ни говори, для этого надобно умение и расторопность, и дело знать, и глаз добрый иметь, и с людьми ладить. Все это было у Сидора в достатке, потому и полагался на своего приказчика Фесак без опаски. Но с каждым днем хозяйское доверие все больше тяготило Сидора, да и оборачивалось оно иной раз смертельным риском.

Послал его как-то Фесак в Ахтырку к тамошним оптовикам за товаром. В дорогу Сидор отправился на бричке, занряженной норовистым жеребчиком. Строптивый нрав конька умел одним словом укрощать только приказчик, никого другого жеребчик не признавал. До места добрался благополучно, получил товар, быстро и сноровисто упаковал его, накрыл брезентом, перехватил надежной веревкой и отправился себе восвояси. Конек трусит неторопливо, возница безмятежно растянулся поверх поклажи, но все же — осторожность не помешает — подсунул руку под туго натянутую обвязку из веревок. Сколько времени так продолжалось — не заметил Сидор,

но полупривстал на локте, чтоб сменить затекшую руку, глянул вперед и обмер на миг. Чернеют на дороге несколько силуэтов. Дядьки какие-то. Явно выжидают, когда бричка приблизится. Пересилил страх Сидор, напрягся, подхватил до того свободно брошенные вожжи. Понятливый конек словно только того и ждал. Встряхнул окрестную тишину раскатистым ржанием и рванул! Понес вихрем. Те, на дороге, едва успели шарахнуться в сторону перед самой мордой бешено мчащегося коня. Один, правда, сумел достать Сидора изрядной палкой... Версту за верстой подминал под себя жеребчик, унося седока от ватаги. Весь побелел — пенным мылом покрылся, бока ходуном ходят, глаза ошалели, кровью налились. Так влетели в Котельву.

...Катились дни, недели складывались в месяцы и годы. По-прежнему торговал Сидор краской, олифой, серпами, молотками и косами. Когда оставался в лавке за Фесака, выручал в день больше хозяина — слобожане покупали у него охотнее.

Ковпаку нравилось обслуживать людей, но службу на Фесака уже терпел еле-еле, боялся, что засосет, затянет торгашеский омут. А куда деться, если все благополучие семьи держалось на его заработке? Одна надежда — подходил конец учению в министерской. Тогда можно будет и об экзамене на права учителя подумать, недаром первый наставник — отец Мелентий при каждой встрече советует одно и то же: сменить лавку на сельскую школу, да и самому учиться дальше. А пока что Сидор познавал жизнь — единственный из университетов, открытый для всех, и порою она преподавала ему такие уроки, что запоминаются раз и навсегда.

Как-то приехал на побывку к родителям сын Фесака Михаил. Служил он в лесничестве где-то на Кавказе. Молодой Фесак пошел не в папашу, Сидор слышал, что хозяин называл сына смутьяном и социалистом. Отцовский приказчик Михаилу понравился, и он дал Сидору почитать под строжайшим секретом такую книжицу, что пронюхай кто о ней — Сибири не миновать. Когда Сидор перелистал странички, у него даже мороз по коже пробежал, такими словами в ней говорилось о царе и царевых порядках. Давая Ковпаку нелегальную брошюру (слов этих Сидор тогда, конечно, не знал), Михаил предупредил ни в коем случае не выносить ее из хаты, только прочитать и тотчас же вернуть. А Сидор не утер-

пел, руки жгла невиданная книжка, решил обязательно показать отцу, сунул ее в карман и побежал домой. Влетел, запыхавшись, протянул книжку отцу, но и двух слов сказать не успел... Дверь внезапно распахнулась, и буквально по пятам за Сидором ввалились в хату два изрядно подвыпивших полицейских.

Увидев незваных гостей, Сидор похолодел, не сообразил, что забрели они случайно, спьяну. Инстинктивно схватил «крамолу», сунул куда пришлось — под кадку с водой, стоявшую на лавке. И дал маху: цепкий полицейский глаз моментально заметил неладное. Пьяный-пьяный, а мигом выхватил брошюру, к счастью, прочитать сумел только название на обложке: «Попы и полиция».

— Эге, выходит, про нас написано!

Однако и Артем не зевал, заполучил как-то, изловчился, злополучную брошюру, ткнул незаметно в руки сыну, шепнул еле слышно:

— Беги одним духом!

Сидора точно ветром сдуло. Вернул книжку Михаилу, рассказать, однако, о случившемся побоялся: рассердится еще тот, не станет больше ничего давать.

После отъезда Михаила совсем невыносимо стало Сидору у Фесака. Не уходил только потому, что решил подкопить к экзаменам деньжонок, знал, какое оно, скудное учительское жалованье. Душою отдыхал только раз в неделю, когда Микола Павлович по субботам отпускал его домой. Навестив родителей, встретившись с дружками, Сидор обязательно заворачивал в гости и к цыганам, издавна осевшим в Котельве. Жилось им, как казалось Сидору, не так уж худо. Без того, чтобы самому хоть десяток раз не ударить молотом в цыганской кузнице, не уходил к Троицкому мосту, где уже поджидали его нескончаемые хлопоты в постылой Фесаковой лавке и надоевшие до невозможности разговоры Фесачихи о его, Сидора, близком «счастье» с их старшей. Одиннадцать лет безвозвратно потратил Сидор на преумножение чужого добра, а потому, конечно, не нажил собственного. Конец всему — и дальновидным хозяйским расчетам, и собственным Сидоровым размышлениям, как жить, что делать дальше, положила солдатчина.

Сидора Ковпака «забрили» в 1909 году, определили рядовым в Асландузский резервный батальон, вскоре реорганизованный в 186-й пехотный Асландузский полк, расквартированный в Саратове.

СОЛДАТ ПРАВДУ ИЩЕТ

Неведомо кем и когда пущена была в люди поговорка: «За богом молитва, а за царем служба не пропадет». Что именно хотел сказать ее создатель — теперь не угадаешь. Одно стало ясно Сидору Ковпаку очень скоро — человек тот сам в солдатах служил вряд ли. Нескончаемой мукой, телесной и душевной, была та служба. Тяжелее солдатской серой шинели в царской России был разве что полосатый арестантский халат. Для солдата даже гордого слова этого — «солдат» не существовало, потому как именовался он — «нижний чин», которому, как и собакам, запрещался вход даже в чахлый городской сквер.

Казенный предмет, у которого две руки — для стрельбы из винтовки и метания гранат (у правой дополнительная обязанность — козырять начальству), две ноги для топтания плаца в ежедневной муштре, голова с ушами, чтобы слушать команды унтеров и офицеров да соображать ровно столько, чтобы исправно и бездушно исполнять их. Вот и все. Но знай главное: «за царем служба не пропадет».

Фразу эту слышал Сидор Ковпак, должно быть, тысячи раз с того дня, как рекрутом отправили его из Котельвы в волость, а потом и в уезд. Навсегда кошмарным воспоминанием остались последние дни в слободе. Голосили по парню родные, как по покойнику.

Рекруты гуляли: «Па-а-следний но-о-нешний денечек...» Напивались до бесчувствия. Горланили песни. Для многих то был первый и последний день в жизни, когда все можно, все дозволено. Потому что завтра ты уже не человек, ты — солдат, среди людей отрезанный ломоть.

Никогда потом, даже достигнув генеральских чинов и преклонных лет, Сидор Ковпак не был врагом ни бутылки, ни крепкого словца, ни веселья от сердца. Но не терпел никогда ни бражничества, ни похабщины, ни пьяного разгула. И к себе, и к людям подходил с одной меркой, умел и прощать, и беспощадно осуждать. Мудрость пришла с возрастом, с житейским опытом. Но тогда — в девятьсот девятом — он ни прощал, ни осуждал своих сверстников, гудевших на всю Котельву, только жалел, потому как понимал, что гуляют и буйствуют в пьяном угаре глубоко несчастные люди... Сколько мог,

удерживал Сидор хлопцев от последних крайностей, от непоправимого. Зачастую ему это удавалось, было что-то в его цыганских глазах — властных, решительных, твердых, — что без слов смиряло и самых расходившихся.

Отшумели материнские причитания, отбуянили положенное новобранцы, отстучали железные версты вагоны эшелона. Вот он, город Саратов, казармы славного 186-го Асландузского полка. Откуда у полка российской армии взялось такое экзотическое наименование? Любознательный рядовой 12-й роты быстро разузнал, что получил свое имя полк за отличие в сражении против войск персидского шаха у Асландузского брода через Аракс в начале прошлого века.

Военная служба начинается с казармы и с начальства.

Солдаты были люди свои, понятные. А каково оно, начальство?

Разными были во все времена русские офицеры. Для одних солдаты были суворовскими чудо-богатырями, для других — бессловесной, серой скотинкой. Одну присягу принимали князь Багратион и граф Аракчеев. В тех же самых войнах участвовали генерал Брусилов и генерал Деникин. Были в ней люди храбрые, честные, благородные, добрые. Были трусы, казнокрады, садисты.

С командиром роты Ковпаку повезло. Считался капитан Парамонов среди сослуживцев-офицеров человеком странным. Во-первых, будучи холостяком, никогда в роту не опаздывал и проводил в ней не только казенные, но и все свободные часы, во-вторых, имел манеру разговаривать с нижними чинами без матерщины и зуботычин. Насчет последнего — слава богу! Потому что был Парамонов настоящим богатырем. Забавы ради брал винтовку за штык и одной рукой без натуги поднимал ее прикладом вверх. Да не один раз, а пока не надоест. Никто в роте повторить такого не мог. О том, как он снимал положенную пробу, знал весь полк: два полных солдатских котелка со щами и кашей исчезали в капитанской утробе без малейшего затруднения. Разделается молча Парамонов с содержимым котелков, достанет из кармана огромный носовой платок, тщательно оботрет аккуратно подстриженные усы и неторопливо вернет его на место. Затем столь же не спеша примется за любимое развлечение: винтовку за штык — и пошло. В молчании

стоят потрясенные солдаты и с почтительным изумлением взирают на своего ротного. Солдат Парамонов уважал, и те отвечали ему взаимностью. Если б служить им только с Парамоновыми...

Кроме ротного, есть еще и полуротный командир — штабс-капитан Вюрц, из немцев. Полная противоположность Парамонову, хуже того, он был законченным психопатом и мучителем, человеком с вывернутой психикой. Особенно изводил он солдат, унижая и измываясь над ними до предела, на занятиях пресловутой словесностью. Для начала усаживал роту, по собственному выражению, «по шнуру», ибо превыше всего на свете Вюрц ставил «орднунг» — порядок. Убедится, что перед ним не живые люди, а застывшие восковые фигуры в одинаковых гимнастерках с погонами, и удовлетворенно кивнет головой: «Орднунг!» Словно деревянными ногами подойдет к доске и мелом начертает на ней квадрат с чем-то вроде запятой посредине. Потом резко повернется лицом к «шнуру»:

— Ну-с, что это?

Вместо ответа каменное молчание. Вместо лиц — безмолвные маски. В тягостной тишине проходит минута, вторая... Вюрц начинает закипать. Еще минута, и Вюрц взрывается несусветной матерщиной. Не стесняется его благородие пустить в ход и кулаки. Удары сыплются направо и налево. Чем дальше, тем больше свирепеет штабс-капитан, пока не закатится в истерике.

Очнувшись, полуротный заканчивал:

— Знайте и впредь запомните: сие на доске — собачья конура, а в ней пес... Вон и хвост виден! Всем дошло? То-то! Встать! Разойдись!

Боялись немца и ненавидели смертельно. Однако Вюрц все же обрушивался на солдат лишь время от времени, а фельдфебель Шмелев из роты не вылезал. Был он мучителем, пожалуй, даже худшим, чем Вюрц, потому что, сам выйдя из солдат, знал отлично, как солдата больнее всего задеть. Безграмотный и тупой, заучил Шмелев, как молитву, лишь «Так точно!» и «Никак нет!». Ничего другого не признавал ни для себя, ни для солдат. В этих четырех словах и замыкался весь страшный шмелевский мир. К тому же в отличие от довольно худосочного штабс-капитана Шмелев, как и положено было фельдфебелю, имел волосатый кулак размером с детскую голову.

На «словесности» у фельдфебеля был свой любимый конек. Загадок в отличие от полуротного он не загадывал — ума недоставало, — но то, что в свое время было вдолблено в тугую фельдфебельскую голову, вдалбливал своим слушателям неукоснительно и тупо. Коньком этим были рассуждения о враге внутреннем. Однако шмелевские «беседы» привели к результату неожиданному: вместо того чтобы слепо принимать на веру каждое фельдфебельское откровение, солдаты начинали над ними размышлять.

Не только Сидор, многие солдаты в роте уже задумались, кто же кому враг, а кто друг.

Какой же солдат солдату враг, если одна у них жизнь — собачья, голодная, бесправная, одна и судьба. Не та, что у господ. Выходит, что и Вюрц и Шмелев врут. Опасные мысли, крамольные. Хорошо, что можно их прятать. Если б узнало начальство, пришлось бы продолжать службу в арестантских ротах... Крамола! Но того не ведало начальство, что само оно и учиняло крамолу вюрцевой словесностью да шмелевскими кулачищами.

Думали солдаты, мучительно думали, смутно ощущая правду. Пробивались к этой правде вслепую еще, на ощупь, путаясь в потемках, спотыкаясь и падая. Но искать не переставали. Искал правду, как мог, и рядовой Сидор Ковпак.

К счастью, не только в муштре и словесности проходили недели действительной службы. Защитников отечества учили. Вот тут-то и выяснилось, что рядовой Ковпак — от природы военная косточка. Никто во взводе не мог так, как он, быстро и безошибочно разобрать или собрать винтовку, так метко стрелять, так далеко и точно метнуть ручную гранату, так ловко и бесшумно ящерицей проползти хоть сотню саженей, с такой легкостью, без признаков усталости, отмерить десять верст в походном марше, так лихо орудовать штыком и прикладом.

Это все было на виду. Но мало кто догадывался и о другом: рядовой Ковпак не только хорошо исполняет боевые команды офицеров, но и вникает в их смысл, запоминает, когда, почему и для чего именно так скомандовал ротный, прикидывает даже порой: а как бы поступил он сам, окажись на месте Парамонова. В этом ему повезло: капитан свое офицерское дело знал куда лучше,

чем Вюрц муштру или Шмелев словесность. Был командиром грамотным и толковым, от которого, имей только желание да голову, многому можно было научиться. Ковпак и учился, словно чуял, что наука воинская ему пригодится в жизни не раз.

«За царем служба не пропадет...» Она не пропадала в том смысле, что отмечало начальство не раз благодарностями рядового Сидора Ковпака, отвечавшего на них, как положено: «Рад стараться, вашскродь!» Но знал бы только государь император, что подготовлены в его бесчисленных ротах и взводах уже не только верноподданные защитники престола от врага внешнего и внутреннего, но и будущие солдаты революции.

Одним из них был и уволенный в отставку по прохождении действительной службы в 1912 году рядовой 12-й роты 186-го пехотного Асландузского полка Сидор Ковпак.

...И вот он стоит за воротами казармы. Никто ему не указ, куда идти, что делать. Всего добра у Сидора — солдатский сундучок, подарок котельвинских умельцев рекруту, уходящему из родной слободы. Таков был обычай, и блюли его свято. Мастера норовили перещеголять друг друга, и всяк делал по-своему. По сундучку узнать можно было, откуда рекрут.

Куда идти, куда податься? Последние месяцы службы Сидор много думал об этом, с друзьями советовался, прикидывал и так и эдак. По всему получалось, что с возвращением в Котельву лучше повременить, хотя по дому соскучился сильно. Да и что ему там делать — без земли, без денег? Не проситься же обратно в лавку к Фесаку. Да и очень уж хотелось к тому же крестьянскому сыну посмотреть на жизнь в большом городе. Решил Сидор остаться пока в Саратове.

В тот же день волею уже случая он очутился на Нагорной улице, жильцом хоть и крохотной, и убогой, зато не казарменной комнатенки в доме бедной вдовы. Так Сидор стал, как ему показалось на первых порах, вольным горожанином, а на самом деле — одним из безработных и голодных, каких тогда в Саратове были тысячи.

Для Ковпака Саратов был шумным и нарядным большим губернским городом, городом купцов и чиновников, попов и монахов, трактиров и полицейских околотков, городом богатства и роскоши главных улиц и

беспросветной нищеты окраин. Не знал, конечно, Сидор, что в Саратове родился Николай Чернышевский, набатом звавший Русь к топору, что здесь бывал бессмертный кобзарь его родной Украины Тарас Шевченко, что всего за десять лет до начала его, Ковпака, солдатчины в этом городе рождались первые кружки российских социал-демократов, что с Саратовом связана деятельность человека, основавшего партию, которой через семь лет навсегда посвятит свою жизнь он сам... Этот человек — Ленин, эта партия — коммунистов, откроют глаза миллионам Ковпаков, поднимут их на решительную борьбу против мира насилия, гнета, несправедливости.

Сидор нашел работу на волжском берегу, в артели крючников. Загорелые до черноты здоровяки, груболицые и зычноголосые, вначале с недоверием оглядели невысокого, худощавого хлопца, но тот сумел доказать, что невзрачен только с виду, а на самом деле — жилист, крепок, вынослив, вдобавок еще и ловок. Так Сидор стал крючником. Работа каторжная, только что без конвойных. Хлеб тяжкий, горький. Темные, угрюмые, с каменными спинами и чугунными ладонями, артельщики были все ж хорошие люди, работящие, чуткие к чужой беде и кривде, как незаживающая рана к боли. Одна беда: верили они только в одного бога — водку. Все, что зарабатывалось нечеловечески тяжким трудом, вчистую, до копейки, пропивалось.

Ни один артельщик собственных денег не имел, каждый грош отдавал старосте, а тот весь артельный кошель, так уж было заведено, пускал на кабак. И до тех пор не утихомирится ватага, пока недельный заработок не испарится как дым. Скорбно жалел Сидор этих растоптанных судьбою людей, живущих словно последний день на свете, не имевших ни крова, ни жен, ни детей. Спали они под открытым небом на волжском песке, ходили в невероятных лохмотьях, не прикрывавших тело ни от летнего солнца, ни от зимней стужи.

Попробовал восстать против диких порядков новичок, не отдал как-то старосте заработанных денег. И услышал в ответ: «Ты что, мил-человек? Супротив артели, выходит? По-нашему, значит, это не по тебе? Тогда, брат, вольному воля, а спасенному рай, шагай от нас, братец, на все четыре... Мы, видишь, сообща живем, а ты норовишь сам по себе. Ходи здоров!»

И Ковпак ушел. Снова топтал он пыльные улицы Саратова, оглушающие, орущие, галдящие. Неожиданно Сидору повезло: из случайно оброненной каким-то прохожим фразы он узнал, что в трамвайное депо нужен чернорабочий. Кинулся туда со всех ног и на следующий день уже работал. Теперь он не крючник, нет — трамвайщик, настоящий рабочий. А это совсем другое дело.

В чернорабочих грамотный, смышленый, да и физически сильный парень не задержался, перешел на работу по душе — молотобойцем в кузницу, дело это ему нравилось еще с детских лет, когда бегал к цыганам. Новые товарищи Сидора были мастерами хорошими, да и людьми дружными, веселыми. Труд в кузнице тяжелый, но зато интересный и уважаемый. Кузнец — это уже настоящая профессия. А на селе кузнец — самый почетный человек, а Сидор хоть и стал городским жителем, но в уме все прикидывал по-прежнему, по-крестьянски.

Кузница располагалась на берегу Волги неподалеку от сада, где по субботам и воскресеньям гуляло обычно много народу. Нередко гуляющие забредали и к кузнице, с любопытством следили за работой. И тут мастера показывали себя: подмигнет старый кузнец, и начинается потеха, не просто бьют молотобойцы по поковке, а настоящую музыку вызванивают. Любую песню сыграть могли, что плясовую, что частушки, что солдатскую. Только ахали зрители-слушатели и щедро одаряли веселых мастеров пятаками и гривенниками. Случалось, зарабатывали кузнецы за субботу больше, чем за всю неделю. Не стыдился Сидор этих денег: давали люди не из милости, а за красивую работу.

Жилось теперь вполне прилично. Не голодал, приоделся, родным стал понемногу помогать. Только длилось это недолго, до 28 июня 1914 года, когда в далеком городе Сараеве безвестный миру несовершеннолетний гимназист Гаврила Принцип несколькими выстрелами почти в упор свалил замертво на дно коляски наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда. Этих пуль, выпущенных рукой наивного, экзальтированного юноши, словно ждали власть имущие в столицах всех «великих» держав. Когда нужен повод, его всегда находят.

Так началась первая мировая, империалистическая...

В ОКОПАХ

На четвертый день по выходе царского манифеста о войне бывший рядовой 12-й роты 186-го Асландузского пехотного полка 47-й дивизии 16-го пехотного корпуса Сидор Ковпак перестал быть «бывшим»: он, как и тысячи мобилизованных, вернулся в свою часть. Полк немедленно отправили на Юго-Западный фронт, в Польшу, где уже шли тяжелые бои с главными силами австро-венгерской армии на линии Люблин — Холм.

Бездарный царь, бездарные и продажные министры, бездарный и косный генералитет. Военная, промышленная, техническая отсталость. Казнокрадство, лихоимство, прямое предательство даже в высших сферах, не исключая императорского двора и самой августейшей фамилии. И за все это должны были расплачиваться своей кровью рабочие и крестьяне, одетые в серые солдатские шинели. «За бога, царя и отечество» тысячи их гибли ежедневно в мировой мясорубке империалистической войны.

Выдающийся генерал русской армии А. А. Брусилов с горечью вспоминал позднее:

«За три с лишком месяца с начала кампании большинство кадровых офицеров и солдат выбыло из строя, и оставались лишь небольшие кадры, которые приходилось спешно пополнять отвратительно обученными людьми, прибывшими из запасных полков и батальонов... С этого времени регулярный характер войск был утрачен, и наша армия стала все больше и больше походить на плохо обученное милицейское войско. ...Наконец, прибывавшие на пополнение рядовые в большинстве случаев умели только маршировать, да и то неважно; большинство их и рассыпного строя не знали, и зачастую случалось, что даже не умели заряжать винтовки, а об умении стрелять и говорить было нечего...

Понятно, что такие люди солдатами зваться не могли, упорство в бою не всегда оказывали и были в недостаточной мере дисциплинированны...

Многие из этих скороспелых офицеров, унтер-офицеров и рядовых впоследствии сделались опытными воинами, и каждый в своем кругу действий отлично выполнял свои обязанности, но сколько излишних потерь, неудач и беспорядка произошло вследствие того, что пополнения приходили к нам в безобразно плохом виде!»

Наскоро укомплектованная до штатов военного времени 47-я дивизия не представляла исключения: после первых же боев в полках оставалось в строю солдат едва на роту! Вот так повоевали... И еще новость: штабс-капитана Вюрца убили. Причем в затылок. Рассчитались, значит, солдатики за все. Получил полуротный по заслугам. Так думал не один Ковпак. Именно потому побледнел ротный, услышав сообщение о Вюрце, а потом и полковник, которому Парамонов доложил о происшедшем. Командир полка поспешил уведомить и генерала, начальника дивизии. Генерал приказал убийцу разыскать и предать полевому суду. Это на фронте-то, среди смертей каждодневных и ежечасных! Уцелевших солдат перебрали по одному. Не миновали и Ковпака.

Долго пытал полковник солдата из старослужащих и на все вопросы получал неизменные ответы: «Не могу знать, ваше высокородие!» Когда же лопнуло терпение, спросил в сердцах: «И кто вас, дуроломов, учил?» — «Так что их благородие штабс-капитан Вюрц, ваше высокородие!» — четко, на едином вздохе выпалил солдат, не сводя, как и положено, с начальства черных цыганских глаз... Еле сдержался полковник, чтобы не кинуться на дерзкого с кулаками. Однако остерегся, влепил только несколько суток ареста.

Следствие окончилось ничем. Стрелявшего в штабскапитана так и не нашли, а может, его к тому времени и самого уже не было в живых: война есть война.

Остатки 47-й пехотной дивизии вскоре сняли с передовой и отвели на переформирование в Ивангородскую крепость, что на Висле, неподалеку от Люблина. Пополнив ее ряды новыми тысячами российских, украинских да белорусских мужиков, дивизию снова бросили в мясорубку. В солдатской судьбе Ковпака к этому времени произошли изменения: учитывая его грамотность, Сидора перевели из роты в команду полковой связи, а потом уже за лихость в боях, недюжинную сметку и сноровку назначили в разведку.

Служба в разведке пришлась Ковпаку по душе. Хоть и приходилось играть со смертью в прятки, но зато чувствовал себя человеком, с которым считаются и унтеры, и офицеры, к чьим словам прислушиваются с вниманием и свой брат солдат, и начальство. Воинское честолюбие — предмет не зазорный, особенно если солдат еще молод и от души полагает, что воюет за правое дело, чтобы из-

гнать врага с родной земли. А именно таким солдатом был еще тогда Сидор Ковпак. Прозрение придет к нему, как и к миллионам других Ковпаков, позже, а пока что он честно исполняет свой воинский долг, исправно добывает для командования «языков» в австрийских траншеях. Ночами излазил, исползал на животе столько немереных верст, что сам диву давался, откуда силы брались. А брались они от уверенности, что делает он нужное родине дело. Так думали миллионы солдат и младших офицеров, потому и удерживали русские армии фронт против объединенных сил Германии и Австро-Венгрии, и не только удерживали, но и били...

Били и на реке Золотая Липа, и у Гродека близ Львова, и в Карпатах. «Нужно помнить, — справедливо писал А. А. Брусилов, — что эти войска в горах зимой, по горло в снегу, при сильных морозах ожесточенно дрались беспрерывно день за днем да еще при условии, что приходилось беречь всемерно и ружейные патроны и в особенности артиллерийские снаряды. Отбиваться приходилось штыками, контратаки производились почти исключительно по ночам, без артиллерийской подготовки и с наименьшею затратою ружейных патронов, дабы возможно более беречь наши огнестрельные припасы.

...Объезжая войска на горных позициях, я преклонялся перед этими героями, которые стойко переносили ужасающую тяжесть горной зимней войны при недостаточном вооружении, имея против себя втрое сильнейшего противника».

Одним из этих героев был и рядовой Сидор Ковпак, не ведавший тогда, конечно, что почти через тридцать лет ему снова придется воевать в Карпатах — уже советским генералом...

А войне конца не видно. Наоборот, чем дальше, тем разгорается все сильнее. Фронты пожирали людей ненасытно. И за успехи, и за неудачи платила страна одной ценой — солдатской кровью. Впрочем, случалось, что видели фронты (правда, на почтительном, десятка в два верст, удалении от передовой) и августейших особ. В самую наихудшую пору, к апрелю 1915 года, был затеян приезд в Галицию императора Николая II. Обратимся снова к авторитету А. А. Брусилова:

«Я находил эту поездку хуже, чем несвоевременной, прямо глупой... Я относился к ней совершенно отрицательно. Кроме того, я считал лично Николая II челове-

ком чрезвычайно незадачливым, которого преследовали неудачи в течение всего его царствования, к чему бы он ни приложил своей руки. У меня было как бы предчувствие, что эта поездка предвещает нам тяжелую катастрофу».

Предчувствие не обмануло А. А. Брусилова: пятнадцатый год стал годом тяжелых испытаний для войск Юго-Западного фронта. Но это произошло позже, а тогда, в апреле, царь в мешковатом мундире с полковничьими погонами обходил строй рот почетного караула. Безвольный, неумный, ко всему на свете равнодушный, весь какой-то поношенный, словно траченный молью, вовсе не похожий на свои профили на серебряных полтинниках, император покорно выслушивал рапорты, молча изредка кивал головой и оглядывался на адъютантов, ожидая их подсказки: что же делать дальше? Как правило, дальше следовало пожалование нижним чинам крестов и медалей за «верную службу царю и отечеству». Изредка, опять подчиняясь нажиму своих приближенных, Николай пытался даже что-то сказать солдатам. Но, как продолжает А. А. Брусилов, «царь не умел обращаться с войсками, говорить с ними. Он и тут, как всегда, был в некоторой нерешительности и не находил тех слов, которые могли привлечь души человеческие и поднять дух».

Таким его увидел и нижний чин Сидор Ковпак, застывший в сером солдатском строю. Да не одного, а с августейшей супругой, как именовали императрицу Александру Федоровну.

Замерли вытянувшиеся в струнку солдаты, не лица — маски. Среди них и ефрейтор Ковпак. Приняв из рук сверкающего золотом погон и аксельбантов адъютанта два «Георгия» и две медали, царь самолично приколол награды к гимнастерке ефрейтора.

...И снова окопы, грязь, кровь, смерть. Снова ефрейтор Ковпак шастает по австрийским ближним тылам, высматривая, слушая, запоминая. На то и разведка.

В марте 1916 года бестолкового и нерешительного генерал-адъютанта Н. И. Иванова заменил на должности главнокомандующего Юго-Западного фронта генерал А. А. Брусилов. И фронт словно ожил. Не только офицеры, но каждый солдат понимал, что изнурительным оборонительным боям и отступлениям теперь конец, что следует ждать наступления! И оно началось — уже 22 мая —

легендарный Брусиловский прорыв, самая крупная победа русской армии в первой мировой войне.

Противник потерял свыше 1 миллиона 500 тысяч убитыми и ранеными, свыше 450 тысяч солдат и офицеров было взято в плен. Брусиловское наступление не только спасло честь русской армии, оно оказало огромное воздействие на ход и исход первой мировой войны. Потерпели крах наступательные планы немцев под Верденом и австро-венгров — в Италии. Германия оказалась вовлеченной одновременно в несколько тяжелых сражений на разных фронтах. Австро-Венгрия вообще стояла перед реальнейшей угрозой полного разгрома. Перешла в наступление итальянская армия в Тироле, Румыния вступила в войну на стороне союзников. Именно летом шестнадцатого года была подорвана мощь германских и австро-венгерских войск, без чего была бы невозможна победа союзников два года спустя.

Ликовали солдаты на фронте, ликовал и тыл. Измученная двухлетней войной страна увидела в победоносном брусиловском наступлении реальность возможного перемирия. Крах Германии и Австро-Венгрии казался неизбежным. Но этого не произошло. Верховные командования союзных войск при прямом попустительстве правящих кругов своих стран не использовали возможность покончить с войной. Знаменитый полководец с горечью писал: «Что касается меня, то я как воин, всю свою жизнь изучавший военную науку, мучился тем, что грандиозная победоносная операция, которая могла осуществиться при надлежащем образе действий нашего верховного главнокомандования в 1916 году, была непростительно упущена».

Чувства гордости и горечи разделяли со своим командующим и все солдаты Юго-Западного фронта, в том числе и ефрейтор Ковпак. По словам самого Сидора Артемьевича, именно во время последовавшего после наступления отхода русских войск у него начала проступать «ясность в мозгах». Все более и более отчетливо он понимал, что самодержавие — это гигантская разлагающая язва. Символично звучащую фамилию Распутин знали уже не только в придворных кругах — по всей России. На фронтах слово «распутинщина» отождествлялось со словом «измена». В самом деле, что мог сказать Сидор Ковпак и любой из его товарищей по поводу приказа, запрещающего при отступлении уничтожать воин-

ские склады, иначе говоря, оставлять их в целости и сохранности австрийцам? Только так: «распутинщина», «измена».

И фронт и тыл жили предчувствием близящихся перемен.

Об этом прямо говорили свои же солдаты — большевики. Впервые это слово — большевик — Сидор услышал именно в конце шестнадцатого года. По его позднейшему признанию, он тогда же рассудил, что большевики — правильные хлопцы, которые и сами понимают, что делается вокруг, и другим солдатам помогают во всем разобраться. А понять в первую очередь следовало главное: эта война народу чужая, нужная только царю, фабрикантам, купцам да помещикам. Они-то ее и развязали, чтобы на солдатской крови и костях обогатиться, урвать кусок пожирнее у других — таких же, как они сами, богачей Германии и Австро-Венгрии. По доброй воле они войну не окончат, потому что ни истекающего кровью народа, ни России им нисколько не жаль. Какой же выход? Только один, убеждали большевики: кончать войну самим! Да не ее одну, а все породившие ее царские порядки. А потому — долой самодержавие, мир народам!

Внимательно слушал эти речи ефрейтор Ковпак, размышлял, взвешивал по мудрому крестьянскому правилу в уме каждое слово. Выходило — кругом правы большевики, идти за ними надо. И не ждать, начинать здесь, на фронте. А начинать нужно с братания! С такими же, как они сами, измученными войной австрийскими крестьянами и рабочими.

На участке роты Ковпака между австрийскими и русскими траншеями протекал ручей, единственный источник воды. К нему и ходили с флягами да котелками. Само собой получилось, что никто ни в кого здесь уже не стрелял. Всяк брал воды, сколько нужно, и уходил невредимым... А там и сошлись, случилось, двое или трое с разных сторон. Как водится, первая встреча была неловкой, настороженной, выжидающей. Да и языка друг друга не знали. Но потом общий язык, понятный каждому, нашелся — язык мира.

Не по душе командованию пришлось стихийное солдатское перемирие. На все готово было преданное самодержавию офицерство, даже на кровопролитие, только бы взнуздать снова с каждым днем и часом выходящую

из повиновения солдатскую массу. Хорошо понимали господа: если не покончить с братанием, покончено будет с ними самими. Но сделать уже ничего не могли. Целую армию под пулеметы не поставишь, а братающихся стрелять снова друг в друга и подавно не заставить. Оставалось только одно: отвести с передовой ненадежные части в тыл, а там уже навести порядок и расправиться с самыми отъявленными «смутьянами».

Всю 47-ю пехотную дивизию пришлось снять с позиций и отправить подальше от фронта — к станции Окница в Бессарабии. Здесь командование чувствовало себя увереннее и попыталось было взяться за солдат по-старому. Но было уже поздно. Наступил девятьсот семнадцатый год. Февральская штормовая волна смела за борт корабля Российского государства насквозь прогнившее самодержавие.

Царизм низложен. У власти Временное правительство, вначале во главе с князем Львовым, а затем — «тоже социалистом» бывшим адвокатом Керенским. Ненавистного императора не стало, но вздохнувший было полной грудью народ не получил ни мира, ни земли. «Война до победного конца!» — требовал рвущийся в российские наполеоны министр-председатель Керенский. Что же касается земли, то с этим предлагалось подождать до Учредительного собрания. Но вконец деморализованная армия воевать уже не могла. Затеянное Временным правительством по требованию союзников июньское наступление захлебнулось в крови. Расстреляв демонстрацию 3 июля, Керенский окончательно раскрыл глаза народу на контрреволюционный характер «временной» власти. А впереди уже явно обозначались контуры ничем не маскируемой белой диктатуры во главе с генералом Корниловым.

Корниловская авантюра завершилась полным провалом. Революционный народ сорвал все планы реакционной военщины. И немалая заслуга в этом принадлежит армии, в частности полковым, дивизионным, корпусным и армейским комитетам, созданным после Февраля во всех частях и соединениях. Подобно Советам депутатов, полковые и прочие комитеты были прямым порождением революционных масс. Солдатские комитеты, по существу, сосредоточивали в своих руках всю полноту командной власти. В состав комитетов избирались самые уважаемые в части солдаты, унтер-офицеры, пользующиеся до-

верием офицеры. Членом солдатского комитета 186-го Асландузского пехотного полка летом 1917 года был избран и ефрейтор Сидор Ковпак. Тогда же он произнес свою первую в жизни публичную речь на митинге, предварительно спихнув с трибуны какого-то подполковника, несшего околесицу о «верности России союзническому долгу».

Полковой комитет решал, что делать дальше. Все склонялись к тому, что сохранять полк как воинскую единицу смысла нет никакого. Другое дело, если фронтовики двинутся по домам, где их ждут. Они расскажут односельчанам правду о большевиках, о том, что партия Ленина хочет мира, земли и хлеба для народа, что к борьбе за это святое дело призывает она подняться весь трудовой люд России. Советовал разойтись и ротный командир, уважаемый солдатами Парамонов.

Решение приняли единогласно. По приказу комитета солдаты двинулись по домам. Личное оружие, деньги полковой и дивизионной касс, лошадей — все это разделили между собой. Артиллерию, боеприпасы ликвидировали. Полк перестал существовать. Но родилась новая, доселе невиданная сила: вооруженные люди, несшие домой познанную, принятую и свято оберегаемую ими правду — большевистскую правду о мире, о войне, о земле.

Член самораспустившегося полкового комитета ефрейтор Сидор Ковпак тоже отправился в родную Котельву, не был в которой он с того самого дня, когда забрили его на действительную. Шел солдат с фронта в бурное время. Слышал Ковпак, что еще в марте объявилась Центральная рада, что составили ее именовавшие себя «щирими», то есть «настоящими», украинцы. Шумели, что нужна им «самостийная» Украина-де, от Москвы не зависящая, как в прошлые времена и поныне, а сама по себе. Проживем, мол, как-нибудь без России. Нам она ни к чему.

Рассказывали Сидору солдаты-большевики, что появилась такая политическая организация, буржуазно-националистическая. Повалили туда кулачье, помещики, городские буржуи, кое-кто из украинских интеллигентов — тоже мнили себя такими вот «щирими». Понял ефрейтор, что Украине добра не ждать от них: что царские пули да нагайки, что пули да ножи «щирих» — все равно. И царь, и Керенский, и Рада одной породы —

вражьей, чуждой трудовому народу. Имена вожаков этой Рады Сидор запомнил: Грушевский, Винниченко, Петлюра.

Завела Рада уже и собственное войско — гайдамаков. Подразделения назывались куренями. На манер старого запорожского войска. У славных запорожских казаков националисты украли не только названия, но и форму, включая шаровары и смушковые шапки с длинным, свисающим набок цветастым верхом. Думали националисты, что за пышными словами и музейной одеждой не распознают трудовые люди Украины их вражье нутро. Ошиблись: распознали быстро. По делам. В дни, когда Сидор пробирался домой, гайдамаки уже шастали по дорогам. Хватали «дезертиров» — возвращавшихся в родные села группами и поодиночке закаленных, обстрелянных фронтовиков. Те не давались, конечно. Порой доходило до настоящих боев.

Вблизи Черкасс Ковпак вышел к Днепру. Глянул солдат на великую родную реку, а перебраться-то как? Поблизости ни лодчонки, ни плота, ни бревна. Все под охраной гайдамаков. Экая незадача!

Вместе с группой солдат Сидор двинулся берегом, подальше от гайдамацких заслонов. Блуждали недолго: с того берега донесся приглушенный расстоянием зычный голос:

— Эй, там кто есть, слышите нас? Ждите малость! Мы сейчас к вам лодками... Возьмем всех!

Солдаты повеселели: порядок! Свои люди — днепровские рыбаки, в беде не бросят, сообразили, что к чему. И вправду с той стороны вскоре приплыли. Ни одного фронтовика не оставили, всех перевезли. На том берегу сомкнулись в крепком пожатии загрубевшие в трудах крестьянские и солдатские руки. Душевно улыбнулись друг другу незнакомые люди.

— Доброй дороги, братья!

— Спасибо за все, други!

Наконец перед глазами Ковпака появилась родная Котельва... Просто не верится Сидору: неужто дома? Это сколько же мотало его по белу свету? Без малого восемь лет... Многовато. Так что, пожалуй, под родную крышу запросто и не зайдешь. Смутные пошли времена.

Дождался темноты солдат и тенью скользнул под окно.

В хате — ни звука. Темень, мертвая тишина. Сидор

тихонько постучал. Изнутри к оконному стеклу приникло чье-то лицо. Сидор скорее догадался, чем узнал...

— Акулинка, сестричка, я это... Открой...

И вот уже тепло дорогих стен обступило Сидора, и не было на свете ничего более нужного, чем благостный покой, на миг охвативший солдата, давно забывшего, что это такое — родное тепло.

РАЗВЕ НЕ ТОТ ЖЕ ФРОНТ?

О многом переговорили в ту ночь. Когда закончили о своих домашних делах, Сидор спросил:

— Что в слободе?

Родные помрачнели. Потом рассказали о невеселом котельвинском житье: слободские богатеи, кулачье бедноту за горло взяли. Именем Центральной рады сколотили «общественный комитет» — местную власть. Всеми средствами пытаются взнуздать народ. Кипит Котельва. Про большевиков здесь слышали, бедняки тянутся за вернувшимися фронтовиками, а те сплошь за большевиков. Сидор спросил, много ли в слободе солдат. Отец, братья — Алексей, Семен, Федор — стали перечислять, насчитали человек двести.

— Что ж они, голорукие?

— Зачем же? Говорят, с оружием, — отозвалась сестра Акулина.

Сидор повеселел.

— Тогда, значит, живем. Двести хлопцев, двести ружьишек — сила, верно? Славно получается, гляди-ка: с фронта вроде иду, а на фронт попал... Дела-а... — И продолжил: — Нет, двести штыков не дадут мироедам хозяйничать в слободе. Руки укоротим, дай срок.

Уже на рассвете ушел солдат спать на сеновал — не те времена, чтобы позволить себе в доме отдохнуть.

На другой день Сидор взялся за дело. Через отца и брата Алексея передал надежным старым друзьям, тоже бывшим фронтовикам, чтобы зашли. Собрались в Ковпаковой клуне Бородай, Гнилосыр, Тягнирядно, Шевченко, Радченко, Кошуба, Салатный, Гришко. Народ все обстрелянный. С такими не пропадешь. Беднота горькая, они знали, зачем и для чего принесли с войны винтовки, наганы, гранаты. Разговор был откровенным: чего ждем?

Таких встреч было несколько, перебывали на них ед-

ва ли не все котельвинские фронтовики. И, видно, кто-то проговорился, потому что однажды ночью Ковпакова хата наполнилась грубыми, хриплыми голосами ворвавшихся вооруженных дядек. Подняли стариков.

— Где ваш Сидор? Да живо?

— Вы что, люди? — пожал плечами отец. — Где же ему еще быть, если не на войне?

Ничего не добились от старого Ковпака ночные гости, как ни грозили. Велели, уходя, как только появится Сидор дома, тотчас дать знать в «общественный комитет».

Сидор понял: теперь нельзя терять ни одного дня. Снова собрал друзей, рассказал о случившемся, прямо предложил: надо создать в Котельве красный партизанский отряд, захватить почту, телеграф, волостное правление. «Комитетчиков» и стражников — под арест. Потом созвать слободу на сход, учредить свою власть. Горячо поддержали фронтовики земляка. Тут же порешили: быть Ковпаку начальником штаба (командиром) отряда, Бородаю — комиссаром. Подсчитали свои силы — включить в отряд решили 120 бывших солдат. Подсчитали и оружие — винтовок оказалось семьдесят.

Сидор и Бородай вышли на середину Артемовой хаты, взволнованные, торжественные, точно сговорились, сказали враз:

— За доверие спасибо, браты! — и оба низко поклонились.

Так родился отряд. Так Сидор Ковпак, вчерашний солдат царя, стал и остался на всю жизнь солдатом революции. В последующие дни оказалось, что не зря провел он три года на действительной в Саратове и еще столько же на передовой, что не зря приглядывался к своему ротному капитану Парамонову. Хватку командирскую бывший ефрейтор проявил сразу и по-настоящему.

Установил строжайшую дисциплину, не старорежимную — за страх, а подлинно народную — за совесть. Затем ухитрился, втайне, разумеется, от «комитетчиков», провести с отрядом настоящее учение. Придирчиво и дотошно проверил все наличное оружие. Разбил бойцов на группы, каждой поставил и растолковал боевое задание. Убедился, что все свои задачи усвоили и никто ничего не напутает. Шутка ли сказать: бойцам, хотя и старым служакам, впервые предстояло идти в бой под командованием не профессионально обученных офицеров, а всего лишь бывшего ефрейтора! Однако никто в успехе не

сомневался, люди поверили в своего командира, а вера эта в любом воинском подразделении имеет значение первостепенное.

В намеченную Ковпаком и Бородаем ночь все свершилось точно по плану. Без единого выстрела партизаны захватили почту, телеграф, здание волостного правления, незаметно окружили казарму стражи. По-пластунски, неслышно Ковпак подполз к входной двери и мгновенно, не дав и пикнуть, обезвредил часового. Бойцы взяли на мушки все окна и дверные проемы.

Бородай скомандовал:

— Оружие выбросить на улицу в окна! Самим выходить во двор с поднятыми руками! И не вздумать чего!

Ошеломленные внезапностью нападения, не разбирая спросонок, что, собственно, происходит, стражи власти и порядка послушно расстались с винтовками, наганами, саблями. Так же послушно вышли с поднятыми руками во двор.

От имени народа бойцы Ковпака и Бородая не менее решительно разделались и с «общественным комитетом». Его попросту разогнали — вот и все. Бородай так заявил опешившим «комитетчикам»:

— Ваша власть приказала долго жить, господа хорошие!

— Аминь! — кивнул Ковпак с таким выражением скуластого лица — постно-притворным, какое бывает у присутствующих на похоронах, если покойный принадлежал не к лучшим мира сего.

И оба неудержимо рассмеялись...

Красные партизаны Ковпака и Бородая стали первыми представителями Советской власти в Котельве. Они и созвали, ударив в набат, общий сход всей слободы, когда узнали, что решил I Всеукраинский съезд Советов, состоявшийся в декабре семнадцатого года в Харькове.

Съезд приветствовал победу Октября. Одобрил внешнюю и внутреннюю политику большевиков и первого в России Советского правительства во главе с Лениным. Принял резолюции «Об организации власти на Украине» и «О самоопределении Украины». Торжественно провозгласил Украину республикой Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Постановил немедленно ввести «полную согласованность в целях и действиях» с Советской Россией и другими частями бывшей империи Романовых, где образуются Советские республики.

Съезд решил, что отныне Украина и Советская Россия будут связаны федеративными узами, и поручил новоизбранному ВУЦИКу немедленно распространить на территории Украинской Советской Республики все декреты и распоряжения Советского рабоче-крестьянского правительства Российской Федерации. В том числе, конечно, и Декрет о земле, написанный лично Лениным и принятый еще 25 октября II Всероссийским съездом Советов, декрет, положивший конец вековой власти господ над кормилицей людской — землей.

Господская собственность на землю отменяется! Вместо нее провозглашается всенародная! Все бесплатно будут владеть ею — только сам на ней трудись. Украинский крестьянин должен был стать полновластным хозяином 16 миллионов гектаров пахотной земли: и помещичьей, и казенной, и удельной, и церковной.

Привлеченные набатным боем, поспешили котельвинцы на слободскую площадь. Толпа собралась огромная — до десяти тысяч человек. Трибуну соорудить не успели, вместо нее поставили посреди площади обычный крестьянский воз. Первым на «трибуну» поднялся, а вернее взобрался, Бородай. По обычаю скинул с головы видавшую виды солдатскую папаху и поклонился народу. На площади сразу воцарилась тишина.

— Люди! Товарищи! Прошу всех вас, пусть никто и слова не пропустит из того, что услышит здесь, потому что такое один только раз бывает, с тех пор, как мир стоит, еще не было....

Комиссар говорил о революции, о партии большевиков, о Ленине, о мире, о земле. Закончил — словно бомбу взорвал на площади:

— Так вот, мужики, поручено мне Советской нашей властью объявить здесь, в Котельве, объявить вам, трудящемуся люду в слободе, что по декрету, принятому Советской властью, от сегодняшнего дня вся земля пахотная, да угодья, да все прочее отныне есть добро общее, наше, народное. А потому мы, как хозяевам и положено, должны беречь это добро, как свои глаза.

Закончив свою речь, Бородай передал слово Сидору Ковпаку, который избран уже был председателем земельной комиссии. Сидор тоже обнажил голову перед народом и постоял так некоторое время молча, держа в прижатой к поясу руке армейский свой картуз, хоть и с облупившимся от холодов и зноя козырьком, но удиви-

тельно сохранившийся, по-крестьянски хозяйственно бережённый. Очень волновался Сидор, не оттого, что стоял на виду тысяч людей, но от сознания высокой ответственности за каждое свое слово...

Речь его была короткой. Он просто предложил: немедля наделить землею, инвентарем и тяглом самых горемычных в слободе — вдов и сирот. Следом за ними — всех остальных, как велит закон.

Площадь заклокотала. Множество голосов слилось в единый гул. Ковпак стоял на возу твердо, уверенно, внешне спокойный. Но на душе у него было тревожно: «А потрафлю ли целой Котельве? Все ли так смогу, как люди хотят?» Многие годы спустя Сидор Артемьевич не раз возвращался к тому бурному дню, когда он впервые понял в полной мере, что это такое, когда весь спрос — с тебя, а иначе — зачем ты нужен?

И через сорок лет темнели гневом глаза старика, когда он вспоминал то, что из головы не выкинешь. А произошло тогда, в частности, вот что.

Волостному ревкому, избранному после разгона «общественного комитета», нужны, конечно, были и грамотные люди. Вот почему и доверила слободская беднота учителю Федченко быть одним из членов ревкома. Тому самому Федченко, который некогда директорствовал в школе, где одолевал грамоту и подросток Сидор Ковпак. С той далекой поры и запомнился ему этот в общем-то неплохой человек, простого люда не чуравшийся, чем мог помогавший голытьбе. Не знали еще люди, что этот сельский интеллигент был им все-таки чужой, потому что не порвал всех нитей, привязавших его к имущим классам, потому что в глубине души он в народ не верил...

Когда Федченко взял слово, его поначалу слушали внимательно и уважительно, но чем дольше он говорил, тем мрачнее становились люди... Федченко был меньшевиком-соглашателем, и это определило его позицию. Он признавал, что землю у помещиков и кулаков надо отобрать, спору нет, но вот делить пока нельзя, не сумеет народ это сделать как следует. Другое дело, если создать, к примеру, особый комитет, а тот комитет пригласит землемеров, а землемеры все и сделают, то есть не все, но измерят землю и скажут, что делать дальше...

Учителя и не дослушали даже. Куда там! Площадь загудела, точно штормовое море. Сидор почувствовал,

как его охватывает злость: ну-ну, Федченко, хорош! Выходит, что опять народу достанется не земля, а только посулы! Да если принять то, за что директор ратует, то как же с Советской властью, которая твердо заявила: фабрики и заводы — рабочему, землю — крестьянину?! Нет, не бывать такому! Пока он, крестьянский сын Сидор Ковпак, председатель земельной комиссии волости — не бывать!

И солдат решительно отстранил в сторону растерявшегося директора, да так, что тот чуть было не свалился с воза. Рывком поднял руку над головой, и в тот же миг площадь умолкла.

— Товарищи! То, что вы сейчас слышали от Федченко, это не от Советской власти. Это чужое! Советская власть наказывает нам землю брать немедленно, потому что она наша. Отныне и навеки! И делить ее станем, хотя снег еще и не сошел, тоже немедля, завтра же! А сегодня просим всех десятских, а их у нас сорок, явиться в земельную комиссию. Там все и решим, насчет леса тоже.

Что творилось на площади после этих слов Ковпака!

В тот же день собрались члены земкомиссии и все десятские в бывшей волостной управе. В самую большую комнату народу набилось — не протолкнуться. Ковпак обвел собравшихся еще бешеными, не успокоившимися после схода глазами и сказал всего два слова:

— Начнем, товарищи!

И начали! Подсчитали всю землю, затем отвели по участку каждому десятскому — давай нарезай людям их законную землицу и начинай с безземельных, вдов и сирот.

Покончили с делом лишь к утру и отправились — нет, не по домам — прямиком на поля, где уже их ждали с волнением тоже не спавшие всю ночь слобожане...

Не знали счастливые люди в тот счастливый миг, что надвигается на них страшное бедствие — нашествие кайзеровских войск.

Давно уже немцы рвались к благодатной, неиссякаемо щедрой украинской земле. Рвались, да руки коротки были. И тут вдруг Центральная рада сама услужливо распахнула перед ними дорогу на Украину. Генерал Гофман — глава немецкой делегации на переговорах в Брест-Литовске — отлично знал и понимал, что Центральная рада и самозванна, и неправомочна, и непред-

ставительна, и вообще это политическая лина, а не власть. Но как раз это его и устраивало. И вот уже полмиллиона австро-немецких солдат фельдмаршала Эйхгорна маршируют по дорогам Украины. Грозная, неудержимая сила. Кто посмеет с нею тягаться? Уж не эти ли большевики, у которых, как с издевкой утверждает фельдмаршальский штаб, нет ничего, кроме лозунга: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»? Наивные фантазеры!

Что ж, «наивные» Ковнаки, Бородаи, их товарищи по оружию, по одной судьбе, все эти люди, ставшие Советской властью Украины, очень скоро показали оккупантам, какие они «фантазеры»!

...Партизаны расположились в лесу близ Котельвы и контролировали фактически отсюда обширный район, образованный четырехугольником Полтава — Зиньков — Ахтырка — Краснокутск. Устраивали налеты по ночам на немецкие гарнизоны, стоявшие в окрестных селах, совершали смелые нападения из засад на вражеские колонны. Били и оккупантов, и их прихвостней: синежупанных гайдамаков Рады, шлыкастых и чубатых «добродиев» из «державной варты» гетмана Павла Скоропадского, и «жовтоблакитников» Петлюры.

Бойцы Ковнака и Бородая брали не числом, а умением. Умением, накопленным и в окопах империалистической, и в боях новой войны — уже за собственную, Советскую, власть. По-крестьянски рачительно и вдумчиво, от боя к бою обогащал свой командирский опыт Сидор Ковнак. Отличный солдат, храбрый разведчик на фронте мировой войны, ныне партизанский вожак — он всегда, в сущности, оставался мирным человеком, просто **вынужденным** воевать. Но уж если пришлось драться, то с умом и рассудком, как и подобает потомственному крестьянину, хлеборобу, вся жизнь которого — это неустанный повседневный труд на земле, требующий трезвой головы, ясной мысли, неторопливого, продуманного расчета и учета, превосходного знания дела и полной уверенности в успехе.

Все это Ковнак имел и умел, воюя, вкладывать в войну. Всем своим нутром воюющего мужика он чувствовал, а мужицким умом понимал, как надо вести дело, чтобы с наименьшей кровью добыть наибольший успех.

За несколько месяцев партизанских действий проявились и утвердились характерные особенности Ковпа-

ка-командира. Осмотрительность, неторопливость в решениях, даже медлительность, как порой могло показаться, а на самом деле — нетерпимость ко всему легковесному, бьющему на дешевый эффект, а потому смертельно опасному на войне. Скрупулезная придирчивость даже к самому себе, если дело шло о приказе, по которому люди должны пойти на смерть, глубокое уважение к трудовому человеку, которого судьба сделала партизаном и поставила под его, Ковпаково, начало. Наконец, смелость и убеждение в том, что вору, чужаку, пришельцу нипочем не удержаться в доме, куда он ворвался незваным: все равно его оттуда вышвырнут хозяева. Эта вера никогда не покидала Сидора Артемьевича. Хозяева — вот кем были и Ковпаковы хлопцы, и сам он.

К осени 1918 года под ударами красных партизан и революции в собственной стране армия оккупантов на Украине стала разваливаться. В ноябре в Германии произошла революция. Кайзер Вильгельм II отрекся от престола и бежал за границу. 13 ноября ВЦИК аннулировал кабальный Брест-Литовский договор. «Мир» насилия и грабежа под объединенными ударами германского и российского пролетариата пал, сбылось полностью предвидение Ленина о недолговечности Брест-Литовского договора.

Правительство РСФСР вступило в переговоры с Украинской директорией. Советская делегация предложила объединить усилия Советской России и Украины для изгнания с территории Украины оккупационных войск уже не существующей кайзеровской Германии и англо-французских интервентов. Кроме того, Советское правительство предложило директории заключить наступательный договор против белогвардейского генерала Краснова. Как и следовало ожидать, петлюровские политиканы начали играть в тайную дипломатию, чтобы за спиной украинских рабочих и крестьян продать Украину английским и французским империалистам. Маневры директории разгадали и делегаты РСФСР, и украинские трудящиеся. По призыву Временного рабоче-крестьянского правительства Украины развернулась вооруженная борьба против директории и оккупантов.

На помощь украинским трудящимся пришла Красная Армия. В январе 1919 года был освобожден Харьков. В тесном взаимодействии с украинскими частями и партизанами полки Красной Армии изгнали с Украины окку-

пантов, разбили войска украинской контрреволюции, погнали петлюровцев на запад и к Черному морю. После освобождения Киева в древней столице начало работать Советское правительство Украины.

Свою хоть и скромную, но достойную роль в этих исторических событиях сыграл и Котельвинский отряд красных партизан Ковпака — Бородая. Второй раз разошлись по домам бойцы Сидора Артемьевича, впервые вспахали и засеяли полученную от Советской власти землю. Но убрать урожай им не довелось. На этот раз помешал генерал Деникин. Жарким летом 1919 года покатился с юга неодолимый, казалось бы, вал офицерских полков и дивизий «Добровольческой армии». В эти-то дни и примчался в Котельву из недалекой Ахтырки тогдашний секретарь уездного комитета партии Подвальный, спешно собрал членов Котельвинского ревкома. Разговор был коротким и деловым. Расспросив о местных делах и узнав, что Котельвинский отряд готовится оставить родные места, Подвальный заявил, что действия командиров одобряет, о положении осведомлен и потому предлагает создать в отряде большевистскую партийную организацию.

Ковпак, Бородай, все ревкомовцы были глубоко взволнованы, да и как могло быть иначе: им предлагали вступить в партию большевиков, в партию товарища Ленина!

Комиссар Бородай встал, переборол волнение. Сказал коротко:

— Другой дороги, кроме как с партией, у нас нет. Не осрамимся, товарищ секретарь, не сомневайтесь!

Подвальный улыбнулся — он и не сомневался. Бородай между тем повернулся к Ковпаку, сказал уважительно:

— Ты, Сидор, наш командир, тебе, значит, первому и честь эта!

Один за другим следом за Ковпаком кладут на стол заявления Бородай, Гнилосыр, Тягнирядно, Ландар. Подвальный пожимает крепко руку каждому.

— Поздравляю, товарищ! Служи партии и революции!

Тут же новосозданная Котельвинская партийная ячейка избрала своего первого секретаря. Им стал Гнилосыр. Через несколько дней Ковпак и Бородай увели отряд из Котельвы. На марше их нагнал посланец уездного комитета партии и вручил новопринятым коммунистам членские билеты РКП(б). Произошло это знамена-

тельное в жизни Сидора Ковпака событие 29 мая 1919 года.

...В Ахтырке котельвинцы встретились с группой партизанских отрядов, объединенных под командованием Александра Пархоменко. Совместно стали пробиваться с боями на север. Путь был трудный, ежедневно приходилось вступать в ожесточенные схватки с золотопогонниками. Прорвались! Вышли к Туле. Здесь, в славном городе русских оружейников, спешно формировались новые части Красной Армии. В одну из них и влился Котельвинский отряд, однако без своего командира: свалился Ковпак в горячечном сыпняке. Беспамятного партизана уложили на полку санитарного поезда, следовавшего в далекий Саратов, где начинал он когда-то солдатскую службу.

Вышел Сидор из военного госпиталя — кожа да кости. Вышел и сразу же в Саратовский губком партии. Глянули на него губкомовцы и сказали: никаких дел для тебя, дорогой товарищ, пока нет и быть не может, кроме отдыха и поправки.

Не привык Ковпак просить за себя, не в его характере такое, а тут чуть не взмолился:

— Все понимаю, товарищи! И как раз потому прошу: не держите меня! Отдохну и поправлюсь на фронте. Верьте слову!.. Я знаю себя.

Убедил губкомовцев упрямый партизан, и вот он уже в Уральске. В знаменитой 25-й дивизии Василия Ивановича Чапаева.

Должно быть, губкомовцы все-таки дали знать в дивизию, что прибывающий к ним новый чапаевец после тифа еле на ногах держится, так как назначение здесь Ковпаку дали не в разведку или строевую роту, а заместителем к Дьяконову — командиру оружейно-трофейной команды. Поначалу Сидор чертыхался — должность свою воспринял как самую что ни на есть «обозную». Но только поначалу...

Действительность преподнесла Сидору очередной, крепко запомнившийся урок, а именно: на войне «мирных» должностей не бывает, если только, конечно, человек на должности воюет, а не рассматривает ее как «теплое местечко». Но в Чапаевской дивизии об этом и речи быть не могло... Она действовала в составе армии под командованием Михаила Васильевича Фрунзе, сдерживавшей натиск главной надежды всей внутренней и

внешней контрреволюции — до зубов вооруженных полчищ «черного адмирала» Колчака, провозгласившего себя «верховным правителем России». Здесь, на Восточном фронте, решалась в девятнадцатом году судьба революции, судьба Советской России.

Обязанности Ковпака укладывались в несколько слов: обеспечивать дивизию оружием и боеприпасами из «местных» ресурсов. Логика была жестокая: винтовка, которая не попадала в руки красного бойца, доставалась врагу, у которого к тому же и так было преимущество в вооружении. Отсюда и железное правило команды: за кем бы ни осталось поле боя, все оружие и боеприпасы убитых и раненых должны принадлежать чапаевцам! Подчиняясь этому незыблемому правилу, бойцы команды подчас жертвовали и собственной жизнью.

У чапаевских боеснабженцев был еще один источник получения оружия: им (особенно стрелковым и холодным) во множестве владело уральское казачество, в основном — кулачье.

Изымать оружие у лампасников, привычных к винтовке и шашке чуть не с пеленок, было делом и трудным, и опасным. Люто ненавидели Советскую власть и только ждали своего часа не одни богатые казаки: однажды Ковпак и его бойцы вынесли 100 винтовок, 2 английских пулемета, 500 ручных гранат и 10 тысяч патронов из... алтаря действующей церкви! На ехидный вопрос Сидора, для молений во имя какой богоматери потребны скорострельные «льюисы», святой отец так ничего вразумительного и не ответил.

Дважды встречался Ковпак с Чапаевым, видел-то, конечно, чаще. Такой же вроде мужик, как и он сам, тоже георгиевский кавалер, разве что одной лычкой на погоне было больше... А кем сделала Василия Ивановича революция? Красным генералом! Легендарный начдив заставил примером своей короткой, но яркой жизни поверить в свои пока еще скрытые силы и его, Сидора Ковпака.

...Как и все чапаевцы, тяжело, в самое сердце был поражен Ковпак гибелью любимого начдива. Не взяли в открытом бою его белоказаки, ударили в спину в сонном, застигнутом врасплох Лбищенске. Но горе не заглушило и трезвой мысли... На всю жизнь вынес урок Ковпак из лбищенской трагедии. Случалось и ему терпеть неудачи в другой, еще более жестокой войне, но никогда из-за

того, что допустила непростительную оплошность служба боевого охранения, что не проверил ее дотошно и придирчиво он, командир.

Республика покончила с «черным адмиралом». Наступил черед генерала, прозванного в народе, хотя и ходил он в неизменной белой черкеске, «черным бароном», — Врангеля. В неприступном, казалось, Крыму засел Врангель, тешимый призрачной надеждой повторить, но — победно! — деникинский поход к сердцу России. Выдернуть «крымскую занозу» и покончить тем самым с белогвардейщиной предстояло красным войскам Южного фронта, возглавляемым Михаилом Васильевичем Фрунзе. Сюда перебрасывались части Красной Армии с других, прекративших свое существование фронтов. Сюда, в Таврию, послали и Ковпака. Ему было поручено доставить в распоряжение 6-й армии эшелон с вооружением, боеприпасами и снаряжением. Что такое дорога поры гражданской войны от Урала до юга России — известно достаточно хорошо. Не случайно сам Ковпак впоследствии об этом задании написал кратко, но достаточно красноречиво, что задача по обеспечению боепитания 6-й армии была «выполнена в срок, ценой работы до полного изнеможения».

В действительности все обстояло куда сложнее. Много лет спустя тот же Ковпак рассказал о тех днях чуть-чуть подробнее:

«В момент разгрузки города Уральска от вооружения и боеприпасов бывший комбриг Чапаевской дивизии Сапожков поднял против Советской власти восстание и хотел захватить в городе Уральске вооружение и боеприпасы. Под моим командованием на подступах к городу банда Сапожкова была остановлена...»

Крымская твердыня рухнула, с нею рухнули и последние надежды белогвардейщины сломить Республику Советов собственной военной силой. Сидор Ковпак, скромный солдат революции, хоть и не принимавший участия непосредственно в последних этих боях, мог, однако, с полным правом сказать сам о себе: «Без меня не обошлось».

Фронты ликвидированы. Война не кончилась. По всей Украине шастают банды. Их много — мелких, крупных, всяких. Одни состоят из десятка кулацких сынков-одно-

сельчан и не уходят за пределы волости, другие — многосотенные, возглавляемые бывшими царскими полковниками, связаны с закордоньем. И для тех, и для других кровь людская — водица сушая... Не своя, конечно. Налетали внезапно на села и городки, вырубали в первую очередь коммунистов, советских активистов, вырезали их семьи, не щадя ни старого, ни малого. Бандитизм, но на классовой, а не просто уголовной основе. Поэтому в банде какого-нибудь в прошлом жандармского ротмистра можно было встретить трижды судимого даже в дофевральские времена убийцу и грабителя. Случалось, впрочем, что они и менялись ролями в своеобразной бандитской иерархии.

Серьезной военной силы эти банды не представляли, но урон, однако, только что вышедшей из кровопролитнейшей гражданской войны Советской власти причиняли огромный. Главное — терроризируя население, они мешали трудовому народу залечивать раны двух войн и строить новую жизнь. Была у них и определенная опора — притаившиеся по всем щелям контрреволюционные круги города и деревни. С бандитами нужно было кончать. Быстро и решительно. Одним из тех, кто получил такой боевой приказ, был краском и коммунист Сидор Ковпак. К сожалению, об этом периоде жизни его известно мало...

НА ОБНОВЛЕННОЙ ЗЕМЛЕ

Ковпак рвался домой. Шутка ли — десять лет прошли в армии, из них семь в почти непрерывных боях. Знал — там, в родной Котельве, как и по всей разоренной стране, каждая пара крепких рабочих рук дороже золота. Истосковался по мирному труду, по домашнему быту, по семье. Хотелось встретиться и со старыми товарищами по Котельвинскому отряду, с которыми разлучил его в свое время сыпняк.

Вышло иначе. Ковпака вызвали в политотдел дивизии и сказали: «Поедешь, товарищ, в Большой Токмак помощником уездного военного комиссара...»

Раз посылают — значит, нужно. Отставив мысли о демобилизации, Сидор стал собираться в дорогу. Впрочем, солдатские сборы недолгие. Все на нем самом. Таким он и явился в июле 1921 года в Большой

Токмак: солдатская гимнастерка да галифе, обутый в изведавшие сотни верст фронтовых дорог, а потому дышащие на ладан сапоги. Коренастую фигуру перехватывал ремень с портупеей, на ремне — потертая кобура с тяжелым наганом.

Прибыл в уезд — словно в воду свалился, столько было служебных, партийных и общественных дел, тем более что помощником он пробыл недолго — назначили военкомом. О себе подумать некогда было: что идет ему уже четвертый десяток, а собственной семьи все нет (и не скоро еще она у него будет!).

Только освоился с Большим Токмаком — новое назначение: организовывать уездный военкомат в Геническе. А здесь ему поручают возглавить борьбу с бесчинствующими по уезду мелкими, недобитыми кулацкими бандами. Бандитские последыши, чувствуя, что настает их последний час, лютовали, как никогда раньше. В одном селе бандиты зверски убили председателя сельсовета, двух кооператоров, изнасиловали и повесили учительницу. Банду настигли, но неопытные бойцы Ковпака слишком рано, без команды открыли огонь. Часть бандитов, бросив коней в топях Сиваша, сумела вплавь уйти от преследования.

Только поставил работу УВК в Геническе — новое назначение, куда более высокое, — военным комиссаром Павлоградского округа на Екатеринославщине (ныне Днепропетровская область). Случилось это осенью 1924 года.

Военком округа! Это значит, что с него, Ковпака, спрос за доброкачественное пополнение для Красной Армии с территории весьма и весьма обширной. И во все нужно вникать до мелочей — иначе Сидор Артемьевич (вот уже несколько лет никто его, кроме старых друзей, без отчества не именует) работать не умеет и не может. Потому военком лично знакомился с каждым допризывником и призывником. Старался разобраться в характере, способностях, наклонностях каждого: ведь именно от него, военкома, в первую очередь зависело, в каком роде войск, где служить будущему защитнику Родины. И потому горько переживал почти сплошную неграмотность призывного контингента.

Знал военком, что все, решительно все Советская власть даст этой молодежи, но позже, не сейчас. А пока плохо дело, и сокрушенно покачивал головой, просмат-

ривая списки взятых на воинский учет и останавливая взгляд на графе «образование».

Чем мог, помогал Сидор Артемьевич школьным работникам округа, привлек, в частности, к делу ликвидации безграмотности демобилизованных командиров и специалистов Красной Армии, состоявших в военкомате на воинском учете.

Между тем наступала пора коллективизации сельского хозяйства страны. Появились первые колхозы и на Украине. Павлоградский окружком КП(б)У решил организовать колхоз в одном из самых крупных сел округа, в Вербках. Уполномоченным неожиданно для многих послали... военкома! Окружкомовцы рассудили, что кто-кто, а Ковпак сумеет договориться с крестьянами — ему ли не знать сельскую жизнь, да и авторитетом пользуется повсеместным.

Военком отправился в Вербки как был — в форме, со знаками различия командира полка Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Разыскал там Иллариона Васильченко — председателя сельсовета. Обсудили вдвоем, что делать, с чего начинать. Уполномоченный решил начать с самого, казалось бы, простого (к сожалению, слишком многие уполномоченные этой «простотой» впоследствии пренебрегали): лично, не жалея времени, обойти Вербки. Двор за двором. Усадьбу за усадьбой.

Так и сделал Ковпак, хотя ушло на то немало дней. В лицо узнал всех хозяев. С каждым в отдельности поговорил, к каждому присмотрелся. На вопросы отвечал прямо, откровенно и, что важно, понятно. Был терпелив, не выходил из себя, не горячился, когда встречали порой его слова с недоверием, а то и прямо враждебно. Рассказывал, убеждал уважительно, соблюдая достоинство и свое, и собеседника.

К Сидору Артемьевичу привыкли, поняли: крестьянскую жизнь знает. Поверили, что без коллективного хозяйствования из нужды не выйти.

На собрание пришло все село, кроме явных, лишенных права голоса кулаков. Высказались за колхоз все выступавшие — это Ковпак и Васильченко предполагали. Но другое оказалось полной неожиданностью... С мест раздались голоса, поддержанные залом:

— Хотим колхоз, если к нам за председателя уполномоченного! Ковпака хотим! Даешь Ковпака!

Военком понял: это «если» не от самих вербковчан, они принимали Советскую власть без всяких «если». Это хитрая демагогия кулаков, высказаться в открытую против колхоза побоявшихся. Знали они, что уполномоченный по коллективизации человек военный, полковой командир. Откажется, поблагодарив за честь, Ковпак — это же ясно. А раз так, значит, и с колхозом дело застопорится. Дальше видно будет...

Но это «дальше» не состоялось. Кулацкую уловку, не понятую, а потому и одобренную собранием, Ковпак раскусил сразу и решение принял немедленно, по-командирски. Он встал из-за стола, одернул и без того аккуратно заправленную под широкий ремень гимнастерку и спокойно сказал:

— Если нужно людям, чтобы Ковпак первый показал, чего стоит колхоз, тогда вот вам, граждане, мое слово: спасибо за то, что верите Советской власти, которая меня сюда послала. Давайте вместе новое житье строить, как партия наша зовет.

Избрали единогласно! Так Сидор Артемьевич стал единственным, должно быть, военкомом, являющимся «по совместительству» и председателем сельскохозяйственной артели — Вербковского колхоза имени Ленина. Зал грохотал аплодисментами: крестьяне, за месяц искренне привязавшиеся к уполномоченному, от души радовались его согласию. Кулаки и подкулачники сидели подавленные — они такого оборота не ожидали.

Так еще в 1925 году Ковпак взял в свои твердые руки управление новосозданным колхозом, одним из первых на Павлоградщине. Служба его в Красной Армии продолжалась, и никто от обязанностей военкома освобождать Сидора Артемьевича не собирался. Совмещение двух должностей, военной и сугубо мирной, в лице одного человека было глубоко символично, ибо, действительно, до конца дней своих был Сидор Артемьевич Ковпак и строителем нового мира, и его солдатом.

Уставал смертельно, и голова порой трещала от забот. Да и здоровье, казалось, железное, пошатнулось: все чаще нестерпимо болели ноги от заработанного еще в окопах Юго-Западного фронта ревматизма.

Колхозом руководил основательно, по-хозяйски, с оглядкой, мужицким расчетом и твердым сознанием главного: дай положенное государству, но и себя, то есть колхоз, не обдели — тому же государству это ни к чему.

Но с какими только сторонами жизни не приходилось сталкиваться, с какими проблемами, и всегда находить решение единственное и правильное.

Как-то уже много позже его вызвали в окружком партии.

— Срочно давай в Вербки!

— Что случилось?

— Да вот, понимаешь, Васильченко, предсельсовета, начудил там...

— Ну?!

— Самовольно велел колокола с церкви снимать, а ее саму под клуб передать. Собственноручно один колокол успел убрать, а там люди подоспели — не дали. Заваруха пошла. Васильченко, к счастью, сообразил запереться в церкви. Сгоряча, знаешь, могут и того — растерзать... Так что скачи в Вербки и выручай Лариона. Возьми милиционера на подмогу.

— Это лишнее. Шуму поднимем...

— Тебе виднее.

Военкомовский конек, запряженный в бричку, живо домчал Сидора Артемьевича к месту. Небольшую чистенькую церквушку окружала густая толпа. Ковпак — в нее, протолкался к попу. Батюшка, судя по тому, насколько были возбуждены прихожане, времени даром не терял. Кое-кто уже размахивал в общем-то вполне мирными предметами, вроде ухватов, оглобель, жердей, вил, которые, однако, сейчас вполне могли стать орудиями самосуда и кровавой расправы.

Завидев Ковпака, толпа поутихла.

— Доброго здоровья, люди!

В ответ тягостное молчание. Плохо дело, если с ним не хотят здороваться. Постарался поп. Ковпак повторил приветствие:

— Доброго здоровья, люди! Неужто не слышите? Или вы и со мною в ссоре? И почему это все село здесь? Беда какая стряслась, что ли?

Искренность и удивление — вот все, что слышалось в Ковпаковом голосе, не более. И потому, наверное, после некоторой паузы все же послышались голоса, хоть и одинокие:

— Дай бог здоровья!

— Спасибо! — Ковпак подхватил эту тонкую еще, слабенькую ниточку контакта с обозленной толпой и теперь крепко держался за нее:

— А все же, может, и мне можно узнать, что за беда собрала вас, а, люди?

— Вот то-то и оно, что беда! — с вызовом подал голос кто-то из толпы.

— Да какая же? — Обвел глазами толпу Ковпак. — Не пойму я, ей-богу! — Он улыбнулся и пожал плечами. — Пожар, что ли? Так ведь не горит вроде!

— Это у тебя не горит, а у нас, видишь, загорелось!

— У кого — «у нас»?

— У православных! — все тот же голос, с вызовом.

— Ну ладно, у православных, — кивнул Ковпак. — Так что же у православных загорелось все-таки?

— Нешто не знаешь? Ты же власть! Сами небось и велели Лариону колокола снимать с храма божьего!

— Колокола?! — Ковпак, точно крайне удивленный и озадаченный, остановил взгляд на говорившем — лохматом мужике с недобро блестевшими глазами. — Колокола? — Теперь уже он обвел глазами всю толпу, словно приглашая ее присоединиться к его непониманию. — Зачем Лариону колокола? Вот уж чего не пойму...

— А понимать нечего! — Все тот же, лохматый. — Всё коммунисты мутят.

Его поддержали из толпы, не показываясь:

— Безбожники!

— Известно — антихристы!

— Им закон божий не указ!

— И Ларион такой же! Проучить его, богохульника!

Ковпак понимал, что не нужно останавливать этих выкриков, пусть толпа разрядится, а тогда наступит его, Ковпака, очередь. И он молчал. Долго, терпеливо. Озадаченные этим молчанием, люди постепенно остывали. Наконец воцарилась напряженная, выжидательная тишина. Этого и нужно было Сидору Артемьевичу:

— Вас я послушал, граждане. Теперь, люди добрые, меня прошу послушать. Так вот что я скажу: вижу, обидели верующих. Это негоже. Потому что Советская власть — это рабоче-крестьянская власть. Как же она может крестьянина обидеть? Не может! Но вас все же обидели, если не Советская власть, то кто же? Выходит, сам ваш Васильченко, так? Власть ему такого не могла велеть, стало быть, и вы не велели. Выходит, что сам он это глупое дело затеял. А раз так, значит, закон советский Ларион нарушил самовольством своим. За это его

Советская власть по головке не погладит... Верно говорю, люди?

— Так-то оно верно, а только проучить богохульника надо! — не унимались злые голоса.

— Следует! — подхватил военком. — И проучим! А как же! Но не мы с вами, люди, а тот же закон, что Ларион нарушил. Разве неправду говорю?

— Правду, Сидор Артемьевич! Под суд его, подлеца!

— И я говорю — под суд! Вот сейчас его и свезем к прокурору да свяжем для порядка!

Спустя минуту подавленного, изрядно пережившего Васильченко вывели на улицу и усадили в бричку, предварительно действительно связав ему руки. Выиграла Ковпакова «стратегия»! Жизнь честного, но чересчур горячего и опрометчивого человека была спасена.

Ковпак на этом дело не оставил. Он убедил вербковчан, что решение снять колокола и закрыть церковь Илларион Васильченко — заслуженный красный партизан, добрый, хороший работник, всегда стоявший за правду, — принял без злого умысла. Промашка его, что не посоветовался с народом, начиная такое дело. Клуб, конечно, нужен, но обижать верующих никому не дозволено. Кончилось тем, что по совету военкома вербковчане просили павлоградского прокурора дело против председателя их сельсовета прекратить, а самого его с миром отпустить. Крестьянам пошли навстречу, но головомойку в окружкоме партии Васильченко задали. Илларион вернулся к своим обязанностям и выполнял их так, что людям никогда уже не приходилось ни в чем обижаться на председателя.

История с Илларионом Васильченко еще раз утвердила Ковпака в давно принятой им для себя святой истине: против народа не смей никто, ни в чем, никогда! Посмеешь — пеняй на себя!

Ко времени своего председательства в Вербках Сидор Артемьевич наконец женился, хотя и поздновато — на тридцать седьмом году. Брак Ковпака оказался удачным, правда, характер у Екатерины Ефимовны был крутым, и бывало между ними за долгую семейную жизнь всякое. Но ведь не случайно и поговорка сложена, что жизнь прожить — не поле перейти.

Между прочим, именно женитьба заставила Сидора Артемьевича расстаться с одним своим пристрастием, в чем признался он нескольким друзьям лишь на склоне

лет, когда заглянул ему в глаза уже девятый десяток, а Екатерины Ефимовны уже не было в живых. Зашла речь о театре, и вдруг, оживившись, как это часто бывает со много прожившими людьми, когда вспоминают они молодость, Сидор Артемьевич признался, что когда-то и его неудержимо влекло на сцену! Описать изумление присутствующих невозможно, а Ковпак со свойственным ему юмором рассказал им такую историю, что ее счел возможным опубликовать на своих страницах журнал «Перець».

Если в нескольких словах, то история сводится к следующему. Был такой период в жизни Ковпака, когда он немногие, правда, свободные вечера отдавал занятиям в театральном кружке местного клуба, бывшего, как это водилось в двадцатые годы, центром всей культурной жизни молодежи. С репертуаром было плохо, и для своего первого спектакля кружковцы взяли случайно попавшуюся пьеску — какой-то довольно легкомысленный водевиль. Сидору выпала роль... гуляки-юбочника. Как уже не раз говорилось выше, Ковпак ничего не умел делать наполовину. Роль он исполнил с таким азартом, с таким блеском, что снискал на премьере бурные аплодисменты всего зала. Не хлопал ему, а, наоборот, мрачнел с каждой минутой один-единственный зритель — молодая жена Катя.

Последнее действие пьесы разыгралось дома... Закончил свой рассказ Ковпак предположением, что, возможно, быть бы ему настоящим артистом, «як би не рогач»...

В июле 1926 года неожиданно кончилась, а вернее — прервалась на пятнадцать лет — служба Ковпака в Красной Армии. Ревматизм замучил настолько, что военком вынужден был сам подать просьбу о демобилизации. Жестокими, должно быть, были приступы болезни, лечить которую тогда еще не умели, если решился Сидор Артемьевич на такой крутой поворот в своей устоявшейся было жизни. Врачи после осмотра не только немедленно комиссовали военкома, но еще и выразили удивление, как он вообще мог служить последние несколько лет.

За медкомиссией последовало первое гражданское назначение Ковпака — директором Павлоградского воен-

но-кооперативного хозяйства, расположенного неподалеку от города. В те трудные годы подобные хозяйства создавались при многих воинских частях. Так и Павлоградский кооператив должен был обеспечивать продуктами питания соответствующее армейское соединение. Легко сказать — обеспечивать! Потому что кооператив, который вручили Ковпаку, в то время сам был на харчах у армейцев, а не они у него. Беда, а не хозяйство досталось бывшему военкому. Туда пролезли всякого рода ловкачи и деляги, пробралось и кулачье. Они орудовали там, как в собственном кармане. Развалили дело вконец — будто здесь орда прошла.

Начал Ковпак с того, что все обошел, все своими глазами осмотрел. Картина ужасающая! Поля — почва обработана хуже не придумаешь. Заглянул на конюшню — не кони, а живые трупы, иные уже и ногами не владели, их подвесили на холщовых подхватах. Под ними давно сгнившая солома...

Заглянул Ковпак и на подворье к своему заместителю. Отличная хата, утонувшая в густейшем садике, и здоровенный пес на громыхающей цепи, гуси упоенно орут, откормленные поросята благостно похрюкивают. А коровы и телки — одна лучше другой. Все добротное, крепкое, заботливо и старательно убранное. Ковпак от ярости языка лишился. Ты посмотри, какой живоглот! Кооператив развалил, а тут устроил настоящую помещичью экономию, даже с батраком!

К вечеру о многом узнал Сидор Артемьевич. О том, что батрак Петро на замовом подворье — бывший буденновец, а сам зам состоял когда-то в банде Маруси-атаманши! Поговорил с бухгалтером. Десяти минут хватило, чтобы понять: подхалим и бездельник. Угождая старому начальству, делал приписки, но сам не вор, в душе переживает и развал хозяйства, и свою бесхребетность. Познакомился и с рабочими. Эти совсем другое дело. Люди работящие, настоящие крестьяне, но работают плохо, потому что проку никакого от своего труда не видят ни для хозяйства, ни для себя лично.

С замом поговорил круто. Назвал все вещи своими именами. Личное хозяйство велел ликвидировать немедля, не потому, конечно, что оно личное, а потому как явно кулацкое, чего Советская власть терпеть не может. С должности заместителя снял. Сказал при этом, что если уцелела в нем хоть капля порядочности, то возможность

снова стать человеком еще не потеряна: пусть идет чернорабочим на конюшню! Сам довел ее черт знает до чего, сам и приводи в порядок! Работать умеешь, дворовая усадьба тому доказательство.

И ведь согласился бывший зам, согласился! То ли потому, что опасался худшего — суда, то ли потому, что новый начальник словами своими резкими, но справедливыми разбередил все же его душу, раскопал в глубине ее давно вроде бы угасшие зерна совести. Скорее всего и то и другое имели место. Да и сам он, неглупый, в сущности, человек, чувствовал, что единственная возможность для таких, как он, это порвать со старым и пойти по новой дороге вместе со всем трудовым крестьянством. Пока не поздно...

С бухгалтером было проще. Ведь знал дело свое этот человек! Губила его слабость характера, старорежимная угодливость, десятилетиями вбитый в душу трепет перед властным тоном и начальственным окриком. Ковпак давно усвоил истину: доверие к человеку движет горами. Накричи он сейчас на главбуха, стукни кулаком по столу — конец тому как работнику, тут только доверие поможет, мягкость определенная, нужно убедить его, что он, Ковпак, хочет одного — добра людям, и ничего для этого не пожалеет. Только чтобы все делалось чистыми руками, без всяких приписок, а тем более подлогов. Что старому бухгалтеру отныне придется печься об одном: как беречь и приумножать народное добро, а не покрывать жульничество и воровство.

Двойного результата добился Сидор Артемьевич (хотя одним, первым разговором дело, конечно, не ограничилось): человека выпрямил и хорошего специалиста для хозяйства сберег.

Крепче всего досталось от Ковпака... Петро! Как мог бывший буденновец, красный кавалерист дойти до жизни такой, что при Советской власти, за которую кровь и жизнь свою не жалел, превратился в батрака на кулацком подворье!

Сидор Артемьевич с двумя разными людьми одинаково не говорил, к каждому научился единственный правильный ключик подобрать. Потому и честил Петро почем зря, что знал: этого нужно разозлить, чтобы снова возгорелся в нем непримиримый и боевой дух конармейца! И добился своего. Когда Петро готов был уже сквозь землю провалиться от стыда, Ковпак неожиданно

замолчал. А потом совсем иным тоном, словно и не он только что шумел, не стесняясь самых крепких слов, деловито предложил вчерашнему батраку стать... его заместителем! Даже не предложил, а приказал. И не ошибся. В считанные дни Петро сумел стать его правой рукой, показал себя человеком живой и деятельной сметки, практичным и оборотистым, неторопливым на решение и быстрым на дело.

Расшевелил Ковпак и рабочих хозяйства. Эти-то сразу поняли, что новый начальник — свой трудовой человек, работать намерен ради общего блага, а не только своего личного благополучия. И вот уже сплотился вокруг Сидора Артемьевича надежный кооперативный актив, человек пятнадцать верных помощников во всех делах.

Шли месяцы. Уходили с ними в прошлое развал и хаос. Хозяйство медленно, но неуклонно выздоравливало, набиралось сил, вставало на ноги. Все чаще скуластое лицо Ковпака посещала довольная, открытая улыбка:

— Подымаемся, значит, хлопцы, а?

— Да, потихоньку, Сидор Артемьевич!

Не один, конечно, день дело делалось. Но вот Павлоградское хозяйство стало приносить доходы, а там и превратилось в одно из лучших в округе!

Лично для Ковпака это означало прежде всего — свой долг он выполняет, как и положено коммунисту. Труд его приносит пользу государству, кооперативу, людям, которые так же самоотверженно работают с ним бок о бок. За это ему — почет, признание, уважение, грамоты, благодарности. Репутация умного, дальновидного, неутомимого хозяйственника.

В конечном результате — новое назначение, в Путивль, в тамошний кооператив, который переживал времена, что пережил некогда Павлоградский. И Ковпак отправился на новое место.

Невелик, но древен город Путивль на нынешней Сумщине. Основан он был здесь, на берегу Сейма, в конце X века для защиты Киевской Руси от набегов половцев, потом был южным форпостом и Московского государства. Отсюда в апреле 1185 года ушел в несчастливый поход новгород-северский князь Игорь Святославович, оставив здесь жену свою Евфросинью Ярославовну...

Плач Ярославны сохранили навеки для потомков бессмертные строки «Слова о полку Игореве». Здесь же, в Путивле, летом 1606 года после убийства Лжедмитрия I и воцарения Василия Шуйского началось народное восстание Ивана Болотникова. Многое, словом, перевидал этот город за свою тысячелетнюю историю...

Путивль, когда переселился сюда Ковпак, насчитывал всего двенадцать тысяч жителей, но роль в экономической и культурной жизни округи играл большую. В городе было два завода: плодоконсервный и маслобойный, машинно-тракторная станция, три средние школы, семилетка, зооветеринарная школа, два училища механизации сельского хозяйства, педагогическое училище, плодоовощной техникум, две библиотеки, кинотеатр, Дом пионеров, Дом учителя, музей.

Кооператив, который возглавил Сидор Артемьевич, должен был снабжать путивлян продуктами питания, но фактически, увы, находился у города на дотации, так что предстояло Сидору Артемьевичу решать уже знакомую задачу со многими неизвестными: ставить запущенное хозяйство на ноги.

Партийные и советские органы Путивля помогли ему. Поднялся кооператив, как больной после тяжкой болезни, пошли первые доходы, появился оборот. И вновь заулыбался скуластый черноглазый начальник. Но и призадумался: на какую новую работу пошлют? То, что так непременно произойдет, он не сомневался. Так и произошло.

В 1935 году Ковпак стал заведовать дорожным отделом Путивльского райисполкома. Должность оказалась самой трудной из всех, что он уже занимал. И не мудрено, потому что дороги района были в ту пору подлинным бедствием путивлян. Ковпак застал их такими, какими были они, пожалуй, еще во времена князя Игоря. В весеннюю или осеннюю распутицу ни проехать, ни пройти. Не дороги, а лишь направления. Что же до ассигнований на благоустройство дорог, то Сидору Артемьевичу оставалось лишь почесать затылок, когда заглянул в соответствующую графу своего бюджета: и смех и грех.

Нужно было искать какой-то выход, и он был найден. Ковпак рассудил: денег — кот наплакал, однако дороги нужны позарез людям. Значит, к людям и надо обращаться! Так и сделал, при полном понимании и поддержке райкома партии. Ковпак (и не только он, но и мно-

гие другие ищущие люди в разных уголках страны) предложил то, что получило название «метод народной стройки»! Иначе говоря: строить что-либо, не вводя в расходы государство, силами своего колхоза, завода, района, собственными силами, используя местные материалы и ресурсы. В данном конкретном случае — строить дорогу, нужную всему району, всем его предприятиям, учреждениям и хозяйствам, каждому жителю в отдельности и всему населению в целом: дорогу между Путивлем и ближайшей железнодорожной станцией.

Это двадцать пять километров.

Весь район объездил Ковпак, всех расшевелил, взбудоражил, заразил своим энтузиазмом. Нашлись и свои изыскатели трассы, и рабочие руки, и транспорт, и инструменты, и материалы, и специалисты. Построили! Отличное, вполне современное шоссе и мост через Сейм в придачу. Ушло на это три года, но дело было сделано. День открытия магистрали стал настоящим праздником для путивлян, а Сидор Артемьевич чувствовал себя на нем подлинным именинником.

За время работы заведующим доротделом Ковпак снискал всеобщее уважение. И нет ничего удивительного, что на первых выборах 24 декабря 1939 года путивляне избрали Сидора Артемьевича депутатом районного и городского Советов депутатов трудящихся. На первой же сессии городского Совета Ковпак был избран председателем Путивльского горисполкома. Это избрание утверждало в его сознании, что жил и работал он правильно, коль оказал народ такую честь. Понимал и другое: почет — лицевая сторона высокой должности, оборотная же — высочайшая ответственность перед людьми, выдвинувшими тебя.

С новой должностью Ковпак освоился быстрее и легче, чем с предыдущими. Во-первых, еще работая заведующим дорожным отделом, он хорошо изучил город, знал его нужды и тревоги, был знаком со всеми местными руководителями, многими рядовыми работниками. Во-вторых, сказался большой опыт, накопленный за тринадцать лет хозяйствования после демобилизации. Так что ни приглядываться особенно, ни тем более раскачиваться ему не пришлось. Но и рубить сплеча тоже было не в его правилах.

Начал он, по самой логике вещей, с ближайшего окружения, то есть аппарата самого горисполкома. Освободил

работников, явно не способных справиться с новыми, большими задачами, заменил их людьми дельными, толковыми, мыслящими. Подтянул дисциплину, до того, мягко говоря, хромавшую. Четко определил круг обязанностей каждого сотрудника, что было до него понятием весьма расплывчатым.

Вначале эти меры показались многим крутыми, но потом вдруг обнаружилось, что работать стало легче, чем раньше. Исчезла неразбериха, волокита, бесконечная перекидка дел из одного отдела в другой, что вело ко многим недоразумениям и создавало нездоровые отношения между сотрудниками. Постановления теперь не только принимались, но неуклонно выполнялись, а выполнение проверялось, и не формально, а глубоко и по существу. Стали правилом производственные совещания, причем это были именно совещания, а не пустые говорильни.

Особое внимание Ковпак уделил работе с жалобами и письмами трудящихся. Поступало их в исполком ежедневно десятки. За письмом — живой человек с нелегкой заботой, а то и просто бедою. Ковпак крепко утвердил правило и неукоснительно следил за его исполнением: жалобы и заявления рассматривать немедля, не тянуть. Самое большее — десять дней, и дай человеку то, за чем он к тебе обратился. Советский человек имеет дело с советским учреждением, и этим все сказано.

Внутриисполкомовские дела были лишь долей хлопот, каждодневно осаждавших председателя. Весь Путивль изо дня в день клокотал в председательском кабинете. Люди шли нескончаемой чередой: и приглашенные, и вызванные, и просто посетители.

Школы, торговля, культура, коммунальное хозяйство — всего не перечислить. Лучше уж спросить тогда самого Ковпака, было ли такое, за что у него голова не болела бы? Он бы только покачал этой уже изрядно поседевшей и не менее изрядно облысевшей головой: ишь чего захотел! А что еще остается делать председателю, как не решать сразу уйму дел? Зачем он тогда нужен?

Путивляне встречали своего председателя повсюду. То он вышагивает по улицам, не торопясь, ко всему приглядываясь и прислушиваясь. То меж людей найдешь его в оживленной беседе. Видели его и в магазинах, и на рынке, и в местном музее... Большие, густой черноты глаза задумчивы. Председатель размышляет, прикидывает, планирует. Люди привыкли видеть его именно та-

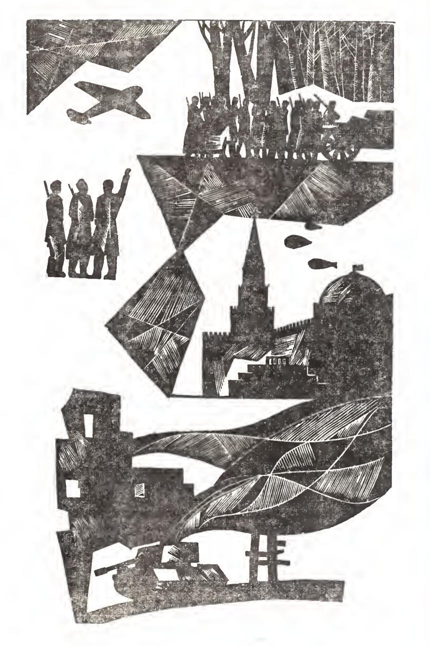
ким, встречаясь лично, отвечая на Ковпаковы приветствия, вопросы и расспросы. На официальном языке это называется «стилем работы», а если попросту, то горожане говорили так: «Наш Дед знает, чего хочет». «Дед»? Да, как-то незаметно, но прочно прилепилось к нему это слово. Так оно и правда, ведь шестой десяток разменял...

Сидор Артемьевич сам не раз говорил, что лучше всего ему размышляется именно среди людей, а не в одиночестве. Потому и держался с ними удивительно просто, без усилий, непринужденно и естественно, как дышал... Так же естественно упрочился и его председательский авторитет, репутация человека толкового, душевного и, что не менее важно, абсолютно неподкупного, нерушимо честного и чистого.

Председатель (это сразу заметили) имел одну слабость: к деревьям, кустарникам, цветам, тому, что на псиолкомовском официальном языке называлось зелеными насаждениями. Потому особенно заботился о городском сквере. Он и в самом деле был хорош, этот действительно уютный, живописный уголок города на Сейме, украшение Путивля. Перед самой войной здесь был воздвигнут памятник Ильичу...

Хоть и захлестывала порой Ковпака круговерть председательских дел, хорошо ему жилось и работалось в те последние мирные месяцы. Но ни на одно мгновение его, старого солдата и красного командира, не оставляла тягостная мысль о войне. Она уже бушевала на Западе, начавшись фактически с Абиссинии и Испании. Гитлер захватил Польшу. Что-то будет дальше? Невольно председатель возвращался в памяти к временам первой мировой и гражданской. Он-то знал наверняка: коли уж заполыхало у твоего соседа, то остерегайся и тот, чья хата сразу же за плетнем. Не потому ли Сидор Артемьевич, расхаживая по улицам Путивля, то и дело, бывало, приостановится, провожая взглядом колонну молодежи и вслушиваясь в слова строевой песни, одной из любимых в те предвоенные годы:

Стоим на страже
Всегда, всегда...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАРОДНАЯ, СВЯЩЕННАЯ...

УХОДИЛИ В ЛЕСА ПАРТИЗАНЫ

Двадцать второе июня... Когда эту дату называют, не упоминая года, мы знаем: речь идет о двадцать втором июня сорок первого. Начало войны, Великой Отечественной, самого сурового испытания для Советского социалистического государства.

В четыре часа утра фашистская Германия и ее сателлиты напали на СССР, напали вероломно, без объявления войны. Варварской бомбардировке в первые же часы подверглись Рига, Виндава, Либава, Шяуляй, Каунас, Кронштадт, Вильнюс, Гродно, Лида, Волковыск, Брест, Кобрин, Слоним, Барановичи, Минск, Бобруйск, Житомир, Киев, Севастополь, Измаил, многие другие города.

В двенадцать часов Советское правительство известило по радио народ о вероломном нападении и призвало его разгромить врага. В тот же день Президиум Верховного Совета СССР принял Указ о мобилизации военнообязанных 1905—1918 годов рождения ряда военных округов, в том числе Киевского особого, Одесского, Харьковского. В отдельных местностях СССР, в том числе на Украине, было введено военное положение.

Начались ожесточенные приграничные сражения советских войск с численно превосходящим противником в Прибалтике, Белоруссии и на Украине.

Война... Пятая на памяти Сидора Ковпака, третья, в которой ему доведется участвовать.

Через несколько часов после ее начала собралось бюро Путивльского районного комитета партии. Решение было деловым, лаконичным и суровым: партийному акти-

ву перейти на казарменное положение, начать строительство и оборудование бомбоубежищ, срочно ремонтировать помещения, пригодные для использования под госпитали, создавать истребительные отряды, помогать военкомату в проведении мобилизации.

Старый солдат и командир Сидор Артемьевич Ковпак, когда сидел на том памятном заседании бюро, не мог, конечно, знать, что 1418 дней и ночей неслыханных по ожесточению сражений будет длиться эта война, еще не имевшая и названия, но что продлится она не один месяц, что потребует от народа предельного напряжения всех духовных и физических сил, мобилизации всех материальных ресурсов, принесет людям неисчислимые страдания, будет стоить многих тысяч жизней, — это он понимал хорошо. Понимал и то, что вал немецких дивизий остановить на линии государственной границы удастся вряд ли, что какую-то часть советской территории, хотя и ценой огромных потерь, врагу удастся на время захватить. Вот только какую?

Каждая очередная передача последних известий убеждала его, что нужно, не допуская ни паники, ни растерянности, готовиться и к самому худшему.

27 июня ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР приняли постановление об эвакуации населения, промышленных объектов и материальных ценностей из прифронтовой полосы. Не сегодня-завтра эта полоса могла докатиться и до Путивля...

И всплыло невольно в памяти, казалось бы, принадлежащее уже лишь истории слово «партизаны».

Коммунистическая партия, Советская власть возглавили это патриотическое движение. Уже 29 июня 1941 года ЦК ВКП(б) и Совнарком СССР направили партийным и советским организациям прифронтовых областей директиву, в которой, в частности, говорилось:

«В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т. д. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников, преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия».

Через неделю, 6 июля к украинскому народу обратились ЦК КП(б)У и правительство республики.

В обращении были и такие слова прямого призыва:

«Возродим славные традиции украинских партизан, которые беспощадно уничтожали в годы гражданской войны немецких оккупантов. На занятой врагом территории создавайте конные и пешие партизанские отряды, диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, высаживайте в воздух в тылу у врага мосты, дороги, уничтожайте телеграфную и телефонную связь, поджигайте леса и склады, громите обозы противника. Создавайте врагу и его пособникам нетерпимые условия, беспощадно преследуйте и уничтожайте их, всеми способами срывайте все мероприятия врага».

И запылала земля под сапогами оккупантов. Партийные организации Украины создали и оставили для действий в тылу врага на сугубо добровольных началах 883 партизанских отряда, более 1700 диверсионных истребительных отрядов и групп. На территории оккупированной республики было образовано 23 областных, 63 городских, 564 районных подпольных комитета партии, подпольные комитеты комсомола. На подпольной работе в тылу врага было оставлено 26 тысяч коммунистов и 30 тысяч комсомольцев. Вместе с партизанами и подпольщиками продолжали борьбу бойцы и командиры Красной Армии, попавшие в окружение, но не покорившиеся фашистским захватчикам.

Готовились встретить врага во всеоружии и на Сумщине. Здесь также были образованы подпольный обком и райкомы партии, 146 подпольных групп, в 35 отрядов послано почти полторы тысячи человек. В Путивле в этой подготовительной работе самое прямое участие принимал председатель горсовета. Вот когда пригодился весь его богатый опыт: и бывшего партизана гражданской войны, и многолетнего военкоматского работника, и умелого хозяйственника, и энергичного организатора, наконец, его редкостная способность разбираться в людях, отличное знание города и района. И все тверже сам утверждался в мысли, что его, Ковпака, место — в партизанском строю. Позднее он напишет в одной из своих книг:

«Долго раздумывал: где в свои пятьдесят пять лет я сумею больше принести пользы? Там, на востоке, или в тылу врага? За плечами опыт боев в империалистическую войну, партизанская и армейская школы Пархоменко и Чапаева, курсы в высшей стрелковой школе, двадцатитрехлетний стаж работы с людьми, двадцать два года

труда и учебы в партии. Коммунисты, рабочие, жители Путивля избрали меня председателем исполкома горсовета. Как же оставить своих избирателей, если сюда придет враг? Ведь председатель исполкома — это представитель Советской власти в городе, а власть наша народная, с народом она делит радость и горе...

Твердо решил — останусь».

Партийный актив Путивля наметил создать четыре партизанских отряда; в Спадщанском, Новослободском, Казенном лесах и в селе Литвиновичи. Командиром будущего Спадщанского отряда был утвержден Ковпак, Новослободского — Руднев. Для обеспечения отрядов хотя бы на первое время Ковпаку было поручено создать три базы с продовольствием и снаряжением в Спадщанском и Новослободском (иначе — Монастырском) лесах и неподалеку от села Ильино-Суворовка. Непосредственно этим важным делом в обстановке строжайшей секретности занимался старый друг Ковпака Алексей Ильич Коренев, директор инкубаторной станции, в прошлом — опытный, заслуженный партизан гражданской войны.

Ежедневно они уходили за А. И. Кореневым в лес: заведующий отделом коммунального хозяйства горсовета В. Ф. Попов, председатель Кардашевского сельсовета В. Л. Рыжков, коммунисты Т. М. Козаченок, Ф. С. Мерзляков, П. В. Толстой, И. О. Войкин, П. И. Демьяненко. Первые путивльские партизаны. Правда, о том, что эти люди — партизаны, знали в городе немногие.

Под видом помощи Красной Армии было заготовлено 250 солдатских котелков, ведра и баки, 75 пар сапог, 250 шапок, 100 ватников, 500 пар белья, 100 пар рукавиц, полторы тонны сливочного масла, полтонны варенья, тонна колбасы, крупа, соль, сахар, лапша, сухие овощи. Все это, надежно упакованное, гарантированное от порчи, легло на дно 132 глубоких ям. Отдельно, как особая драгоценность — 750 килограммов аммонала.

Не много ли добра для крохотного отряда в девять человек? В том-то и дело, что и Ковпак, и Коренев, и другие бойцы рассматривали свою группу лишь как ядро, основу будущего, гораздо более крупного отряда.

26 августа началась эвакуация Путивля. Все, кто мог, покидали город, уехала на подводе и жена Ковпака Екатерина Ефимовна. Фронт приближался с каждым днем. Уже шли бои на Конотопском направлении, на восточном

берегу Днепра, немцы вышли на линию Глухов — Чернигов. После ожесточенных боев советские войска оставили Днепропетровск, а затем и всю Правобережную Украину, за исключением районов Киева и Одессы.

8 сентября Ковпак отправил своих бойцов в лес уже для окончательного обоснования, сам остался в городе.

В один из этих дней Сидор Артемьевич познакомился с группой белорусских минеров. В Харькове они обучались на специальных курсах, но превратностями военной судьбы оказались в Путивле. Минеры понравились Сидору Артемьевичу, он с ними откровенно переговорил. Большая часть группы решила все же уйти с Красной Армией, но четыре человека приняли предложение Ковпака присоединиться к его отряду. Все они впоследствии (и заслуженно) стали видными людьми среди партизан. Это были Николай Курс, Георгий Юхновец, Виктор Островский и Василий Терехов.

Город опустел. Только пятеро вооруженных людей ходили по безлюдным улицам... Ковпак словно прощался со ставшим ему родным Путивлем. Когда-то он сюда вернется? В типографии обнаружил непорядок: часть оборудования стояла целенькой, нетронутой. Крепко помянув ее бывших руководителей, Ковпак и его минеры кое-что уничтожили, кое-что спрятали. На складе райпищеторга обнаружили мешки с солью — 120 тонн соли тут же раздали населению. Зашел председатель и в краеведческий музей, которым очень гордился. Тут узнал, что сотрудник музея Шелемин самые ценные экспонаты спрятал в... действующей церкви.

Настало 10 сентября. Горький день Путивля. Так описал его сам Ковпак:

«Немцы на подступах к городу. Рано утром оставили помещение горисполкома, служившее нам штаб-квартирой. Обосновались в городском парке, откуда продолжали вести наблюдение за приближающимся противником.

Под вечер в городе появились первые немецкие солдаты. От фашистов отделял нас один квартал. Чертовски хотелось отправить на тот свет одного-другого гитлеровского молодчика, но вступать в бой с разведкой и этим обнаруживать себя мы не имели права. Нужно уходить в лес, пока оставался свободным от врага единственный семикилометровый путь по заболоченному берегу Сейма.

Пробирались скрытно по берегу и камышам. Тропки

изучали еще во время занятий в Осоавиахиме. Все же противник заметил нас и открыл минометный огонь. Пришлось зайти в болото поглубже. К лесу добрались только к полуночи, усталые и насквозь промокшие.

Лес встретил нас неприветливо. Мелкий назойливый осенний дождь не переставал моросить, под ногами хлюпала вода, темень кромешная. Окончательно выбившись из сил, решили отдохнуть стоя, прислонившись к дереву. Так стоя и заснули».

Когда проснулись, оказалось, что на всех пятерых у них лишь триста граммов хлеба, раскрошившегося, намокшего, смешавшегося с табаком. Этот хлеб, поделенный по-братски, стал их первой партизанской едой...

Утром выяснилось, что маленькая группа оказалась в довольно серьезном положении. Спадщанский лес занимает все междуречье между Сеймом и Клевенью. С юго-запада на север по его границе тянутся болота, весной и осенью совершенно непроходимые. У леса особенность: в нем столько разнообразия, а вместе с тем столько похожих мест, столько почти одинаковых полянок и низинок, столько раз высокий дубняк сменяется молодым сосняком, сосняк — березняком, а тот снова дубняком, столько в нем зарослей орешника и ольшаника, что заблудиться в нем ничего не стоит. Ковпак со своими спутниками и заблудился. Почти десять дней они не могли найти базу, где ждал их Коренев с остальными бойцами. Ковпак объяснял потом:

«Приметой у меня были молодые сосенки, у которых мы сворачивали с дороги, когда закладывали продбазу. Несколько раз мне казалось, что я нашел эти примеченные мною сосенки, но возле них я не замечал никаких следов. Это меня путало. Я шел дальше, опять встречал как будто те же сосенки и опять никаких следов поблизости не находил. Накануне шел дождь, и он смыл в лесу все следы».

Между тем фронт был еще где-то рядом, доносился гул артиллерии, разрывы бомб. В селе Старая Шарповка партизаны чуть не напоролись на немцев. День проходил за днем, а Ковпак все не мог отыскать группу Коренева. Зато он нашел... неожиданное пополнение для отряда. Причем какое! Лес словно вытолкнул из своих зарослей двадцать восемь вооруженных бойцов и младших коман-

диров во главе с сержантом Федором Андреевичем Карпенко, впоследствии — легендарным командиром роты автоматчиков, человеком своеобразного характера, трудной личной судьбы и поразительной храбрости.

Карпенко и группа его бойцов были разведчиками бригады А. И. Родимцева, которая в конце лета дала жестокий бой гитлеровцам в Голосеевском лесу на подступах к Киеву. Карпенко и другой сержант, Андрей Калинович Цымбал, со своими бойцами оказались отрезанными. Пробираясь к фронту, они попали в Спадщанский лес.

Вскоре группа Коренева нашлась, и все стало на свои места. Отряд начал свое существование. Но вначале Ковпак счел нужным собрать всех и обратиться к ним с речью, поводом послужило то, что один человек, оказавшийся в лесу по недоразумению, сам ушел домой, убоявшись борьбы. Сидор Артемьевич, глядя в лицо всем сразу, сказал:

— Я никого не держу! Никого, понятно? Мы сами пришли сюда — сами и уйдем, когда понадобится. Сейчас мы уже солдаты, а что это такое, знает любой из нас. Повторять не буду. Любому понятно: пришел в лес — значит, принял присягу стоять до конца. Ушел из леса самовольно — значит, растоптал присягу. Стало быть, сам себя на смерть осудил. Так что спрашиваю: кто раздумал и хочет домой? — выждал с минуту и закончил: — Значит, никого? Что ж, все правильно.

Тон, каким Ковпак произнес эти слова, и сами они, и вид командира — суровый, решительный, властный — произвели на бойцов неизгладимое впечатление.

А Сидор Артемьевич продолжал:

— ...Помните, не забывайте, други: мы воюем насмерть! Или мы — их, или они — нас. Середины нет и быть не может. Будьте же ко всему готовы, хлопцы!

22 сентября Сидор Ковпак отдал по отряду приказ № 1. Насчитывалось на это число в отряде сорок два человека. Вооружение: 36 винтовок, 6 автоматов, по 20 патронов на винтовку, по неполному диску на автомат, 8 гранат. Взрывчатки много, но — без детонаторов. Начальником штаба стал Курс, помощником командира — Коренев (за пышную белоснежную бороду и несходящий румянец немедленно получивший прозвище Деда Мороза). Бойцы разбиты на две оперативные группы, кроме того, образованы группы минеров и разведчи-

ков. Командирами назначены соответственно Карпенко, Васильев, Юхновец и Попов.

Смысл этого первого ковпаковского приказа, его значение очень велики. Отряд тем самым буквально с первых дней своего существования становился четко организованной воинской единицей, имеющей продуманную структуру, авторитетных командиров, определенный уклад жизни, наилучшим образом отвечающий условиям вооруженной борьбы в тылу врага. Каждый знал свое дело, свое место, свои обязанности. Опыт, армейская дисциплина, солдатская квалификация пришлых оказались очень кстати для вчера еще вполне штатских соратников путивльского председателя. Как известно, и тогда, и позднее такой сплав: партизаны и армейцы-кадровики — был решающей силой партизанского движения. Руководство им становилось квалифицированным, профессионально грамотным.

Теперь можно было и начинать воевать.

А с чего начинать? Решили: с диверсий на дорогах района. Большее пока не по силам. Но тут столкнулись с трудностью — аммоналом отряд обладал во вполне достаточном количестве, но, как уже говорилось, не было взрывателей. Нужно было срочно найти какой-то выход, и он нашелся. Разведчики обнаружили поблизости минное поле, оставленное при отступлении Красной Армией, но еще не разминированное гитлеровцами. Нужно было их опередить...

За дело взялся один из самых опытных минеров отряда, он же начальник штаба, Николай Михайлович Курс, в прошлом командир, работавший перед войной директором средней школы.

Курс ушел на поле, начиненное смертью, снял одну мину, принес ее в лагерь, разобрался в ее хитром устройстве и объяснил его другим. Теперь во взрывчатке недостатка не было, и партизаны принялись за диверсии. Под командованием Георгия Михайловича Юхновца каждую ночь они выходили на дороги. Результаты их работы «докладывали» о себе сами: тяжелыми взрывами, доносившимися до лагеря то с одной, то с другой стороны. Взлетали на воздух грузовые и легковые машины врага, мотоциклы, обозные подводы.

Сфера действий отряда расширялась непрерывно: в этом был у Ковпака определенный расчет. Сидор Артемьевич, охватывая дерзкими диверсиями пути сообщений

гитлеровцев по всему району, преследовал две важные цели: стремился нанести фашистам как можно больший урон и дать знать населению, тысячам советских людей, что оккупантов можно и должно бить! Бить смертным боем, причем не завтра, не послезавтра, не «потом», а именно сегодня, немедля.

На деле так оно и выходило. Об отряде из Спадщанского леса узнала вся округа, к отряду приходили и поодиночке, и целыми группами. Шесть человек с пулеметом привели районный прокурор Василий Порфирьевич Кочемазов и председатель райисполкома Федор Ермолаевич Канивец. На другой день пришел воргольский партизанский отряд во главе с председателем колхоза «Вольный край» Степаном Федоровичем Кириленко. В его составе оказалась комсомолка Дина Маевская, ставшая первым врачом отряда.

Однако, как и следовало ожидать (Сидор Артемьевич и ожидал), Спадщанский лес притягивал к себе не только новых партизан. 28 сентября разведчики задержали неизвестного человека, на допросе в штабе он сознался, что подослан немецким командованием, чтобы установить точное местоположение отряда. Шпиона, оказавшегося бывшим помещиком, расстреляли.

А на следующий день партизаны Путивльского отряда совершили первое открытое нападение на врага: в селе Сафоновка на приехавший туда для «заготовок», а попросту — грабежа грузовик с солдатами. «Заготовители» бежали, но на смену им прибыл через два часа отряд карателей, около ста солдат. Однако войти в лес гитлеровцы побоялись.

Дальше — больше. В октябре, вспоминал Ковпак, «наши минеры работали уже и на правом, и на левом берегу Сейма, выходили на дорогу Конотоп — Кролевец. В первых числах... здесь взорвались на партизанских минах две легковые машины какого-то крупного немецкого штаба. Было уничтожено шесть немцев, в числе их два генерала. На левом южном берегу Сейма у хутора Хижки в тот же день взлетела в воздух грузовая машина. На Правобережье на большаках, ведущих из Путивля в Глухов и Рыльск, редко проходил день, когда бы не раздавался грохот взрыва. К середине октября на этих дорогах было подорвано уже с десяток грузовиков с боеприпасами и живой силой. Мы взяли здесь за это время десять тысяч патронов».

Ковпак не имел в то время еще своей рации, потому не знал, что 20 октября Государственный Комитет Обороны объявил Москву на осадном положении, что гитлеровское командование бросило на штурм столицы почти половину немецко-фашистских войск на советско-германском фронте и три четверти танковых и моторизованных соединений. Ковпак не верил доходившим в отряд хвастливым заявлениям фашистской пропаганды, что Москва падет со дня на день, но меру смертельной опасности, нависшей над столицей СССР, понимал вполне.

Каждый уничтоженный в лесах Сумщины гитлеровец, каждый сожженный грузовик, каждый взорванный мост означали реальную помощь защитникам Москвы. Только так — в неразрывной связи со всенародной борьбой советских людей и в первую очередь его Вооруженных Сил — рассматривал Ковпак место и роль партизан.

День ото дня активизировал он боевую деятельность отряда, раз за разом его удары по врагу делались все ощутимее и весомее.

Ковпак правильно предположил, что немцы не пожелают терпеть такого положения и рано или поздно, скорее всего в ближайшее время, двинутся в Спадщанский лес с немалыми силами. Уверен он был и в том, что не только Сумщина — вся Украина охвачена уже пожаром партизанской борьбы. И немцы действительно забили тревогу, причем в масштабе всей временно оккупированной ими территории. В октябре 1941 года главнокомандующий германских сухопутных сил генерал-фельдмаршал фон Браухич вынужден был подписать «Основные положения» по борьбе с партизанами...

Сильно же досаждали партизаны гитлеровцам, если один из самых важных документов с грифом «секретный» вышел непосредственно из главной ставки фюрера и подписан был начальником штаба верховного командования вооруженных сил фельдмаршалом Кейтелем. Этот документ «относительно коммунистического повстанческого движения на оккупированных территориях» определял и политику, и стратегию, и тактику гитлеровцев по отношению к народным мстителям. Приводим его с незначительными сокращениями.

«1. С самого начала кампании против Советской России на оккупированных Германией территориях повсюду началось коммунистическое повстанческое движение. Это движение носит различный характер, начиная с пропаган-

дистских мероприятий и нападений на отдельных военнослужащих немецкой армии и кончая открытыми мятежами и широкой войной...

Таким образом, во все возрастающей степени создается опасность для немецкого военного руководства, которая проявляется прежде всего в обстановке всеобщего беспокойства для оккупационных войск, а также привела уже к отвлечению сил, необходимых для подавления главных очагов мятежа.

2. Использовавшиеся до сих пор средства для подавления коммунистического повстанческого движения оказались недостаточными. Фюрер приказал применять повсеместно самые решительные меры для того, чтобы в кратчайшие сроки подавить это движение.

3. ...б) Для того чтобы в зародыше задушить недовольство, необходимо при первых же случаях незамедлительно принимать самые решительные меры для того, чтобы укрепить авторитет оккупационных властей и предотвратить дальнейшее распространение движения. При этом следует иметь в виду, что человеческая жизнь в соответствующих странах в большинстве случаев ничего не стоит и что устрашающего действия можно добиться лишь с помощью исключительно жестких мер. Искуплением за жизнь каждого немецкого солдата в таких случаях должна служить, как правило, смертная казнь 50—100 коммунистов. Способы этих казней должны еще увеличивать степень устрашающего воздействия.

...е) Подлинным средством устрашения при этом может служить только смертная казнь. В частности, следует карать смертью все действия шпионов, диверсантов, акты саботажа, а также лиц, стремящихся установить связь с какой-либо иностранной армией. В случае недозволенного хранения оружия также следует, как правило, выносить смертный приговор...»

Ковпак не мог тогда знать содержания этого достаточно красноречивого документа, но и без того полагал, что раз оккупантам уже известно о его отряде, следует готовиться к встрече карателей. И он готовился. К сожалению, никак не удавалось установить связь с другими партизанскими отрядами. К нему должен был прийти председатель Путивльского райисполкома Иван Иванович Высоцкий, оставленный на нелегальной работе в качестве связного Сумского обкома партии. Но Высоцкий попал на мину, был тяжело ранен, захвачен гитлеровцами

и зверски убит. Мешало и отсутствие связи с командованием Красной Армии. Ковпак не располагал даже сведениями о положении на фронтах.

Помог случай: в лесу партизаны встретили двух пограничников, работавших ранее в НКВД Украины у Т. А. Строкача. Они пробирались к Харькову. Решили послать вместе с ними Коренева для установления связи с командованием. Пограничники было посмотрели на Деда Мороза с сомнением, но им рассказали, что Алексей Ильич старый партизан-разведчик, исходивший в гражданскую войну пешком чуть не всю Украину.

17 октября Ковпаку доставили хорошую весть: нашелся отряд Семена Васильевича Руднева, который должен был базироваться в Новослободском лесу и о котором больше месяца ничего не было известно. На другой день встретились. Группе Руднева с самого начала не повезло: один боец оказался дезертиром, другой — предателем. Заложенные ранее базы были кем-то обнаружены и разграблены. Не лучше обстояло дело и с оружием: старые английские винтовки времен первой мировой войны, к ним по 200 патронов, 5 пистолетов, 2 ящика тола.

Помощником Руднева по отряду был давний знакомый Ковпака Григорий Яковлевич Базыма, до войны директор городской школы № 3 и учитель географии, участник империалистической и гражданской войн. У Базымы было пятеро детей, старшие — две дочери и два сына — ушли в армию, один впоследствии погиб — восемнадцатилетний доброволец Володя...

Знал Сидор Артемьевич и секретаря партбюро Павла Степановича Пятышкина, лейтенанта запаса, до войны также директора школы № 1 и секретаря партийной организации школ города.

От вновь прибывших товарищей Ковпаку стало впервые известно, что он уже... покойник: немцы распространяли по окрестным селам слух, что отряд в Спадщанском лесу разбит, а его командир повешен.

Командование провело совместное совещание, чтобы обсудить сложившуюся обстановку. Пришли к решению, что в данных условиях наиболее целесообразно объединить силы обоих отрядов. 18 октября был подписан приказ, в котором, в частности, говорилось:

«В 12.00 произошло совещание командования двух отрядов и было решено путивльские отряды объединить в

один отряд с командованием: командир объединенного отряда тов. Ковпак С. А., комиссар партизанского отряда тов. Руднев С. В., начальник штаба тов. Базыма Г. Я., помощник начальника штаба тов. Курс Н. М.».

Руднев... Сейчас трудно даже представить, как сложилась бы история Путивльского отряда, а потом и всего Сумского соединения, если бы не было этой встречи — Ковпака с Рудневым — в Спадщанском лесу тогда, трудной осенью сорок первого года.

Иногда их сравнивали с Чапаевым и Фурмановым. Сравнение подкупающее, но, однако, неверное. Ковпак в отличие от Чапаева имел более чем двадцатилетний партийный стаж, прекрасно знал «разницу» между коммунистами и большевиками, в каком Интернационале и почему состоял Ленин. И воевал он не только за светлое будущее трудового народа, но и защищал его социалистическое настоящее, которое строил долгие годы собственными руками. Руднев же в отличие от Фурманова был профессиональным военным, носившим в петлицах полный набор шпал, так что объяснять ему с помощью вареных картофелин, где место командира в бою, не требовалось.

Роднило Ковпака и Руднева с Чапаевым и Фурмановым другое: беззаветная преданность Родине, партии, народу. Во всем же остальном эти четверо были неповторимы, как только и бывает с людьми по-настоящему талантливыми, ибо, помимо всего прочего, талант всегда своеобразен и индивидуален.

Отношения между Ковпаком и Рудневым были особенными. Им нечему, да и незачем было учить и наставлять друг друга. Они не дополняли друг друга в том смысле, что недостатки одного покрывались достоинствами второго и наоборот. Но каждый в присутствии другого чувствовал себя сильнее. Потому-то таким прочным и эффективным оказался боевой союз Ковпака и Руднева, людей, как выяснилось, во всем чрезвычайно близких. Кроме внешности и манер. Тут действительно схожего было мало.

Ковпака не случайно и в глаза и за глаза называли Дедом. Он и впрямь был похож на старого колхозного пасечника. И держался даже в окружении только близких ему людей как-то неприметно, словно стараясь уйти на какой-то незримый второй план. Руднева, напротив, не заметить сразу же было никак невозможно. Петр Пет-

рович Вершигора впоследствии так описал свою первую встречу с обоими прославленными партизанскими командирами:

«...Лавируя между деревьями, показалось несколько всадников. Впереди на высоком коне ехал худощавый старик в каком-то непонятном штатском костюме. Рядом с ним на прекрасной арабской лошади — красивый мужественный военный человек с черными, как смоль, усами и быстрым взглядом. Старик походил на эконома, который объезжает свое хозяйство...»

Далее Вершигора справедливо отмечает, что только те партизанские командиры, «которые нашли в себе решимость, вопреки своему самолюбию, объединиться, оказались способными наносить врагу удары большой силы». Именно такими людьми были Руднев и Ковпак.

«...совершенно противоположные друг другу — старик шестидесяти лет, без образования, но с большим жизненным опытом, старый солдат-рубака в полном смысле слова, разведчик первой мировой войны, пересидевший в окопах и переползавший по-пластунски земли Галиции и Карпат, имевший два георгиевских креста, служивший у Чапаева в гражданскую войну, — Сидор Ковпак и культурный, военнообразованный, храбрейший воин и обаятельный оратор — Руднев.

Руднев был ранен в горло в первые месяцы своей партизанской деятельности. В партизанском же отряде он и вылечился. После ранения немного картавил, и это придавало особую привлекательность его речи. А речь была основным, чем двигал вперед он свое большое дело.

Слушая Руднева на лесной поляне, когда он говорил с бойцами, или слушая его речь на сходках мирных жителей, я впервые узнал и увидел, что может сделать человеческое слово.

Руднев не умел говорить казенно; каждое простое, обыкновенное слово было проникнуто у него страстностью, оно было целеустремленным, действовало как пуля по врагу. Руднев неустанно работал над воспитанием своих партизан. Он выбивал из них ненужную жестокость, он вселял в них уверенность, воспитывал терпеливость, выносливость, высмеивал трусов, пьяниц и особенно жестоко боролся с мародерами...

Когда я слушал беседы Руднева с партизанами, когда совершал с ним рейды, он напоминал мне другого, ни-

когда не существовавшего человека, возникшего лишь в воображении гениального писателя. Руднев напоминал мне тогда Данко из горьковских рассказов старухи Изергиль, Данко, который вырвал из своей груди сердце, и оно запылало ярким пламенем, освещая путь заблудившимся в чаще жизни людям.

Руднев был человеком, способным повести за собой массу, порой колеблющуюся, — массу, которой нужно питаться, спать, одеваться, которой иногда хочется отдохнуть. Роль Семена Васильевича Руднева в партизанском движении на Украине — да и не только на Украине — гораздо большая, чем та, которую он играл по своему служебному положению. Хотя он был только комиссаром Путивльского партизанского отряда, но влияние Руднева, стиль его работы распространялись на сотни партизанских отрядов от Брянска до Карпат, от Житомира до Гродно.

Партизаны других соединений всегда старались подражать соединению Ковпака. Оно было лучшим не только по своим боевым качествам, отборному составу, но и потому, что своими рейдами всегда открывало новую страницу летописи партизанского движения. Партизаны Ковпака и Руднева ходили дальше всех, они были открывателями нового пространства, они были разведкой партизанского движения Украины, Белоруссии, Польши. А впереди них шел красивый сорокалетний мужчина, с черными жгучими волосами, с черными усами, энергичный и простой, непримиримый и страстный, шел, высоко неся свое мужественное, горящее ненавистью к врагу и любовью к Родине сердце, освещая путь своим бойцам, не давая им стать обывателями партизанского дела».

С. В. Руднев родился в 1899 году в селе Моисеевка неподалеку от Путивля. Пятнадцати лет он уезжает в Петербург и поступает на Русско-Балтийский завод, где близко сходится с революционно настроенными рабочими. В сентябре 1916 года он попадает на три месяца в знаменитую тюрьму «Кресты». В марте 1917 года Руднев вступает в ряды большевистской партии, приветствует вместе с тысячами питерских рабочих 3 апреля на Финляндском вокзале вернувшегося из эмиграции Ленина. Вступив в отряд Красной гвардии, молодой рабочий навсегда связал свою жизнь с делом защиты Советской страны. Сначала боец, а затем краском, он участвует в боях против Корнилова, штурмует Зимний, сражается па Южном фронте

с петлюровцами, защищает Петроград. Потом было тяжелое ранение, тиф, госпиталь, учеба в Военно-политической академии имени В. И. Ленина, служба политработником в Крыму и на Дальнем Востоке. Руднев еще в 1936 году был удостоен ордена Красной Звезды. Наступивший позднее тяжелый период в жизни страны и партии коснулся и его. К счастью, только задел... Освободившись после ареста, на Дальний Восток Руднев уже не вернулся, а приехал на родину — в Путивль, где вскоре и был избран председателем районного совета Осоавиахима.

В партизаны Руднев привел и старшего сына — шестнадцатилетнего Радика, который оказался первым комсомольцем Путивльского отряда.

Вот каков был человек, с которым Ковпаку пришлось воевать бок о бок два года, с которым прошел он легендарный путь от Путивля до Карпат...

«...И ТОРЖЕСТВЕННО КЛЯНУСЬ!»

«Умно поступил Семен Васильевич Руднев, решив привести свой отряд к нам. Пора объединяться! А с Рудневым дело у нас пойдет на лад. Не сомневаюсь!» — такие слова с удовлетворением занес Ковпак в свой дневник. В отряде теперь было 57 бойцов с вооружением: 49 винтовок, 6 автоматов и один ручной пулемет. Неплохо! Но только для начала. Сидор Артемьевич знал, что в лесу появились отряды из соседних с Путивльским районов Сумщины: Конотопского, Глуховского, Кролевецкого, Шалыгинского. Это уже изрядная сила, беда только, что разобщенная еще. Каждый действует на свой страх и риск, по своему разумению. А Ковпак твердо верил в правило: общую беду одолевать следует единством действий, объединением сил. Так же полагал и Руднев. Без такого единства — не нанести врагу ощутимого урона и потерь, не устоять перед серьезными карательными операциями.

Так выходило по разуму. Но Ковпак не мог не считаться и с чувствами людей. Малочисленные отряды той поры организовывались по территориальному признаку, бойцы их были, как правило, знакомы по многу лет, командир, хороший или плохой, но тоже свой. Действовали, как правило, возле родных мест, где помнили с дет-

ства каждую стежку-дорожку. Его, Ковпака, слово для этих партизан не указ, а тем более не приказ.

Он решает поступить иначе: надо встретиться руководству всех отрядов, сливаться в один пока и не нужно, важно другое — договориться о главном: драться отныне не врозь, а вместе.

Такое совещание, не откладывая, Ковпак и Руднев провели на следующий день в своем штабе. Собралось человек двадцать. Высказался каждый, кто хотел. Когда подошла очередь Ковпака, было уже ясно, что его точка зрения разделяется не всеми.

Сидор Артемьевич просит слова. Не спеша сооружает (не свертывает, а именно сооружает) махорочную самокрутку, достаточную, пожалуй, на троих курильщиков, делает это сосредоточенно, не спеша, в обычной своей манере. Исподтишка обводит взглядом нетерпеливо ждущих гостей, но движений не ускоряет. Кто-то даже крякнул досадливо. Ковпак и ухом не повел. Руднев старается скрыть улыбку: «Ох и хитер же! Терпение испытывает...»

Наконец с самокруткой покончено. Пыхнув махорочным дымом, Ковпак негромко говорит:

— Вижу, что и вы так думаете, как мы с Рудневым, — суп можно хлебать и в одиночку, собственной ложкой. То дело личное. А вот лупить немца дело общее. Кучное дело, хлопцы, верно? Его, значит, сообща и делать будем, я так понимаю! Предлагаю: отряды не сливать в один, оставаться самостоятельными частями единого партизанского соединения. Дело не в названии, а в главном — бить врага не растопыренными пальцами, а кулаком. Иначе пропадем, немец передушит поодиночке...

Убедил Дед! Согласились командиры на общее командование, то, что утверждено было в объединенном Путивльском отряде: командир — Ковпак, комиссар — Руднев, начальник штаба — Базыма. А буквально через полчаса в правильности принятого решения самых последних скептиков убедили... гитлеровцы.

Только командиры уселись в домике лесника, чтобы пообедать (по случаю совещания был приготовлен даже холодец), в лесу раздался крик:

— Танки!

Каратели двигались к лесу со стороны Путивля, их было не так уж много, но присутствие двух танков —

тяжелого и среднего — означало, что партизанам предстоит первый по-настоящему серьезный бой. Урча моторами, лязгая гусеницами, бронированные машины медленно продвигались к землянкам. Несколькими зажигательными снарядами гитлеровцы подожгли домик, но командиры уже успели не только покинуть его, но и вынести все штабные документы. Ковпак приказал Курсу, Терехову и Кокину заминировать выход из леса, а сам вместе с Рудневым, Базымой, Паниным и несколькими бойцами устремился вслед за танками. Как и предполагал Сидор Артемьевич, машины не смогли далеко проникнуть в лес и завязли. Рассыпавшись, партизаны осторожно, шаг за шагом, приближались к ним.

Танки стояли рядом, почти касаясь друг друга бортами. Вот на среднем откинулся верхний люк, и показалась голова танкиста... Но осмотреться гитлеровец не успел: в ту же секунду Руднев снял его метким выстрелом из винтовки. Тяжелый танк взревел мотором, грузно, сминая кусты и ломая деревья, развернулся и... попросту сбежал. Партизаны окружили оставшийся средний танк, держа на мушке люки, в верхний для надежности бросили гранату. Внутри никого не оказалось — экипаж, видимо, успел перескочить в тяжелую машину. Тут же выяснилась причина того, почему средний танк сам не ушел собственным ходом: из-за выскочившего пальца в гусенице. В руках партизан оказался практически не поврежденный танк с почти не израсходованным боекомплектом!

Не успели они успокоиться от волнения, как в лесу раздался мощный взрыв, за ним — еще один. Это могло означать только то, что Николай Курс успел поставить мину на пути уходящего тяжелого танка! Все поспешили к дороге... Танк пылал, как костер. В стороне валялась сорванная башня. Внутри танка продолжали взрываться снаряды и патроны. Когда все стихло и остыла раскалившаяся броня, партизаны нашли в танке останки восьми танкистов и предателя Амельсица, агронома райземотдела. В тот же день возле села Берюх на мине подорвался еще один танк.

Партизаны ликовали, каждый понимал, что выдержан серьезный экзамен, и гордился этим. И уж совсем в хорошее настроение пришел Сидор Артемьевич, когда узнал, что хотя домик и сгорел, но холодец уцелел, так как повар предусмотрительно вынес его во двор остужаться.

Позднее Ковпак признался, что ничего в жизни он не ел с таким аппетитом, как тот холодец...

На другой день с утра немцы возобновили наступление на Спадщанский лес, что, впрочем, партизаны предвидели и к чему, следовательно, подготовились. Четырнадцать грузовиков с пехотой при поддержке пяти танков и танкетки двигались на этот раз с двух сторон: от хутора Кутыри и села Кардаши.

Ковпак приказал двум оперативным группам занять оборону на лесных высотах. Немцы вошли в лес, ведя непрерывную, бесцельную стрельбу, но углубиться в чащу даже не успели: два танка, проламывавших им дорогу, тут же подорвались на партизанских минах. Только тогда бойцы открыли огонь по растерявшимся карателям. Через два часа бой был закончен. Немцы отступили, так и не выяснив, что же случилось с танками, пропавшими накануне. К слову сказать, захваченный средний танк партизаны легко отремонтировали, и он потом не раз сослужил им хорошую службу.

Возбужденный, ободренный Дед ничего не сказал прямо своим гостям, но самый его довольный вид говорил: «Ну что? Видали, что можно сделать, если драться с умом? А если и с умом, и сообща к тому же?»

Снова каждодневно уходили на дороги ковпаковские минеры, снова гремели разрывы на вражеских дорогах, да и не только дорогах: четыре моста через Сейм одновременно подняли на воздух партизаны!

Из боев 19 и 20 октября были сделаны соответствующие выводы: землянки теперь уже восьми боевых групп раскинули по распоряжению Ковпака на большей площади, две самые отдаленные служили заставами, к ним от штаба протянули телефонные провода. Караульную службу усилили. Создали неприкосновенный продовольственный запас. Заготовить зерно и овощи помогли колхозники соседних сел, с которыми — за этим Ковпак и Руднев следили лично — велась большая работа. Для этого была даже выделена специальная группа агитаторов во главе с бывшим заведующим одного из отделов Путивльского райкома партии Яковом Григорьевичем Паниным.

25 октября, как записал Ковпак, «подвели итоги боевой деятельности... отряда. За один только месяц наша маленькая партизанская группа выросла в стройное жизнеспособное подразделение. Но самое важное — мы за-

воевали добрую славу и авторитет у населения Путивльского, Глуховского, Конотопского, Кролевецкого и Шалыгинского районов. Все дороги этой обширной территории нами контролируются, любые мероприятия врага или перемещение его частей нам известны, тогда как противник о нас никаких подробностей не знает».

Через несколько дней произошло событие, занявшее в истории отряда особое место. На дороге Путивль — Берюх на мине подорвался тягач, который вез на специальной платформе танк. С танка партизаны сняли пулемет, снаряды, 15 тысяч патронов, после чего, конечно, танк уничтожили. Но дело не только в этом: внутри танка Руднев обнаружил... пионерское знамя! Обычное знамя, которое положено иметь каждой школьной пионерской дружине. Судя по тому, что было оно совсем новым, доблестные танкисты «захватили» его либо на складе, либо в магазине. Бережно свернув знамя, Руднев принес его в лагерь. Девушки-партизанки простыми суровыми нитками вышили на нем слова: «Путивльский партизанский отряд». С этого дня у ковпаковцев появилось свое боевое знамя, под которым и прошли они тысячи огненных верст.

Вот уже и ноябрь дышит стужею. Приближается великий праздник. Первый на земле, оккупированной врагом. Праздник во всем потому необычный, запретный, как и все родное, советское. Как же праздновать его под носом у гитлеровцев? Ковпак и Руднев решили: праздновать в бою! Стреляя и взрывая. Убивая и уничтожая тех, кто пришел с мечом на советскую землю.

Под самый праздник случилась радость: вернулся с Большой земли Алексей Ильич Коренев. Провел-таки Дед Мороз пограничников до Харькова! Правда, рацию ему получить не удалось, но командование твердо обещало, что в ближайшее время ее сбросят с самолета по указанным координатам. Но уже и то хорошо было, что на Большой земле теперь знали, что в Спадщанском лесу существует и действует Путивльский партизанский отряд. Забегая вперед, нужно сказать, что рация действительно вскоре была получена. Ковпак, Руднев и Базыма передали с ее помощью первый отчет о боевой деятельности отряда и представили к правительственным наградам 16 особо отличившихся в боях партизан. Доставил Дед Мороз и долгожданную достоверную информацию о действительном положении на фронтах. С огромной ра-

достью убедились партизаны, а от них и население, что брешут немцы: не сдались ни Москва, ни Ленинград, стоят неприступными твердынями!

По всем окрестным селам и хуторам разослали Ковпак и Руднев агитаторов из группы Панина, повсюду партизаны провели праздничные митинги, поделились вестями, принесенными Кореневым. Потянулись люди и в отряд, кто в гости, а кто и насовсем. Несколько позже Ковпак принял двух медиков: фельдшера Матрену Павловну Бобину и медсестру комсомолку Галю Борисенко. Со всего района получили партизаны подарки, колхозники позаботились и о харчах, и о теплой одежде. Шестого ноября, к примеру, встретили в лесу хлопчика лет тринадцати — с бычком на веревке.

— Вы ковпаковцы? — спрашивает.

— Ковпаковцы, а что?

— Ну так вот, до вас меня и послали делегатом.

— Кто послал?

— Ну, наш народ, мы — новошарповские. Завтра ж праздник, вот вам и отрядили в подарок бычка. Вы, дяденьки, его зарежьте, и будет к празднику мясо для борща...

Так проявлялось безграничное уважение народа и к величайшему из праздников, и к тем, кто встречал его с оружием в руках.

Да, необычно встретили Октябрь путивльские партизаны. Не только праздничным митингом, но и траурным. В селе Литвиновичи нарвались на вражескую засаду и погибли в неравном бою бойцы Рудиков и Таиров. Выражая горе всего отряда, Сидор Артемьевич писал: «Похоронили их в Спадщанском лесу с воинскими почестями, как героев. Это первые наши потери. Кто знает, сколько их еще впереди?»

Эти два месяца сыграли огромную роль в военной карьере Ковпака. Не нужно бояться этого слова — карьера, оно звучит обидно только для карьеристов, так же как слово «честолюбие» может задеть за живое лишь честолюбца. На оккупированной территории действовали в годы Великой Отечественной войны тысячи партизанских отрядов, соответственно было столько же (даже больше — с учетом сменяемости) и командиров. Были эти командиры, безусловно, людьми и беззаветно преданными Родине, и отважными, и дельными. Но вот полководцами, военачальниками, теоретиками, генералами парти-

занской войны стали не все. И первым среди тех, кто стал, был Ковпак.

Почему? Каким-то одним личным качеством ничего не объяснишь, потому что этого объяснить нельзя (и не только в военном деле, но и в любой сфере человеческой деятельности). Ковпак начинал, как многие командиры, с крохотного отряда, каких-то особо благоприятных условий у него тоже не было. Воевал первое время тоже как все, сообразуясь с возможностями. Но все-таки уже тогда отличало его кое-что от других. Он не только командовал в меру сил и способностей своим маленьким отрядом (с этим мог не хуже справиться и кто-либо другой), но уже через два месяца пребывания во вражеском тылу стал глубоко размышлять над сущностью, политикой, тактикой и методами партизанской войны вообще, а не только в рамках своего Спадщанского леса. Он анализировал, сравнивал, обобщал. Делал выводы и, главное, претворял их с железной целеустремленностью в жизнь.

На многие важные мысли навели его и некоторые соседи-партизаны, их опыт. Были и такие командиры, которые, очень уж застенчиво оценивая свои силы, либо совершали мелкие диверсии в пределах нескольких часов пешего хождения от стоянки, либо вообще попросту отсиживались вблизи родных мест, в обоих случаях стремясь к одному: не навлечь на свои села репрессий карателей. Сами они не очень тревожили оккупантов, в бой вступали лишь тогда, когда другого выхода не было. Люди эти трусами не были, они искренне полагали, что ничто большее им не по силам.

О тактике «отсиживания» уже в ноябре сорок первого года Ковпак писал: «При такой тактике борьба с гитлеровцами носит пассивный характер, она подчинена случаю, исключается возможность приобретения достаточного боевого опыта, полностью теряется инициатива в проведении боевых действий, понижается дисциплина, отряды численно не растут, сил у них для серьезных операций недостает, они не чувствуют себя хозяевами на своей советской земле и вынуждены прятаться от врага.

В нашем же Путивльском объединенном отряде начала вырабатываться совершенно иная тактика — тактика активных нападений на вражеские подразделения на дорогах, на гарнизоны в окрестных селах. Другими словами, мы стараемся постоянно держать инициативу в своих руках и бить оккупантов там, где меньше всего они

ожидают. Это дает хорошие результаты: заметно повысилась дисциплина, отряд превратился в настоящую боевую единицу, намного вырос авторитет партизан у населения».

Эту точку зрения разделяли (хотя и не каждый сразу) его ближайшие соратники и сподвижники: Руднев, Базыма, командиры входящих в соединение отрядов, а впоследствии батальонов. Именно поэтому боевая деятельность Ковпака приобрела со временем военно-политическое значение.

В течение всего ноября ковпаковцы действовали настолько активно, что гитлеровцы в конце концов бросили на ликвидацию отряда численностью всего лишь в 73 человека во много раз превосходящие силы. Случилось это в начале декабря, когда спасительная листва с деревьев уже опала. Партизаны заняли круговую оборону, охватив кольцом свои землянки. Большая часть бойцов сосредоточилась на самых уязвимых участках. В центре — знаменитый уже трофейный танк с задачей прикрывать землянки и поддерживать огнем все группы. Возле него расположился во время боя и сам Ковпак: подавал команды.

Бой был жестоким. По словам самого Сидора Артемьевича, в этот день всем было ясно: если не выдержим — все погибло, весь отряд, все дело путивлян. Партизаны выдержали. К ночи немцы отступили, оставив в лесу десятки трупов и пять пулеметов. Но праздновать победу рано. Боеприпасы почти израсходованы, а утром гитлеровцы, ясное дело, возобновят наступление.

Ковпак и Руднев — рядом. Оба склонились над картой. Изредка перебросятся короткими фразами, и снова томительная пауза. Но вот старик поднял от карты лысую голову с запавшими висками. Лицо усталое, озабоченное.

— Я вот что думаю... А не время ли нам вспомнить: не только света, что в окошке... Не один наш лес такой, где можно немцу век укорачивать. Верно, до поры Спадщанский лес был нам хорош, а вот сейчас — плох. Мал, ненадежен. Что им, гадам, стоит блокировать нас?..

Подписанный Ковпаком приказ гласил:

«Дабы сохранить людской состав отряда для дальнейшей борьбы с немецкими захватчиками, считать целесообразным 1.12.41 г. в 24.00 оставить Спадщанский лес и выйти в рейд в направлении Брянских лесов».

Никто из ковпаковцев и не предполагал тогда, ко-

нечно, какой смысл приобретет для них в скором будущем это коротенькое слово — «рейд».

Место для передислокации отряда Ковпак выбрал не случайно. Север Сумщины — это, можно сказать, юг Брянских лесов. Громадным зеленым мостом соединяют они Украину с Россией. Массив протянулся на сотни дремучих, чащобных верст. Море, а не лес. В нем запросто укроется не одна дивизия. Недаром в этих местах в гражданскую войну сам Василий Боженко собирал свои отряды. Было это в Середина-Буде.

...Немцы перекрыли все выходы из леса, кроме считавшегося непроходимым болота Жилень. Но тут сама природа, видно, пришла на выручку партизанам: ударил к ночи тридцатиградусный мороз, сковал прочно зыбкую трясину! И ковпаковцы, не выдав себя ни единым звуком, проскользнули вместе с обозом буквально в нескольких десятках метров от ближайшей немецкой заставы!

Дорога на север была открыта, потому что гитлеровцы, бросив на окружение Спадщанского леса три тысячи солдат, вынуждены были оставить некоторые районы без войск, как раз те районы, по которым проходил маршрут отряда.

Поход продолжался пять дней, включая суточную остановку для отдыха. Ковпаковцы прошли по территории Путивльского, Шалыгинского и Эсманского районов 160 километров и вышли в Севский район Орловской области. Это уже была Россия... Отряд остановился в селе Хвощевка на опушке Хинельских лесов. Место было выгодным: партизаны не отрывались от своих районов и в то же время имели надежный тыл — Брянские леса. Непосредственно для стоянки выбрали поселок лесокомбината.

Обоснование в Хинельских лесах совпало с третьим месяцем существования отряда. Ковпак, Руднев, Базыма, коммунисты решили ознаменовать эту дату торжественным принятием партизанской присяги. В своем «Дневнике партизанских походов» 12 декабря 1941 года Ковпак писал:

«Отдал приказ о приведении к присяге всех бойцов и командиров отряда. К этому мы готовились давно... Принятие присяги явилось очень большим событием в жизни отряда: оно вселило в сердца людей безграничную веру в победу нашего правого дела, в то, что фашизм будет разбит, что невозможно победить свободный советский

парод. И это событие было важным не столько для людей нашего отряда, уже закаленного в боях, сколько для местных жителей и севских партизан. Ведь мы обязаны были поднять их на активную борьбу с врагом, а наш отряд для них должен быть примером самоотверженной борьбы в тяжелых условиях оккупации, строгой воинской дисциплины».

Вот так рассуждал Ковпак. Вот так он понимал присягу — как необходимый и весьма существенный момент того, что он называл **активной** партизанской борьбой.

Все боевые группы выстроились у штаба, перед столом, накрытым красным полотнищем. По команде Базымы «Смирно! Равнение на знамя!» знаменосцы пронесли перед фронтом бойцов новое отрядное знамя.

С речью к бойцам и собравшимся, конечно, тут же местным жителям обратился сам Ковпак. Он подвел итог трехмесячной боевой деятельности отряда и первым — а вслед за ним по старшинству остальные командиры и бойцы — зачитал и подписал текст присяги. В морозном воздухе торжественно звучали слова клятвы:

«Я, партизан Союза Советских Социалистических Республик, добровольно вступаю в партизанский отряд и торжественно клянусь перед всем советским народом, перед партией и правительством, что буду бороться за освобождение нашего народа от ига фашизма до полного его уничтожения. Я клянусь не щадить своей крови, а если нужно, то и жизни в борьбе с фашистами. Я клянусь всеми своими силами и средствами бороться с изменниками Родины, сам избегать трусости и удерживать товарищей. Если по какому-либо злому умыслу я отступлю от своей клятвы, пусть покарает меня рука моих же товарищей».

Вечером коммунисты отряда провели свое первое партийное собрание. Секретарем партбюро избрали Якова Григорьевича Панина, членами бюро Алексея Ильича Коренева и Георгия Андреевича Юхновца.

В районе Хинельских лесов ковпаковцы чувствовали себя, как и на Путивльщине, — хозяевами. И первое, что они сделали, — это очистили округу от имевшихся в селах групп полиции. Немецких приспешников попросту уничтожили. При этом было захвачено много оружия, боеприпасов, обмундирования, лошадей. Отряд обеспечил себя всем необходимым, излишки роздал населению. Наладили помол зерна и выпечку хлеба.

Само собой разумеется, оказали помощь молодому Эсманскому партизанскому отряду: совместно разгромили немецкую комендатуру в Эсмани. Помогли, что называется, окрепнуть и другим отрядам Хинельского леса. Все чаще Ковпак, развивая свои мысли, приходил к выводу, что пора уже развертывать формирования не только укрупненных отрядов, но и соединений партизан. Вывод этот именно в Хинельских лесах был им окончательно сформулирован так:

«...партизанская тактика должна строиться на взаимопомощи отрядов. Мы приходили к мысли о необходимости объединения самостоятельных групп и отрядов, подчинив их одному штабу. Объединяя таким путем вокруг себя партизан соседних районов, Путивльский отряд мог, оставаясь сравнительно небольшим, быть легкоманевренным, проводить крупные операции. Поэтому если к нам приходило несколько партизан из одного района, из них создавалась новая боевая группа, а когда эта группа вырастала до размеров отряда, мы выделяли ее как самостоятельную боевую единицу, связанную с Путивльским отрядом только оперативным подчинением ему. Так постепенно сложилось наше партизанское соединение, называвшееся сначала Путивльским объединенным отрядом, а затем — Группой партизанских отрядов Сумской области».

У одного из жителей поселка оказался исправный радиоприемник, партизаны получили возможность регулярно слушать сводки Совинформбюро. И вот радостная весть: немецкий план окружения и взятия Москвы провалился! От стен столицы Красная Армия перешла в решительное контрнаступление, громя отборные гитлеровские дивизии! Освобождены Яхрома, Красная Поляна, Тихвин, Венев, Елец, Истра, Сталиногорск, Солнечногорск, Ефремов, Клин, Калинин, Алексин, Таруса, Волоколамск, сотни населенных пунктов.

Трудно передать ликование, охватившее бойцов и командиров отряда, когда пришла весть о разгроме фашистских войск под Москвой.

И командование приняло решение вернуться к Путивлю, продолжить там боевые действия. В последних числах декабря, оставив в Хинельских лесах «поднятые» с их помощью местные отряды, ковпаковцы выступили в новый рейд. Разгромив по дороге (совместно с эсманцами) крупный отряд карателей в селе Уланове, очистив

от фашистских прихвостней десяток сел, уничтожив несколько линий связи, партизаны 9 января 1942 года расположились уже в селе Кагань на Путивльщине. Отсюда до Спадщанского леса оставалось всего 15 километров.

ПЕРЕД НОВЫМИ ИСПЫТАНИЯМИ

Действительно, до Спадщанского леса было рукой подать. Но старая база Ковпака уже не интересовала. Отряд за последний месяц значительно вырос, расширился масштаб его действий, изменилась тактика, изменились соответственно и планы на будущее. Поход к Хинельским лесам и обратно на Путивльщину показал Ковпаку и его соратникам, какие большие возможности предоставляет партизанам рейд, если осуществляется он активно, а не является лишь перемещением из одного географического пункта в другой. В связи с этим Сидор Артемьевич писал:

«Описав большую дугу по северу Сумской, югу Курской и Орловской областей, разгромив на своем пути гарнизоны противника, мы убедились, что тактика крупного партизанского отряда должна строиться прежде всего на внезапных ударах там, где его не ждут, то есть на высокой маневренности отряда и на его взаимодействии с отдельными местными боевыми группами, подчиненными единому командованию. Объединяя и направляя оперативные действия партизанских отрядов и групп соседних районов, наш отряд по-прежнему оставался маневренным и в то же время имел возможность проводить серьезные операции. Кроме того, мы приобрели прекрасную тыловую базу в Хинельских лесах, а в случае необходимости сможем отойти в Брянские леса. Словом, мы вырабатываем необходимые навыки рейдирующего партизанского соединения».

Дав отряду всего дневной отдых в Кагани, он совершает короткий и стремительный рейд по округе. Без передышки, не дав противнику опомниться, он громит гарнизоны в селах Ильино-Суворовка, Стрельники, Ротовка, Окоп, Будище, Погаричи, Бруски, полицейское управление в Ворголе. Ошеломленные внезапностью нападений, гитлеровцы и их приспешники почти не оказывают сопротивления, а партизаны почти не несут потерь.

Очищая села от оккупантов, Ковпак и Руднев непременно проводили в каждом из них митинг. Повестка дня,

как правило, состояла из двух вопросов: положение на фронтах в результате разгрома немцев под Москвой и задачи колхозников оккупированных районов в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. Местные жители жадно ловили каждое слово большевистской правды. Сам Сидор Артемьевич 14 января выступил перед колхозниками в селе Ховзовка. Здесь его знал и стар, и млад. Жители именно этого села выдвинули его в 1939 году кандидатом в депутаты Путивльского райсовета...

Победы Красной Армии в зимней кампании 1941/42 года, успехи партизан поднимали дух населения на временно оккупированной территории Советской Украины, где гитлеровцы огнем и мечом, неслыханными зверствами насаждали «новый порядок».

Чтобы сподручнее было грабить и «осваивать» Украину, гитлеровцы расчленили ее земли на четыре части: западные области — Львовская, Дрогобычская, Станиславская и Тернопольская — под названием «дистрикт Галиция» были включены в «польское генерал-губернаторство». Северную Буковину, Измаильщину и земли между Бугом и Днестром, названные генерал-губернаторством «Транснистрия» с центром в Одессе, Гитлер передал своей союзнице боярско-фашистской Румынии. Черниговская, Сумская, Харьковская области и Донбасс управлялись военным командованием. Все остальное, что осталось от Украины, вошло в так называемый «рейхскомиссариат» (РКУ) со «столицей» в Ровно, которым управлял кровавый палач рейхскомиссар Эрих Кох, бывший одновременно и гауляйтером Восточной Пруссии. Территория РКУ была разделена на 6 генеральных комиссариатов во главе с фашистскими комиссарами.

Немецким оккупантам помогали убивать и грабить советских людей пособники гитлеровцев — предатели из марионеточных органов местного самоуправления.

Черная и кровавая ночь фашистского гнета и террора нависла над Украиной. За долгие месяцы оккупации гитлеровцы и их пособники уничтожили на территории республики около 3 миллионов 200 тысяч мирных граждан и свыше 1 миллиона 300 тысяч военнопленных, насильно угнали на каторжные работы в Германию свыше 2 миллионов 300 тысяч человек.

Но советские люди не сдавались. Партизанское движение на Украине повсеместно ширилось и крепло. Рос день ото дня и Путивльский объединенный отряд.

В Глуховском районе в оперативное подчинение Ковпака добровольно перешел местный партизанский отряд под командованием бывшего работника райпотребсоюза Петра Леонтьевича Кульбаки, еще за участие в финской войне награжденного медалью «За отвагу». Вслед за Глуховским присоединился Шалыгинский отряд с комиссаром Федотом Даниловичем Матющенко, бывшим председателем колхоза «Красная Армия». Затем пришла группа — свыше двадцати человек — красноармейцев под командованием лейтенанта Василия Александровича Войцеховича. Этого подтянутого, хорошо образованного, вдумчивого командира Ковпак назначил помощником к Базыме.

Уже в феврале группа партизан во главе с Рудневым разгромила комендатуру в селе Литвиновичи. Здесь к ней присоединился местный отряд из 23 человек под командованием Михаила Ивановича Павловского. Это был человек невероятной энергии, исключительной личной храбрости и весьма своеобразного характера. Его, старого партизана, награжденного в годы гражданской войны единственным существовавшим тогда орденом Красного Знамени, война застала в Херсонской области. Здесь, в днепровских плавнях, он создал партизанский отряд, который, однако, вскоре был немцами разбит. Павловскому удалось пробраться на свою родину, в Литвиновичи, где он организовал новый отряд, который теперь и присоединился к Ковпаку.

Все они — и Кульбака, и Матющенко, и Войцехович, и Павловский — вошли в командное ядро Сумского соединения, имя каждого из них ныне неотделимо от истории партизанского движения на Украине. В этом тоже проявилась сила Ковпака-командира: умел он находить людей, умел так расставить, чтобы наиболее полно раскрылись их деловые качества и личные достоинства!

Бывают командиры и начальники, которые в своих подчиненных видят возможных соперников. Такие стремятся держать подальше от себя людей сильных, талантливых, инициативных, ярких. Ковпак был полной противоположностью таким руководителям. Для него всегда на первом плане было дело, превыше всех интересов — интересы народа. Ему ли было бояться людей талантливых? Наоборот! Он искал их повсюду, любовно растил, помогал, всячески направлял и выдвигал. Гордился впоследствии, что скромный лейтенант Василь Войцехович стал

со временем начальником штаба партизанской дивизии, а бывший сержант Давид Бакрадзе в той же дивизии — командиром полка. И оба — Героями Советского Союза!

Рейд по Сумщине продолжался. Ковпаковцы не только громили врага: нигде и никогда они не забывали, что являются полноправными представителями Советской власти на хотя и временно оккупированной, но советской земле. Они и вели себя соответственно как хозяева страны, от ее имени, от имени народа, в частности, отправляли правосудие. В одном из боев партизаны взяли в плен группу полицейских. Над ними устроили публичный суд в селе Комень. Председательствовал настоящий, квалифицированный юрист, бывший прокурор Кочемазов, процесс вел по всем правилам и нормам советского судопроизводства. В сельский клуб пришло около 500 местных жителей. Вину каждого подсудимого взвешивали сурово, но справедливо. Нескольких подсудимых народ просил помиловать: в полицию их мобилизовали насильно, рук своих кровью соотечественников не замарали, в малодушии раскаялись. Этих помиловали. Другое дело — лесник Якушенко и староста Юда. Лютые враги Советской власти, на измену пошли сознательно, служили оккупантам не за страх, а за совесть, если только можно тут говорить о совести. Выдавали гитлеровцам коммунистов, партизан, семьи командиров и бойцов Красной Армии. Сами принимали участие в казнях.

Суд вынес предателям смертный приговор, Ковпак утвердил его.

Ко Дню Красной Армии Путивльский объединенный отряд насчитывал в своих рядах более 500 бойцов. Его силу в полной мере осознали и гитлеровцы. Разведчики доносили Ковпаку, что, судя по всему, против партизан готовится крупная операция, в частности, что в Путивле, Глухове и Кролевце концентрируются стягиваемые из других мест мадьярские части. Ковпак имел в своем распоряжении достаточно времени, чтобы спокойно отойти в Хинельские леса, но, чувствуя в своих руках уже изрядную военную мощь, решил прежде дать бой оккупантам. А перед этим назначил провести в селе Дубовичи Глуховского района... парад!

Партизанский парад в фашистском тылу! Многим это казалось чем-то совершенно непостижимым. Но Дед только посмеивался. Не пустая блажь пришла ему в голову, он имел определенный, вполне трезвый расчет.

Во-первых, поднять боевой дух бойцов и настроение населения.

Во-вторых, ввести в заблуждение разведку противника, для чего было объявлено, что в параде примет участие не весь отряд, а только представители входящих в него частей. У присутствующих на параде зрителей (среди них наверняка будут фашистские осведомители) должно создаться представление, что партизан на самом деле многие тысячи. С той же целью единственную тогда пушку возили мимо трибун несколько раз, меняя лошадей. Присутствовали на параде и «минометы» — укрытые брезентом колодки на санях.

В празднике приняли участие тысячи две колхозников и колхозниц, собравшихся, невзирая на тридцатиградусный мороз, со всей округи. Впервые за бесконечно долгие недели и месяцы фашистской оккупации на улицах Дубовичей царило настоящее веселье. Играл партизанский оркестр: четыре баяна и скрипка, потом на столик поставили радиоприемник, включили его на полную мощность, и люди, не стыдясь слез, слушали музыку из Москвы. И уж конечно, не пропустив ни единого слова, прослушали приказ Верховного Главнокомандующего...

А 28 февраля Ковпак дал фашистам бой в селе Веселом Шалыгинского района. Село это находится между Путивлем и Шалыгином, лежит в котловине с небольшой высоткой в центре. Ковпак все учел, все рассчитал, избрав для боя именно Веселое, а не какое-либо другое село. Он сам объяснял потом так:

«Нас прельстили здесь хорошие условия ведения огня: мадьяры издалека должны были наступать под обстрелом, глубокой снежной целиной. Но, будучи окруженными в этом селе, мы уже не могли рассчитывать, что в случае чего найдем какую-нибудь лазейку, на которую можно надеяться в лесу. Располагая большим численным превосходством, противник должен был вообразить, что на этот раз партизаны сами попали в ловушку... Тут-то, думали мы, противник уже проявит упорство, его соблазнит возможность сразу покончить со всем нашим отрядом, запертым в котловине села, и он будет наступать, невзирая на тяжелые потери, введет в дело все свои резервы. Мы хотели перемолоть здесь как можно больше сил противника...»

На совещании в штабе перед боем, поставив задачу каждому, Ковпак сказал в заключение:

— Хлопцы, держаться хоть зубами, но — ни с места!

Без команды — стой насмерть... Приказ будет вовремя, не сомневайтесь. Какой — обстановка покажет. Коли прижмет до крайности, подмогу подброшу.

Встретив недоуменные взгляды, дескать, о какой подмоге речь, искренне сознался:

— Да вы и сами поняли все, по глазам вижу. Подмога — это просто мы сами. Мы и ударные, мы и резерв. Больше неоткуда. Держаться будем, вот и вся наша подмога. А что, не так?

Такого еще не выпадало ковпаковцам, как в этот раз. Тридцатипятиградусный мороз. Громадные снега. Карателей на том снегу черным-черно — до полутора тысяч солдат с минометами и артиллерией. Берут в кольцо. Но у партизанских рот явное преимущество в боевой позиции. Они в укрытиях, и гитлеровцы их не могут видеть. В этом преимущество Ковпака и, наоборот, слабость карателей, бредущих по снежной целине, как черные мишени на огромной белой ладони. Они — в прицелах партизанских винтовок и пулеметов. Веселое зловеще, не по названию, молчит. Фашисты еще далековато, надо выждать, пусть приблизятся. Таков приказ Ковпака. Но вот уже до вражеских цепей рукой подать и вступает в силу ковпаковский приказ:

— Огонь!

Потери карателей были огромны. Даже легко раненных лютый мороз убивал на открытой всем ветрам целине за несколько минут. Зачернел снег темными недвижными фигурами.

И все-таки они лезли, лезли, загибая свои фланги, чтобы полностью окружить село. В бой вступили все партизанские группы, кроме засады. Особенно тяжело пришлось Павловскому, у которого было всего тридцать бойцов. Хутор мадьяры атаковали с особым ожесточением: он мешал им замкнуть кольцо. Хутор горел, но партизаны отбивались и в огне. Сам Павловский был дважды ранен, но продолжал командовать.

Руднев был, казалось, вездесущ. Каким-то особым чутьем комиссар угадывал, где сейчас жарче, труднее всего, и спешил туда. Удивительная душа его, прекрасное сердце солдата и коммуниста именно в этом бою раскрылись перед каждым ковпаковцем до предела, если только существовал этот предел вообще.

В два часа дня противник бросил в бой резервы — до 500 человек. Вернее, попытался бросить. Мадьярские

солдаты не успели даже слезть с саней, как попали под фланговый минометный и пулеметный огонь засады Кочемазова.

Этот неожиданный удар и решил исход боя. Все так и случилось, как наметили Ковпак, Руднев и Базыма. В панике приняв засаду за... советский парашютный десант, каратели отступили, оставив на снегу сотни раненых и замерзших.

В веселовском бою Ковпак успешно применил тактическую хитрость. Он поставил минометы и станковые пулеметы на сани, которые множество раз переезжали с места на место. Тем самым у врага создалась иллюзия, что партизаны обладают бо́льшим количеством тяжелого оружия, чем его было на самом деле.

А ранним утром следующего дня подоспела вражеская авиация. Немецкие летчики успешно бомбили вошедшую в село... венгерскую часть!

Партизаны потеряли убитыми одиннадцать человек. Раненых было много больше. Среди них и Семен Васильевич. Рана комиссара была ужасающей — в лицо, к тому же он потерял много крови. Врач Дина Маевская прямо сказала Ковпаку:

— В моей практике такого ранения не встречалось. Пуля прошла через щеки, между верхней и нижней челюстями, зацепила язык. Как помочь раненому в таких условиях без инструментов, не знаю. Одна надежда — на здоровый организм Семена Васильевича...

Ковпак тоже надеялся на железный организм комиссара, но уповать только на него не стал и принял свои меры. Он уже разведал, что неподалеку от села Бруски, куда ушел отряд из Веселого, в Хуторе Михайловском, по слухам, живет опытный старый хирург и хороший человек Григорий Иванович Самохвалов. В Хутор Михайловский отправляется Павел Степанович Пятышкин, ночью разыскивает дом Самохвалова, кое-как разъясняет поднятому с постели врачу, в чем дело, и доставляет его в отряд. Самохвалов сделал все, что надо, назначил курс лечения и к утру был благополучно возвращен домой.

Но Ковпак и на этом не успокоился. Уж он-то, старый солдат, понимал, как важен, кроме лечения, для тяжело раненного еще и уход, какое значение может иметь присутствие возле его постели близкого, родного человека. Сидору Артемьевичу было известно, что в селе Моисеевка, по соседству с Брусками, скрываются от немцев жена

Руднева Домникия Даниловна и сын — семилетний Юрик. И вот уже мчат в Моисеевку сани, в них один из самых храбрых разведчиков отряда, лейтенант Федор Горкунов, Радик Руднев и два пулеметчика... Так в отряде собралась вся семья комиссара.

Ни на шаг не отходила от мужа Домникия Даниловна, помогала Дине Маевской делать перевязки, кормила его с ложечки. Семен Васильевич не мог говорить, только глаза его выдавали, как рад он, что жена и младший сын тоже рядом, как благодарен он Ковпаку за товарищескую заботу. А когда смог шевелить пальцами, написал неровными, расползающимися буквами записку: чтобы провели во всех подразделениях партийные собрания, а новичков привели к присяге! Он всегда оставался верен себе, комиссар Руднев...

Тяжелый веселовский бой, наличие в отряде большого количества раненых — все это побуждало Ковпака дать соединению небольшую, но крайне нужную передышку, конечно же, в безопасном месте. И отряд двинулся в путь — к знакомым уже Хинельским лесам. Остановились в селе Хвощевка.

Всего два с небольшим месяца прошло с той поры, как ушли ковпаковцы к Путивлю, но обстановка здесь за это время изменилась весьма существенно. Небольшие «поднятые» ими партизанские группы превратились в сильные отряды, насчитывающие сотни бойцов. Командиры их регулярно проводили совещания, осуществляли совместные операции, поддерживали связь с орловскими партизанами.

Однако долго отдыхать не пришлось. Гитлеровское командование крупными силами смешанных немецко-венгерских войск начало прочесывать Хинельские леса, расставив предварительно довольно мощные заслоны севернее Хутора Михайловского, чтобы воспрепятствовать украинским партизанам уйти в Брянские леса. Два батальона венгерских войск начали наступление 20 марта, причем в течение дня четырежды бросались в атаки на участки обороны ковпаковцев. Пехоту поддерживала и авиация.

Партизаны оказали упорное сопротивление, но Ковпаку было ясно, что долго продержаться не удастся. Мало боеприпасов, да и потери ощутимы. Погиб в бою ветеран отряда, хороший командир и отважный минер Николай Курс... К ночи бой затих. Оставив в лесу десятки трупов, каратели отошли, чтобы утром — Ковпак в этом не сомневался — возобновить наступление. В его распоряжении

была ночь, и он знал, если не сумеет под ее покровом оторваться от противника, — дело плохо. Ушли ковпаковцы! Из-под самого носа, как уже не раз уходили и еще не раз уйдут! Развели множество костров, чтобы уверить вражеских наблюдателей: здесь партизаны, никуда не делись. У костров оставили несколько конных разведчиков — поддерживать огонь. Все же остальные бойцы бесшумно снялись с места и так же бесшумно тронулись в путь. В голову колонны выделили несколько саней, запряженных самыми сильными конями, — прокладывать дорогу в снежной целине.

За ночь ковпаковцы обошли линию застав противника, а к утру вместе с нагнавшими колонну конными разведчиками приближались уже к опушке Брянских лесов. А в это время авиация и артиллерия противника молотили хинельскую стоянку. Затем в атаку пошла пехота и поймала «облизня», как прокомментировал это событие сам Ковпак.

27 марта объединенный Путивльский отряд, растянувшийся чуть не на полкилометра, вливался в улицы самого северного села Украины. Это была Старая Гута. Партизанская столица, как называли ее местные жители.

«ТОВАРИЩ КОМАНДИР, ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА!»

Старая Гута и впрямь стала настоящей партизанской столицей, живущей своеобразной жизнью малой, но все ж советской земли. Здесь был уже Брянский партизанский край. Отряды, гарнизоны и посты окружали его непроницаемой, хотя и невидимой для чужого глаза стеной. Ни одна лесная тропка не осталась без надзора, все было перекрыто и наглухо взято под замок.

Брянский партизанский край, включавший в себя около 400 сел Украины и Российской Федерации, охватывал огромную территорию — 180 километров с юга на север и 60 — с запада на восток с населением около 200 тысяч человек. Десятки отрядов из нескольких областей насчитывали до 25 тысяч бойцов, десятки тысяч жителей к тому же входили в группы местной самообороны. С Большой землей поддерживалась постоянная связь по радио и самолетами. На вооружении партизан имелось 4 тяжелых танка КВ, десять средних танков Т-34, 2 танкетки, 5 бро-

немашин, 136 минометов, 112 станковых и 395 ручных пулеметов, 81 орудие различного калибра. Танки и машины работали на местном горючем — скипидаре, при этом из глушителей валили клубы едкого дыма.

Понятно, что в Старой Гуте Путивльский отряд смог и хорошо отдохнуть, и привести себя в порядок, и подготовиться к новым боям и походам. Прежде всего надлежащее лечение и уход получили раненые, которым нескончаемые марши по бездорожью, когда делать перевязки приходилось буквально на ходу, причиняли мучительные страдания. А раненые в партизанской войне — статья особая, отличная от фронта, когда пострадавшего бойца можно эвакуировать в тыл, где есть в должном количестве и квалифицированные врачи, и инструменты, и лекарства. На фронте раненый красноармеец, как правило, покидает свою часть, партизан всегда остается в отряде, разделяя его судьбу.

Благодаря хорошему уходу все раненые быстро пошли на поправку, в том числе и Руднев, правда, довольно долго еще Семен Васильевич вынужден был говорить только шепотом.

Хозяйство отряда в Старой Гуте было поставлено солидно. Сводки Совинформбюро от руки уже не переписывали, их печатали ежедневно на настоящем типографском станке, взятом в качестве трофея при разгроме одного из вражеских гарнизонов. Листовками обеспечивали не только бойцов отряда, но и местных жителей. Хозяйственники организовали портняжную мастерскую, где перешивали трофейное обмундирование и ремонтировали одежду, и оружейную, где приводили в порядок поврежденное оружие.

11 апреля произошло событие чрезвычайное — из Москвы прилетел первый самолет, доставивший Ковпаку долгожданную радиостанцию. Тем же самолетом прибыли начальник рации Дмитрий Степанович Молчанов, политрук Николай Грищенко и радистка Катя Коваленко. Поскольку аэродрома или площадки, пригодной для посадки, в окрестностях села не было, и радисты, и рация были сброшены с парашютами. Дед от души радовался рации и сказал выразительно:

— Прибыла Москва в Старую Гуту! Теперь живем, браты, и посоветоваться можно, и подмогу получить. Благодать!

Главным занятием основной массы партизан в этот

период стало учение, в первую очередь изучение трофейного, взятого в боях оружия. На вооружении отряда были минометы, пулеметы, автоматы, винтовки, карабины самых разнообразных систем, изготовленных во всех странах, захваченных гитлеровцами. Никаких руководств и наставлений к ним, естественно, не было. Но Ковпак и Руднев поставили задачу: владеть оружием врага лучше, чем он сам! И партизаны учились, помогая друг другу. Бывало, идет Ковпак по лесу, увидит группу партизан, разбирающих и собирающих какой-нибудь шкодовский пулемет, и бросит на ходу Рудневу:

— Выходит, комиссар, твой Осоавиахим с войною не кончился! Академия тебе полная!

Руднев улыбается в красивые усы, отвечает одними губами:

— Война учит как умеет!

В Брянском крае весной 1942 года располагалось свыше двадцати крупных партизанских отрядов. Их командиры поддерживали между собой постоянную связь, регулярно встречались на совещаниях, обменивались опытом, проводили совместные операции. Многих из них Ковпак уже знал и раньше, с другими только познакомился. Все они слышали о делах Путивльского отряда и его командире. Ближе, чем с другими, сошелся Ковпак с Александром Николаевичем Сабуровым. Сблизила их общность по многим вопросам, причем коренным, партизанской войны.

Высокий, крепко сколоченный, с крупными чертами лица, Сабуров до того, как стал партизаном, был армейским политработником, батальонным комиссаром. Участвовал в боях, с остатками своего батальона пробивался из окружения, по пути создал сильный, подвижный отряд. Как и Сидор Артемьевич, пришел к выводу, что рейд — самая эффективная форма партизанской борьбы.

В апреле в селе Красная Слобода, где располагалось соединение Сабурова, состоялось совещание партизанских командиров, съехавшихся с разных сторон Брянского леса. Как проходило совещание, какую роль сыграл в нем Ковпак, лучше всего описал сам Сабуров:

«Хлопает калитка. С крыльца слышен уже знакомый мне по Хинельскому лесу раскатистый бас секретаря подпольного комитета партии Червонного района Порфирия Фомича Куманька, но в комнату первым входит невысокого роста пожилой человек с бородкой клинышком, в

длинном штатском пальто, перекрещенном ремнями. На голове — серая кубанка. Запросто, как старому знакомому, он подает руку; замечаю, что два пальца правой руки как-то неестественно подогнуты — очевидно, результат ранения. Говорит с мягким украинским акцентом:

— Ковпак, командир путивльских партизан.

. . . .

Еще рукопожатие. Еще... Мы кое-как рассаживаемся в нашей тесной комнатушке... И в Красной Слободе, в этом небольшом селе, затерянном среди лесной глуши, начинается командирский совет партизанских отрядов Донбасса, Харьковщины, Курска, Путивля, Хинельских лесов — посланцев России и Украины.

Да, история повторяется. Со стародавних времен по южной окраине овеянного преданиями и легендами дремучего Брянского леса проходит граница между Россией и Украиной. И с давних незапамятных времен враги всех мастей пытались открыто и тайком, лестью и под страхом смерти разъединить два народа, двух кровных братьев. Но всякий раз великая дружба ломала любые кордоны...

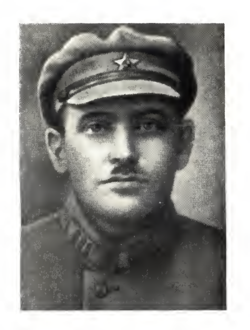
Ковпак, попыхивая невероятных размеров козьей ножкой, внимательно изучает подготовленную нами сводку обстановки нашего партизанского края. Отложив ее в сторону, он говорит:

— Товарищ Сабуров, открывай совещание. Не люблю дипломатии. На твоем хозяйстве собрались — открывай...

Сидор Артемьевич рассказывает главным образом о своих переходах из Спадщанских лесов в Хинельский и оттуда к нам — на Брянщину. Стараюсь не пропустить ни одного слова: хочу понять, как можно с тяжело груженными, громоздкими обозами пройти сотни километров по открытой местности и при этом не иметь потерь. Забрасываю Ковпака множеством вопросов.

— Вот я тебе зараз скажу, что главное, — охотно делится своим опытом Ковпак. — Первое дело — это быстрота движения: нужно делать не меньше тридцати-сорока километров за ночь. Второе — дневку определяй заранее, и на это место обязательно за сутки нужно посылать своих людей в разведку: когда придешь туда, они тебе всю обстановку сразу и доложат. Третий вопрос — это твое хозяйство. Обоз готовь с умом, подбирай лошадей сильных, выносливых и не перегружай их. Не забывай, что иной конь хорош под седлом, а в повозочной

С. А. Ковпак в середине 20-х годов

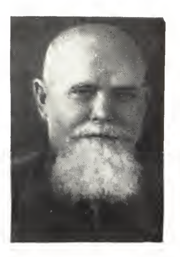

С. В. Руднев в середине 30-х годов.

С. А. Ковпак
в партизанском лесу.

Здесь прошли ковпаковцы...

Дед Мороз — А. И. Коренев.

Секретарь парторганизации партизанского соединения Я. Г. Панин.

С. А. Ковпак и командир Шалыгинского партизанского отряда Ф. Д. Матющенко (1943 г.).

Начальник штаба соединения Г. Я. Базыма (слева) и начальник штаба Глуховского партизанского отряда И. Е. Лисица (1943 г.).

Первый начальник штаба Путивльского отряда Н. М. Курс.

Командир Конотопского партизанского отряда В. П. Кочемазов

Командир воргольских партизан С. Ф. Кириленко.

Партизанская артиллерия (1943 г.).

Командир Глуховского партизанского отряда Герой Советского Союза П. Л. Кульбака (1943 г.).

Помощник командира партизанского соединения М. И. Пазловский (1943 г)

Командир роты Герой Советского Союза А. К. Цимбал (*слева*) и командир взвода А. Е. Мазеин (1943 г.).

Отряд в походе.

Генерал-майор Герой Советского Союза С. В. Руднев (1943 г.).

1 сентября 1942 года. М. И. Калинин и партизанские командиры в Кремле после вручения наград.

С. А. Ковпак и С. В. Руднев в лесном штабе (1943 г.).

Брод.

После боя на Припяти.

С. В. Руднев проводит собрание.

Начальник
Украинского штаба
партизанского
движения
генерал-майор
Т. А. Строкач.

Генерал-майор Герой
Советского Союза
А. Н. Сабуров.

Секретарь ЦК КП(б) Украины Д. С. Коротченко («Товарищ Демьян»).

Товарищ Демьян выступает перед партизанскими командирами.

С. А. Ковпак и дважды Герой Советского Союза А. Ф. Федороз на Припяти.

Командир
кавалерийского
дивизиона Герой
Советского Союза
А. Н. Ленкин
и разведчик
А. Н. Колесников
(Брянский лес.
1942 г.).

Помощник начальника
штаба соединения
Герой Советского Союза
В. А. Войцехович (1943 г.).

С. А. Ковпак (конец 1942 г.)

упряжи не потянет. И ездовые должны быть с головой, с ходу бы понимали, что к чему, а то попадется растяпа, наскочит на пень или влетит в болото и задержит всю колонну.

Сидор Артемьевич предупреждал, что при движении колонны ни в коем случае не следует ввязываться в бой с противником всеми силами. Врагу выгодно увлечь тебя боем, чтобы остановить, а затем окружить и уничтожить всю колонну.

— Может случиться, что противник догонит тебя или выставит на пути заставу. Тут уж, браток, не раздумывай: сразу выбрасывай навстречу ему ударный отряд и позаботься, чтобы командир там был сноровистый, умел быстро ориентироваться в обстановке и не боялся принимать смелые решения. Ударный отряд должен первым завязать бой и отвлечь на себя противника. Тем временем колонна оторвется от врага.

Передохнув немного, Ковпак добавляет:

— Не беспокойся, отряд, который вел бой, никуда не денется, при всех условиях хлопцы вас догонят. В общем, повторяю: главное — не ввязываться в бой сразу всеми силами. Это вы не забывайте...

Я записывал, переспрашивал, снова записывал, и, право же, на этом совещании я скорее походил на прилежного ученика, чем на председательствующего. Хотелось уловить все интересное, позаимствовать все ценное из опыта соседей.

А в комнате опять разгорелся спор. Вопросы тактики слишком волнуют всех, чтобы разговор протекал спокойно. Ковпак вновь подал голос:

— Товарищи говорят, что у каждого своя тактика: у Сабурова — одна, у Ковпака — другая, у Покровского, скажем, — третья. Что ж, спорь, защищай, отстаивай свое. Но не поступайте, как вот этот, — тычет он в сторону потупившегося командира. — Когда ему туго пришлось, он до меня прихилывся: «Спасай, Дед!» А когда на меня гитлеряки насели, он поднял свой отряд и пошел своей дорогой — вот, мол, бис с ним, с Дидом... Я вас спрашиваю, як така тактика называется? Трусость! От як!

Наконец, еще одно дело. Данные разведки свидетельствуют о сосредоточении на подходах к Брянскому лесу по меньшей мере трех вражеских дивизий. Намерение врага понятно всем: одним ударом покончить с партизанским краем и со всеми скопившимися здесь нашими отря-

дами. Что нам делать? Ждать этого удара или опередить его? Я оглядываю друзей.

— А какого ж биса, ты думаешь, мы к вам сюды приихалы?.. — смешливые искорки загораются в глазах Ковпака. — Ударим! А як же иначе? Так ударим, что гром пойдет по лису. Правильно, товарищи?

Все горячо соглашаются с ним... Договариваемся в ближайшее время собраться в штабе Ковпака и разработать план совместной операции по всей ширине Брянского леса».

«Мирный» период пребывания в Старой Гуте для ковпаковцев закончился. И вот уже первый бой, совместно с Хомутовским отрядом: в селе Жихов наголову разгромлен батальон 51-го венгерского полка. Противник бежал, потеряв убитыми почти двести человек, из них четырнадцать офицеров.

Совместно с другими отрядами ковпаковцы громят вражеские гарнизоны в селах Середино-Будского района, опорные пункты в селах Чернатское и Пигаревка. Пигаревский бой, проведенный в канун Первомая, стоил гитлеровцам только убитыми 360 солдат!

А 1 Мая Старая Гута отмечала праздник, который стал здесь, в партизанском крае, праздником непокоренных. Все село, как и положено на советской земле, заалело полотнищами флагов. Самый дорогой цвет, цвет жизни и правды, цвет революции и коммунизма, цвет Советской власти.

В 10 часов утра в селе Старая Гута Ковпак, Руднев и Базыма принимали парад своего соединения. В глубоком тылу врага партизанские роты торжественно шагали в парадном строю, и каждый из бойцов и командиров в душе маршировал по звонкой брусчатке Красной площади перед Мавзолеем Ленина. Это была железная поступь народа, нигде, никогда и никем не побежденного и не покоренного...

Состоялся и массовый митинг, в котором приняло участие все население Старой Гуты. На митинге произошло вроде бы неожиданное, а в сущности, закономерное и характерное, что растрогало Ковпака до слез. Узнав, что Советское правительство объявило о подписке на первый Государственный заем обороны, жители села тут же решили принять участие в ней! Собрали ни много ни мало

400 тысяч рублей, которые были позднее самолетом отправлены на Большую землю.

Прямо с митинга Ковпак, Руднев и Базыма отправились в подразделения проверить, как люди готовятся к новому походу. Куда — пока знали только они. Обошли все роты, взводы, отделения.

Оружие — прежде всего. Беспощадно выбрасывалось все, что не нужно в бою. Наблюдая за чисткой партизанских повозок со всевозможным имуществом, Ковпак невозмутимо комментировал:

— Партизан — это боец. Не тряпичник, а солдат. — Он значительно подымал обкуренный палец. — А что значит солдат, к тому же партизан? Это, хлопцы, значит, что ни поймать его, ни убить. Потому что проворность наша — это и оружие наше. А потому все лишнее долой.

Вот командир и комиссар, не сговариваясь, остановились у одной из множества повозок. Ездового, однако, это внимание совсем не радует.

— Твоя? — Ковпак мельком кивнул на повозку.

— Моя, товарищ командир...

— И лошадка?

— А как же!

— И тебе не совестно?

— А?!

— Вот тебе и «А!». Не видишь ты, что ли, животина твоя на одном честном слове держится. Кожа да кости. Куда же ты, парень, смотришь, если не на коня? Может, на спирт? — Ковпак хмурит брови. — Точно: спирт! Вон он у тебя, под барахлом, я же вижу.

Руднев откидывает какое-то рядно и... действительно извлекает из повозки бутыль с самогоном. Разгневанный комиссар готов уже был разбить бутылку о ближайшую сосну, но Ковпак задержал его руку.

— Не надо, Семен. Пусть снесет в санчасть. — И к ездовому зло: — Запомни, парень, спьяну воевать — немцу потеха. Вот и барахло твое... К чему натаскал его полную повозку? Вместо боеприпасов, что ли? Слышь, Кудрявский! — он окликает командира Кролевецкого отряда Василия Моисеевича Кудрявского именно потому, что видит, как тот прячет от него глаза. — У тебя большой обоз?

— Возов двадцать будет...

— А с боеприпасами?

— Да один всего... Ну, еще пулеметная тачанка.

— И это, по-твоему, правильно?

Молчание. Ковпак рубанул воздух ладонью.

— Ясно! Пятнадцать повозок — долой! Дядькам отдай, им пригодится. И вот что, ты же герой гражданской войны, ты же знаешь: все должно стрелять у партизана. Все! И обоз тоже. А если нет, то на кой черт он нам?

Миновав смущенных командира отряда и ездового, Ковпак и Руднев идут дальше. Осмотр продолжается.

Проверка готовности соединения к новым боям поставила Ковпака еще перед одной проблемой. Значительную часть его обоза составляли женщины и дети. Война усадила на партизанские телеги целые семьи, в том числе и семью комиссара Руднева.

— М-да, цыганский табор у нас получается, а не боевой отряд, верно, Семен Васильевич?

— По нужде, — вздохнул Руднев, — не бросать же детей да женщин...

— Вот и я говорю. Что-то недодумали мы здесь.

Додумали вдвоем. Дед горячо, хотя и скрытно, как это часто бывает с людьми, которым не дано собственное отцовство, любил детей. И понимал, каким опасностям подвергаются они, находясь в отряде. Приказ Ковпака был разумным и простым: дети и женщины остаются на месте. Их обеспечивают продовольствием. Матерям, имеющим совсем маленьких, выделили дойных коров — молоко ничем другим не заменить!

— А там и на Большую землю отправим, — такими словами завершил Ковпак свой приказ.

Отряду предстояло снова вернуться к Путивлю. Но в отличие от зимнего рейда этот поход совершался по прямому согласованию с командованием Красной Армии. Впервые! И это накладывало на всех командиров и бойцов особую ответственность. Ковпак писал:

«Мы шли выполнять задачу, поставленную перед нами командованием Красной Армии, — дезорганизовать движение на железнодорожной магистрали Конотоп—Ворожба—Курск и на параллельных ей шоссейных дорогах. Все эти коммуникации приобрели в то время особо важное значение. Немцы готовились к наступлению на Воронежском направлении».

15 мая Путивльский объединенный отряд численностью в 750 бойцов покинул Старую Гуту. Состоял он, собственно говоря, из пяти отрядов под общим командованием: Путивльского, Глуховского, Шалыгинского, Ко-

нотопского и Кролевецкого. Обоз занял 150 подвод. С собой взяли только самое необходимое, в том числе перевозной разборный мост, построенный под наблюдением Ковпака и Коренева для переправ через малые реки.

Переход к Путивлю — 150 километров — партизаны проделали за неделю. Шли без боев, несколько мелких стычек не в счет. Однако во время пути произошло два важных события, на которых нужно остановиться особо.

Уже говорилось, что Ковпак и Руднев придавали огромное значение отношениям партизан с местным населением. Именно поэтому они и решили, что с превращением небольшого отряда в настоящее партизанское соединение, непосредственно связанное с командованием Красной Армии, пришла пора отразить эти отношения в специальном приказе. Приказ за номером двести был отдан 21 мая 1942 года на дневке в Слоутских лесах. Он был суров, недаром бойцы называли его между собой «приказ двести — расстрел на месте», но иным и быть не мог, ибо долженствовало ему стать главным после присяги законом партизанской жизни.

Приказ № 200:

«Партизанское движение есть народное движение. Партизаны — это сыновья своего народа. Поэтому каждый поступок, каждый шаг партизана в населенном пункте, его поведение и отношение к населению есть большой политический фактор. Население нас одевает, кормит, из населения идут в партизаны лучшие сыны и дочери. Наши успехи в борьбе с врагом зависят от того, как мы будем относиться к местному населению и как оно поддержит нас. Нужно помнить, что враг использует каждую нашу ошибку, каждый неправильный поступок по отношению к населению в свою пользу.

Исходя из сказанного выше, приказываю:

1) Во время перехода через населенные пункты всем бойцам, командирам и политработникам строго запрещается заходить в хаты. Весь личный состав оперативной группы обязан оставаться в строю и соблюдать установленный порядок и строгую дисциплину.

2) Любые операции в населенных пунктах по ликвидации полицаев проводить лишь с разрешения командования отряда и обязательно в присутствии командира и политрука оперативной группы.

3) Категорически запрещаю забирать у населения яйца, кур, молоко. Заготовлением продовольствия и фуража

занимается специально созданная группа для всего отряда.

4) Замену коней, упряжи и повозок у населения проводят командиры групп с разрешения командования отряда.

5) Категорически запрещается стрелять как во время перехода, так и на стоянках.

6) Все командиры, политработники и бойцы обязаны выполнять этот приказ, нарушение которого рассматривается как измена Родине, и нарушители привлекаются к ответственности, вплоть до расстрела.

Приказ огласить всему личному составу под расписку».

Таков он был, знаменитый «приказ двести». Подписав его, Ковпак и себе, и каждому бойцу своему снова напомнил святую истину: против народа не смей никто, ни в чем, никогда! Посмеешь — пеняй на себя!

Так и поняли приказ ковпаковцы.

Следующий день застал отряд в лесу Довжик на самой границе Путивльского района. Бойцы отдыхали после ночного перехода, радисты, как обычно, развернули рацию для приема очередной сводки Совинформбюро. Что-то особенное, видно, приняли на сей раз Молчанов и Коваленко, если вместо обычного делового доклада кинулись к командиру с объятиями. Только и понял вначале Сидор Артемьевич, что его поздравляют, а когда разобрал с чем, растерялся, едва ли не впервые в жизни. И было от чего!

Радисты приняли Указы Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1942 года о награждении орденами и медалями 196 партизан за доблесть и мужество, проявленные в партизанской борьбе в тылу против немецко-фашистских захватчиков. Четверым особо отличившимся командирам украинских партизанских отрядов: Сидору Ковпаку, Ивану Копьенкину, Александру Сабурову и Алексею Федорову присвоено звание Героя Советского Союза!

Отряд ликовал. Каждый боец воспринял высокое награждение Ковпака как признание Родиной заслуг всего отряда, да так оно, конечно, и было на самом деле. Что лукавить, радовался и Ковпак. Но радовался бы еще больше, если бы не чувство досады и обиды за своего комиссара. Из-за чьей-то неосведомленности, а возможно, и невнимательности заслуги Руднева оценили значительно ниже, чем следовало. Сидору Артемьевичу было обид-

но за человека, поистине ставшего душой соединения, чей вклад в борьбу, несомненно, заслуживал более высокой оценки, чем орден «Знак Почета», которым обычно награждали деятелей культуры, просвещения, передовиков сельского хозяйства. Потому-то и досадовал Ковпак, обиду эту разделяли и партизаны. Дед горячился:

— Признали меня, признайте и моего комиссара! Золотая Звезда и ему полагается!

Разволновался так, что продиктовал радисту телеграмму: «Москва, Кремль. Товарищу Сталину. Мой комиссар боевой партизанский командир, а не доярка, чтобы награждать его орденом «Знак Почета». Ковпак». Хорошо еще, что донести эту радиограмму до рации не дали, перехватили...

Вечером кто-то из партизан явился к Ковпаку с донесением. Козырнул, обратился, как положено:

— Товарищ командир... — запнулся на мгновение и твердо закончил: — Герой Советского Союза!

Это порожденное сейчас уже никто не помнит кем обращение к Ковпаку было потом в приказном порядке утверждено комиссаром Рудневым. Оно сохранялось в отряде вплоть до присвоения Сидору Артемьевичу генеральского звания.

ЗДРАВ БУДЬ, ПУТИВЛЬ!

После памятной дневки в лесу Довжик соединение Ковпака вошло на территорию Путивльского района и остановилось в лесу Марица рядом с урочищем Вишневые горы. На кургане, господствующем над низиной Клевени, где до войны Базыма со своими учениками производил археологические раскопки, Ковпак расположил командный пункт. Путивль отсюда был как на ладони...

«С командного пункта было видно все: наши родные села, лес, ветряки, дороги. На горизонте высились колокольни старинных путивльских церквей.

Странное чувство охватило всех путивлян, когда мы собрались на командном пункте. Бинокли держим в руках, а никто в них не смотрит — они не нужны. Внизу, в селах, за болотистой низиной Клевени, — противник. Ночью придется с ним драться, но все смотрят не сюда, а дальше, через вражеские линии, где в пойме Сейма темнеет Путивль. Вся жизнь проходит мысленно перед

каждым. Смотришь на город и вспоминаешь мирные дни. Одни колокольни маячат на горизонте, а видишь все, будто по улице идешь. И кажется: вот райком партии. Возле него — запыленная машина: кто-то, видно, из области приехал на заседание бюро. Вот большое здание райисполкома. У подъезда несколько бричек. На втором этаже все окна настежь, кто-то сидит на подоконнике — должно быть, совещание в кабинете у председателя. А вот горсовет. У дверей стоят несколько женщин — меня, вероятно, дожидаются. Смотришь и думаешь: когда это было? Сколько времени прошло с тех пор? И все, знаю, то же самое думают.

Со мной Руднев, Базыма, Панин, Коренев. Мы на командном пункте, а рядом с нами, в лесу, сотни людей. И сотни глаз из-за деревьев смотрят поверх сел, лежащих внизу, будто никому нет никакого дела до противника. Кто-то влез на ветвистый старый дуб. Что он видит? Едва заметную зубчатую полоску города, а перед глазами, наверное, вся жизнь. Все, что ему дорого, все, за что он воюет, все, что дала ему Советская власть, все там — в Путивле».

Путивль со стороны Брянских лесов прикрывали по фронту почти в тридцать километров венгерские и полицейские гарнизоны. Отряд, конечно, значительно уступал оккупантам в живой силе и технике. Но на его стороне были внезапность, стремительность удара, сосредоточенность его и нацеленность в самое уязвимое место врага, ошеломляющая быстрота действий и маневренность. Ночью Ковпак ударил по всему многокилометровому фронту, ураганом промчал по фашистским гарнизонам в Вязенке, Яцыне, Старой Шарповке, Стрельниках... Свыше 300 трупов оставил противник при бегстве из сел на Клевени. Партизаны взяли большие трофеи: оружие, продовольствие, фураж, обмундирование, а главное — расчистили дорогу к Путивлю. В городе царила паника, среди оккупантов ходили самые фантастические слухи о парашютном десанте, о прорыве Красной Армией фронта и т. п. Все оккупационные учреждения опустели, все начальство, полицаи, солдаты бежали за Сейм.

Как писал впоследствии Сидор Артемьевич, партизаны не предполагали занимать Путивль, но успешные боевые действия, а также данные разведки показали, что есть реальная возможность овладеть городом хотя бы на один день.

И партизаны вошли в Путивль! Это означало, что советских людей покорить невозможно, если они даже на оккупированной врагом территории восстанавливают Советскую власть!

26 мая 1942 года, в день рождения Сидора Артемьевича Ковпака, возглавляемое им партизанское соединение вступило на улицы Путивля! Комсомолец Александр Тураев, командир одного из взводов, пусть и на один день, но был назначен советским комендантом города! А утром 27 мая в Путивль приехали Ковпак и Руднев.

Оставив в бричке оружие, идет председатель горсовета по родным улицам...

«Серые, изможденные лица жителей без слов говорили о тяжести жизни под пятой оккупантов. Все население города радостно встретило партизан, каждый хотел чем-нибудь помочь...

Я шел по улицам Путивля, и, странно, город казался каким-то чужим. Внешне он был таким же красивым, как и прежде: те же прямые, широкие улицы, все в зелени, добротные дома, сады. Так же пышно, как всегда в это время, цвела сирень на старинном валу, и вид отсюда на Сейм, на его огромную пойму был такой же красивый. Но все же Путивль изменился. В сквере нет памятника Ленину — один пьедестал. И город показался мне таким же пустым, как этот пьедестал, хотя по улицам ходило немало людей. Дома, улицы, деревья — все на своих местах, а жизни, полнокровной жизни нет, будто припрятана она куда-то до лучших времен».

Бесконечно долгой улицей добрался председатель горисполкома к зданию Совета, вдруг ослабевшими ногами переступил порог собственного кабинета. Остановился, огляделся, словно попал сюда впервые. Глубоко вздохнул. Осторожно, будто опасаясь потревожить прошлое, опустился в уцелевшее каким-то чудом за эти девять месяцев кресло...

Люди пришли к своему председателю. Вопрос у всех один: вернется ли немец, Сидор Артемьевич?

Что он мог им сказать, своим, родным, советским, кроме правды?

— Врать не умел, не умею и теперь не стану. А потому и скажу прямо: дорогие вы мои, люди добрые, погодите! Немного погодите, товарищи! Уже недолго, поверьте! Мы, партизаны, то первая ласточка, понимаете? А кто же не знает, что она сама весны не делает. Она только

весть несет, чтобы люди знали: весна идет! Она уже не за горами. Готовь, значит, хозяин, плуг да семена!

И ему кивали в ответ:

— Все правильно, Сидор Артемьевич! Мы же понимаем...

Снова вернулся Ковпак в городской сквер. Перед ним сиротливо темнел постамент памятника Ленину. Нет памятника, но есть свидетельство безграничной любви и уважения народного к бессмертному Ильичу — живые цветы, свежие, умытые росой. Долго стоял Ковпак, задумавшись, уйдя в свое. Точно пробудившись от сна, вздрогнул, услышав голос партизанской медсестры Гали Борисенко:

— Вот, Сидор Артемьевич, возьмите. Положите сами! — И девушка протянула командиру букет свежесобранных цветов.

Одними глазами поблагодарил Ковпак девушку, опустившись на колено, возложил к пьедесталу еще один букет...

Заглянул Ковпак с Рудневым и в местный краеведческий музей. Жив беспартийный большевик Шалимов! Целы и самые ценные экспонаты, надежно схоронены в церкви, за иконостасом под образами. Сбережены и книги районной библиотеки: в калориферах центрального отопления.

Ковпаку и Рудневу было ясно, что гитлеровцы не стерпят потерю города, следовало ждать ответного удара. Он и последовал. Причем не только силами охранных частей, нет, фашисты бросили на Путивль отборные фронтовые части. Однако, когда колонна немецких танков ворвалась в город, там не было уже ни одного партизана. Разными направлениями ковпаковцы покинули город, вместе с ними ушли в лес сотни новых бойцов.

Лагеря отряда растянулись на многие километры по обоим берегам Клевени в стыке Путивльского, Конотопского, Кролевецкого, Глуховского и Шалыгинского районов. Путивльский отряд остался на своем изначальном месте — в Спадщанском лесу, Конотопский — в лесу Займа, Глуховский — в лесу Довжик, Шалыгинский — в лесу Марица, Кролевецкий — в селе Морозовка [1]. Фактически вся северная от Сейма часть Сумской области в этот период контролировалась партизанами. Немецкие гарнизоны оставались только в районных центрах, где

[1] Ныне Петривцы.

они, по существу, были замурованы. Все дороги на севере Сумщины были блокированы. После нескольких успешных диверсий прекратилось движение и на железнодорожной магистрали Конотоп—Ворожба.

Гитлеровское командование восприняло временный захват Путивля партизанами как удар по своему престижу и уже через несколько дней бросило на прочистку Спадщанского леса несколько сот солдат при поддержке 8 танков, 4 бронемашин. Их отбросили. Попытка повторить атаку на следующий день привела фашистов к потере еще 30 солдат и двух танков. И в третий раз полезли автоматчики, на сей раз при поддержке двух батарей 122-миллиметровых орудий и танков, и снова их отшвырнули.

В Спадщанском лесу стало тихо. На берегу Звани появились даже рыболовы с удочками. Обнаружились среди партизан и любители шахмат, самые заядлые — бывший учитель, а ныне разведчик Иван Архипов и Радик Руднев.

Дед, однако, хорошо понимал, что тишина эта обманчивая. Немцы, готовясь к летнему наступлению, перебрасывали в обход Москвы на восток все свои резервы, а Путивльский отряд держал в это время под ударом важнейшую железнодорожную магистраль. Только потому и не уводил Ковпак партизан от опасности. А тучи сгущались: противник выделил для «окончательного» уничтожения отряда несколько венгерских полков, предназначавшихся первоначально для отправки на фронт, осадил весь район. С 20 июня пошли непрерывные бои. Атаки фашистов, поддерживаемые авиацией и артиллерией, следовали одна за другой.

Дед хмуро выслушивал донесения разведчиков: ничего утешительного. Их хотят раздавить здесь. Не ждать же, пока фашистский обух обрушится ему на голову. Отряд свое дело сделал. Нужно уходить...

Два дня рвал Ковпак смертную петлю окружения. И разорвал. По узенькому мостику из бревен и жердей партизаны переправились на другой берег Клевени, на руках перетащили обоз через болото и утром, оторвавшись от обманутого противника, уже были в лесу Марица. Путь к Брянским лесам был свободен, но по железной дороге Конотоп—Курск каждый день следовали к фронту воинские эшелоны с живой силой, танками, орудиями, боеприпасами. И отряд остался в округе продолжать боевые действия.

Путивльский отряд и штаб заняли бывший Софронтьевский монастырь близ села Новая Слобода в Новослободском лесу. Остальные отряды соединения рассредоточились в лесах по обе стороны магистрали Хутор Михайловский — Ворожба. Ковпак знал, что времени в его распоряжении — считанные дни и нужно использовать их для нанесения противнику как можно большего урона. Он писал позднее:

«1 июля наши подрывники уже ознаменовали начало своей деятельности в районе Ворожбы одновременным взрывом двух мостов на Сейме: железнодорожного — у станции Теткино и гужевого — у села Корыж. В этот же день были уничтожены паром у села Марково и паром на дороге Конотоп — Путивль.

Только что оторвавшись от противника, мы снова навлекли его на себя, но в создавшейся обстановке это было неизбежно. Без тяжелых оборонительных боев нельзя было держать под ударом немецкие коммуникации в районе, заполненном войсками оккупантов. Поэтому мы и выбрали для месторасположения своих баз бывший Софронтьевский монастырь и прилегающий к нему лес, представлявшиеся нам удобными оборонительными позициями».

Укрытие было действительно надежным. Могучие каменные стены монастыря, башни, амбразуры, пещеры образовывали настоящую средневековую крепость. Сам монастырь высится на горе, полуокруженный болотом, местность отсюда просматривается на многие километры.

Путивльский отряд, засев в монастыре, как бы отвлекал на себя войска противника, в то время как группы подрывников ушли на железнодорожную магистраль.

Как и предвидел Ковпак, передышка была недолгой. Уже 3 июля на лес двинулись три армейских полка при поддержке трех батарей, десяти танков, большого количества минометов. Через два дня монастырь был фактически окружен. В окружении дрались с гитлеровцами также отрезанные от основных сил отряда боевые группы Карпенко и Коренева. Соединение было в мешке, крепко перехваченном у горловины. Если не оружие, то время свое возьмет. Гитлеровцы на это рассчитывали. Но у Ковпака были свои преимущества: выгодная позиция и закаленные бойцы.

Каратели атаковали осажденных остервенело, зло, упрямо. Бой шел с невиданным ожесточением. Теснимые

вражескими автоматчиками, партизаны отходили. Уже вспыхивают схватки близ штаба, где под командованием Базымы окопалась комендантская команда, возле обоза и санчасти. Пошла рукопашная. В ней погиб «хозяин» Новослободского леса, верный помощник партизан лесник Георгий Иванович Замула. У проломов ограды приготовились к своему последнему бою раненые и больные партизаны... Ковпак вспоминал:

«Казалось, что не остается ничего больше, как драться здесь до последнего человека. Нельзя было уже рассчитывать, что братские отряды успеют прийти на выручку...

С наступлением темноты к монастырю стали прорываться партизаны с отдаленных участков леса. Последним вырвался из окружения Дед Мороз со своей группой.

Весь отряд собрался на монастырской горе, люди изнемогали от усталости. Три дня они ничего не ели, не пили, не отдыхали. Они могли бы еще продержаться, но патронов уже почти не оставалось...

Что будем делать завтра, если братские отряды не помогут нам прорвать кольцо окружения? Я знал, что этот вопрос у всех на уме, но вслух его никто не задавал. В трудных случаях люди рассуждали про себя так: раз мне тяжело, значит всем тяжело, о чем же тут разговаривать. А в те дни, когда мы дрались, окруженные в Новослободском лесу, на фронте немцы рвались к Дону и Волге. И если мы в такое время отвлекали с фронта несколько полков противника, одного сознания этого было для наших партизан вполне достаточно, чтобы не беспокоиться о своей судьбе. Когда дерешься в таких условиях, в каких приходилось драться нам, и знаешь, что на фронте происходят решающие события, особенно ясно чувствуешь, что твоя судьба — капелька в судьбе советского народа».

Поспела помощь путивлянам, вовремя пришла на выручку, когда, казалось, оставалось думать только об одном: как подороже отдать свою жизнь...

«Вечером... мы услышали вдруг ружейно-пулеметную стрельбу за болотом, в тылу противника, и прежде чем мы поняли, что это пришли к нам на помощь братские отряды, оттуда же, где вспыхнула стрельба, донеслось пение. Стрельба была ясно слышна, а пение едва-едва, как будто стреляли близко, а пели где-то очень далеко. Что-то в этом пении мне сразу напомнило годы гражданской войны, Царицын, Каховку, Перекоп. Только потом уж я уловил родной мотив «Интернационала» и невольно стал

подпевать: «Это есть наш последний и решительный бой». Бывает так, случается с тобой что-то, и кажется тебе, что много лет назад происходило то же самое. Вот такое чувство испытывал я тогда. Как будто бы 1919 год, и я — красноармеец, только что вступивший в партию большевиков.

То, что произошло, похоже было на сказку. В темноте с пением «Интернационала» бросившись в атаку, наш братский отряд конотопцев обратил в бегство танкетки, выставленные противником в качестве заслона по ту сторону болота. Конотопцы заняли рабочий поселок, расположенный против монастыря. В кольце окружения Новослободского леса была пробита брешь, в нее мы и проскользнули под покровом ночи. Рассвет нас застал уже далеко от монастыря, на дороге, проходящей другой стороной болота».

Продолжать борьбу в этом районе, наводненном вражескими регулярными частями, при почти полном отсутствии боеприпасов было невозможно. Ковпак ясно видел: еще одна такая сеча, как новослободская, и соединению конец. Значит, нужно уходить. Немедля в испытанный путь к Брянским лесам, верным и надежным.

Дождавшись возвращения групп подрывников, которые успели уничтожить еще 6 вражеских эшелонов, Ковпак отдал приказ на отход. К этому времени партизаны узнали о страшном злодействе, учиненном гитлеровцами над мирными жителями Новой Слободы. Обнаружив, что ковпаковцы бесследно исчезли, фашисты за какие-нибудь полчаса расстреляли в селе 586 человек, в том числе стариков, женщин, даже грудных детей...

24 июля отряд, выросший за время рейда до 1300 человек, сметя со своего пути мелкие вражеские группировки, вернулся в южную зону Брянских лесов. И тут выяснилось, что Старая Гута занята противником — венгерским батальоном, не подозревавшим даже о возвращении партизан в свою «столицу». Несколько дней ковпаковцы отдыхали, а в ночь на 29 июля внезапным ударом наголову разгромили вражеский гарнизон. Советская власть в Старой Гуте была восстановлена, снова приступил к своим обязанностям председатель сельсовета Иван Васильевич Певнев, снова вернулись в свои дома укрывшиеся в чащобе местные жители.

Во время боя за Старую Гуту на сторону партизан перешло около сорока венгерских солдат, главным образом

словаков и русинов по национальности. Многие из них остались в отряде, умножив интернациональную партизанскую семью.

Подводя итоги боевых действий, Ковпак писал:

«Рейдовая тактика полностью себя оправдала. Соединение прошло по северу Сумской области и с выходами боевых групп на операции 6047 километров. Разгромлено 12 вражеских эшелонов, убито 4905 солдат и офицеров противника, уничтожено 25 танков и бронемашин, 26 автомашин, 3 паровоза, 194 вагона и цистерны. У врага захвачено два орудия, 29 минометов, 46 пулеметов, 233 автомата, а также много другого имущества».

С ВЫСОТЫ КРЕМЛЯ

Август сорок второго... К Волге рвутся отборные гитлеровские части — 300 тысяч солдат и офицеров. Командующий, генерал-полковник Паулюс, — один из лучших в вермахте. Грозная сила!

21 августа радист вручил Деду радиограмму: вызывала Москва. Москва затребовала его к себе! Любой на месте Сидора Артемьевича окажись, тотчас бы понял, что это значило. Надо ли говорить, как неописуемо был взволнован старик и как пытался скрыть свое волнение от товарищей. Понимал отлично: вызов по делам важным. Все, что соединение сделало за прошедший год войны, давало основания для такого вызова.

Впрочем, видно, Центральный штаб партизанского движения интересует не только его, ковпаковского, объединения дела. Иначе почему к тому же самолету подошли с такими же вызовами А. Н. Сабуров, Д. В. Емлютин — командир партизанского объединения Брянских лесов, командиры отрядов М. И. Дука, М. П. Ромашин, И. А. Гудзенко, Г. Ф. Покровский, М. И. Сенченко, Е. Е. Козлов и В. И. Кошелев? Иными словами, все руководство партизанского края. Видимо, следует ждать в Москве серьезного разговора по крупному счету обо всех партизанских делах вообще.

А если попросту, по-человечески говоря, то самому Деду не верилось в реальность происходящего до тех пор, пока самолет не взмыл над лесным аэродромом и взял курс на Москву.

Пилот озабоченно застыл за штурвалом. Прошлой но-

чью он доставил брянскому лесному воинству оружие, боеприпасы, продовольствие, медикаменты. И, конечно, обязательные газеты, листовки... В лесах им цены нет! Его там не то что выжидают — жить не могут без живого — печатного! — слова. А теперь вот этому пилоту доверен новый груз — самый дорогой: группа командиров партизанской Брянщины, Орловщины, Украины. Их ждет Москва...

Ковпак не видит пилота — он весь ушел в себя. Думает сразу о множестве дел, только что оставленных внизу. Как оно там получится, покуда в соединении не будет его, командира? Наверное, все толково сумеют сделать и сами. За это нечего тревожиться. С такими, как Руднев, Базыма, да и всеми остальными можно и жить и воевать...

...А фронт под самолетом ударил Ковпаку в глаза лучами слепящего света: прожекторы нащупали машину. Потом справа, слева, снизу огненные вспышки разрывов. Машину немилосердно швыряет из стороны в сторону. Самолет резко пошел вниз. Неужто попадание? Но из кабины слышится спокойный голос:

— Все в порядке, товарищи!

Пилот опытный, знает, как уходить от предательских лучей. И ушел! Выскочил!

Облегченно вздохнув, Ковпак осторожно пощупал изрядную шишку на лысине, только что полученную от крепкого удара головою. И все же, повеселевший, он добродушно пробормотал:

— В Москве заживет!

— Как и моя, кстати, — Александр Сабуров, тоже поглаживая ушибленное место, глядит на Ковпака. Оба смеются.

— Тебе, Сашка, что: в твоих кудрях, брат, целый барабан упрячешь, не то что на моей лысине! — и Сидор Артемьевич, улыбаясь, загрубелой ладонью короткопалой руки еще раз проводит по голове. — Ага, вот и штурман. Что скажешь?

— Мы за линией фронта, товарищи! Теперь порядок! — Стоя в дверях пилотской кабины, молодой штурман довольно улыбается. — Как вы тут?

— Кабы не шишки — то всех лучше! — шутит Ковпак. Он неторопливо достает из вещмешка трофейную флягу. Сделав глоток, устраивается поудобнее, плотнее запахивает шубу и погружается в дремоту.

Заключительная часть полета прошла спокойно. На-

конец впереди зажглись огни аэродрома. Без разворота пилот повел машину на посадку. Москва? Нет еще. Полевой аэродром штаба Брянского фронта. Прибывших встречает А. П. Матвеев, член Военного совета фронта.

Поговорили со штабными товарищами, немного отдохнули. Деду не отдыхалось — нервничал, когда же все-таки в Москву? Еле дождался, пока снова не пришел к командирам Матвеев:

— Едем, товарищи! Машина ждет!

Обрадованный Ковпак легко, по-кавалерийски, вбрасывает сухощавое тело за высокий борт грузовика, еще кому-то из молодых помог взобраться. Кое-как разместились в кузове на каких-то ящиках. Ничего, в тесноте, да не в обиде.

Дорога фронтовая. Длинная, трясучая, пыльная. Но это никого не смущает. Впереди — столица. Привезли, однако, вовсе не в Москву — в подмосковный санаторий. Встретил начальник в белом халате. Предложил пойти в баню, потом переодеться в пижамы, отправиться ужинать и спать.

— Что ты сказав, голубчик? — ласково переспрашивает Сидор Артемьевич. — В лазню? Пижамы? Мы что тебе, на курорт приехали? Мы сейчас у тебя такой зуд вызовем, что сам в баню побежишь!

Начальник непреклонно заявил, что без санобработки никого в корпус не пустит.

Ковпак взвивается.

— Ну и не надо! А ну, хлопцы, распаляй костры!

Разошелся Дед. Еле уговорили... В Москву отправились все же только утром.

Ковпак жадно прильнул к стеклу легковушки. Еще бы! Он не видел Москву с бесконечно далекого теперь, мирного тридцать первого года. Теперь перед его глазами предстал совсем другой город — военный, суровый, ощетиненный «ежами». Окна домов перекрещены полосами бумаги — чтобы не вылетели стекла при бомбежке. Витрины магазинов заложены мешками с песком. На крышах чутко устремлены ввысь счетверенные пулеметные установки. В небе лениво покачиваются серебристые громады аэростатов воздушного заграждения; на стенах белой масляной краской стрелы — к ближайшему бомбоубежищу. Сразу отметил, что ритм всей жизни — тревожно-четкий. Люди чувствуют себя как на переднем крае. Бдительны и настороженны. Всюду воинские патрули.

Обратил внимание, что милиция — одни девчата: понятное дело — мужчины в армии, на фронте.

Разместили партизан в лучшей тогда столичной гостинице «Москва». Ему вместе с Сабуровым отвели большой двухкомнатный «люкс» на третьем этаже. Гостиничная роскошь — они давно уже забыли, что существуют на свете бархатные гардины, — рассмешила.

В дверь постучали. Вошел военный с чемоданом. Ковпак удивился: неужто им постороннего подселяют? Военный рассмеялся: нет, он всего лишь принес товарищам командирам новую одежду, больше подходящую для столицы, чем их старая, изрядно потрепанная в лесах. Вежливо, но твердо попросил, чтобы партизанами себя не называли.

— Ладно, ладно! — добродушно отмахнулся Ковпак и тут же поспешил переодеваться: что-что, но обновы Дед любил.

...Недолгая прогулка у самых дверей гостиницы, конечно же, никоим образом не удовлетворила ни Ковпака, ни его товарищей, неодолимо тянуло поглядеть Москву. Но что толку! Ведь тут и шагу не сделаешь без документа, удостоверения, пропуска. А откуда все это у людей, сию минуту прилетевших из глубокого вражеского тыла? Короче: сиди и не рыпайся. Жди. К счастью, ждать пришлось недолго.

Всех приехавших пригласили в Центральный штаб партизанского движения. Они походили по кабинетам, познакомились с сотрудниками. Потом их принял Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, начальник штаба. Пономаренко тепло приветствовал партизанских командиров, попросил каждого как можно подробнее рассказать о своем отряде. Прямо сказал:

— Штаб создан совсем недавно, и мы тут еще не знаем во всех деталях положение на оккупированной территории. Некоторые донесения оттуда противоречивы, это сбивает с толку, мешает работать. Без вашей помощи мы потеряем много времени, можем наделать ошибок.

Разговор, деловой, откровенный, затянулся до двух часов ночи... И тут произошел некоторый конфуз. Вот как описал его впоследствии А. Н. Сабуров:

«Оказалось, что в суматохе нам забыли заказать ночные пропуска. Мы стояли у окна, курили, пока Пантелеймон Кондратьевич кому-то сердито за это выговаривал по телефону. Но вот он вернулся к нам.

— Придется вам, товарищи, поспать здесь на диванах. С пропусками ничего не получается. Извините, пожалуйста.

— Ничего, — говорит Сидор Артемьевич, — диван я люблю даже больше, чем кровать, — не скрипит.

Вдруг Пономаренко спрашивает:

— Кто тут курит вишневый лист?

Наступает пауза. И люди, не терявшиеся в лесных боях, смущенно молчат: комната заметно посерела от дыма.

— Да вы не стесняйтесь, — смеется Пономаренко, — я люблю самосад с вишневым листом. А тут по запаху чувствую, у кого-то это добро имеется..

Он тут же берет у Ковпака щепоть табаку, мастерит самокрутку и с наслаждением затягивается.

— Нам еще нужно подготовить материал товарищу Ворошилову. А вы отдыхайте...

Пономаренко уехал. Около часа мы разговаривали — спать никому не хотелось... После путешествия по Москве, горячих споров в отделах голод давал себя чувствовать. А в гостинице нас ждал, наверное, сытный ужин...

И тут Сидор Артемьевич предложил:

— Знаете, хлопцы, айда в гостиницу. Голодным все равно не заснешь.

Эта мысль всем пришлась по душе. Никому не хотелось ночевать на холодных дерматиновых диванах, когда в гостинице ждут мягкие, уютные постели, кажущиеся нам сказочными после партизанского лесного житья. Дружно двинулись к выходу. В последний момент кто-то спохватился:

— А как же без пропусков?

— А в немецком тылу ты с пропуском гуляешь? — спокойно спрашивает Ковпак. — Вот что, давайте-ка построимся. Ты, — обращается он к Дуке, — человек представительный... Командуй!

Наш небольшой отряд шагает по замерзшей Москве. Отбивает шаг, постовые отдают нам честь, а Дука лихо командует:

— Выше ногу! Четче шаг!..

У гостиницы «Москва» на весь Охотный ряд гремит его последняя команда:

— Разойдись!..»

...Наступило 31 августа. Прилетевших заранее предупредили: будьте готовы. Ожидание, однако, затянулось.

Допоздна Ковпаку и его товарищам пришлось томиться по своим комнатам. Лишь в полночь партизанам сообщили, что сейчас их в Кремле примет Верховный Главнокомандующий.

Войдя в просторный кабинет первым, Ковпак опередил своих смутившихся товарищей, нерешительно столпившихся у дверей. Увидев Сталина, Ковпак по-солдатски бросил руки по швам:

— Товарищ Верховный Главнокомандующий...

Подавая руку, Сталин прерывает:

— Знаем, знаем... Вольно, товарищи!

В первые минуты встречи со Сталиным партизаны чувствовали себя довольно скованно. Видимо, он к этому давно привык и потому сразу же завязал разговор со всеми одновременно, давая им возможность успокоиться, прийти в себя.

Первая неловкость прошла. Почувствовал это и Ковпак — по тому, как Сталин все реже переспрашивал говоривших, удовлетворяясь толковыми, обстоятельными и сжатыми ответами.

Присутствовавший в комнате К. Е. Ворошилов пригласил всех сесть за длинный стол, стоявший вдоль левой, напротив зашторенных окон, стены. И тут Ковпак увидел то, что и обрадовало, и встревожило его. На столе была развернута карта походов его соединения! Именно та самая, составленная еще в Старой Гуте. Над ней потрудились Василий Войцехович — помощник Базымы — и писарь штаба Семен Тутученко. Потом ее затребовала Москва — Центральный штаб партизанского движения. Туда и отправили самолетом. Теперь она здесь — на столе у Сталина. Конечно, это неспроста.

...А беседа идет своим чередом. Она становится все свободнее. Партизаны окончательно, видно, освоились в обществе Сталина. Слушают, отвечают, поясняют. Что ни слово — то подробность: Сталин вникает, уточняет, переспрашивает. Говорит медленно, даже замедленно, с грузинским акцентом, не резким, но заметным. Курит много...

Сидор Артемьевич улавливает: Верховного прежде всего интересуют взаимоотношения партизан с народом, связи, контакты, единство действий тех и других, согласованность. Он всякий раз дает понять собеседнику, что это самое главное в партизанской войне. Ковпак про себя одобряет: «Правильно!»

Несколько неожиданным, но только в первую минуту, показался вопрос:

— А правда ли, что на Украине идет массовое формирование казачьих полков? Геббельс об этом уже изрядно нашумел...

— Брешет Геббельс, — невозмутимо отвечает Ковпак. — Пытались такие полки сформировать немцы, только люди в них не идут. Какие там казаки! Всякий сброд — националисты есть, куркульские сынки, отдельные пленные.

Сабуров поддержал Сидора Артемьевича.

— Подтверждаю, что никаких фактов массового формирования гитлеровцами казачьих полков нет. В прошлом месяце, правда, столкнулись мы с таким одним-единственным полком. Боя с партизанами он не выдержал. Около сорока казаков сразу же перебежали к нам. И тут оказалось, что они принадлежат чуть ли не к двум десяткам национальностей. Всем им велено было под угрозой расстрела называть себя украинцами.

Ковпак словно итог подвел. Сказал как-то особенно весомо:

— Я хочу подчеркнуть, что никакой террор, никакие казни не останавливают население в оказании помощи Красной Армии.

Сталин многозначительно переглянулся с Ворошиловым. Ковпаку стало ясно, что вопрос о «казаках» имеет некую подоплеку. Так оно и было на самом деле.

К И. В. Сталину, как к Верховному Главнокомандующему, стекалось множество важной военной и политической информации. В том числе кое-кто сообщил ему, что, мол, партизанское движение на Украине бесперспективно, так как не пользуется широкой поддержкой населения. В качестве «аргументов» фигурировали сообщения о якобы массовом формировании пресловутых «казачьих полков».

В Ставке Верховного Главнокомандующего, Центральном и Украинском штабах партизанского движения данное мнение не разделялось, но и отбрасывать его с порога как бездоказательное было нельзя. Речь шла о слишком серьезных вещах.

Ни Ковпак, ни Сабуров всего этого тогда не знали, но то, что Сталин и Ворошилов придали их уверенным ответам какое-то дополнительное значение, важное для них, оба поняли хорошо. Да иного и быть не могло. Сила и не-

победимость партизанского движения — во всенародной его поддержке. Без такой опоры оно не может рассчитывать на успех. И советское командование, чтобы твердо опираться на партизанскую армию во вражеском тылу, должно было не только в нее верить, но и знать досконально ее сильные и слабые стороны, ее нужды и возможности, боевые качества рядовых народных мстителей и военачальнические таланты командиров. И, видимо, не случайно через несколько дней после совещания в Кремле был назначен партизанский Главком, Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов и подписан известный приказ наркома обороны № 00189 от 5 сентября 1942 года «О задачах партизанского движения». В приказе, составленном при прямом участии командиров, собравшихся в Москве, в частности, говорилось: «Верховное Главнокомандование Красной Армии требует от всех руководящих органов, командиров, политработников и бойцов партизанского движения развернуть борьбу против врага в его тылу еще шире и глубже, бить фашистских захватчиков непрерывно и беспощадно, не давая им передышки. Это лучшая и ценнейшая помощь Красной Армии. Совместными действиями Красной Армии и партизанского движения враг будет уничтожен».

Но это произойдет через несколько дней, а пока Сталин покончил с одним важным вопросом.

Верховный Главнокомандующий завел разговор о партизанской тактике. Вопросы следовали непрерывно. Командиры отвечали, конечно, по-разному — ведь и люди это были очень разные по всему, — но зато каждый, несомненно, был чем-то оригинален, своеобычен. Ковпак видел, что Сталин это понимает и потому, видимо, слушает, не перебивая ни единым словом.

Взять хотя бы такой вопрос: что предпочтительнее создавать — партизанские края или подвижные рейдовые отряды? Тут мнения разделились, каждая из этих форм борьбы имела своих убежденных сторонников.

По мнению Ковпака, тут нужно было не спорить, а спокойно разобраться, что к чему. Конечно, партизанам нужна своя территория. И для того чтобы защитить хоть часть населения от оккупантов и чтобы было где привести отряды в порядок после боев, подлечить раненых, наконец, в случае надобности заручиться поддержкой соседей. Но нужно развивать и другие формы борьбы. Отряды не близнецы, они могут сильно отличаться друг от друга

в зависимости от стоящих перед ними задач и конкретных условий, в которых им приходится действовать. Одно дело отряд диверсионный, другое — предназначенный сугубо для глубокой разведки.

Сумское объединение, которым он, Ковпак, командовал, сложилось именно как рейдовое. И Сидор Артемьевич рассказал Верховному о двойном рейде к Путивлю — из Хинельских лесов и Старой Гуты. Наконец, о том, как пришел на собственном, нелегком опыте к убеждению, что воевать можно и нужно именно так — маневром.

Сталин осведомился у Ковпака, каков его источник пополнения боеприпасов. Тот ответил громко:

— Источник единственный — трофей...

Но единственный означает и то, что не всегда верный. Командиры оживились — этот вопрос волновал всех, так как партизаны чаще страдали от недостатка не столько оружия, сколько боеприпасов, особенно отечественного производства. Ответ Верховного был для некоторых неожиданным.

— Проблема боеприпасов у нас решена. Патронов и снарядов нужных вам калибров у нас уже изготовлено столько, что хватит до победы. Дадим вам сколько нужно.

Тут же решилось, как снабжать партизан — по воздуху. По распоряжению Верховного для этого к ним прикрепили полк Героя Советского Союза Валентины Гризодубовой.

И тут вдруг Верховный после некоторой паузы спросил: могут ли соединения Ковпака и Сабурова выйти рейдом с Левобережья на Правобережье — туда, где еще ни разу не бывали?

Сразу в кабинете наступила тишина... Взоры командиров устремились на Ковпака. Что-то ответит он на этот неожиданный почти для всех вопрос. «Почти» — все же не для всех. Дело в том, что еще летом перед рейдом на Путивль Сабуров сообщил Деду, что получил телеграмму из ЦК партии Украины с поручением разведать возможность перехода на правый берег Днепра. Они с Александром Николаевичем долго тогда просидели у костра на берегу Десны вдвоем, увлеченно обсуждая: а если действительно прорваться туда, за Днепр?

Однако одно дело помечтать с Сабуровым, совсем другое — говорить в этом кабинете.

Ковпак ответил далеко не вдруг, не сразу. Верный своему нерушимому правилу — семь раз отмерь, один

раз отрежь! — Ковпак размышлял. Сталин, понимая его состояние, терпеливо ждал. А Сидор Артемьевич в эти минуты был там, у себя в штабе, среди своих, рядом с Рудневым, Базымой. И спрашивал у них то, что сейчас у него — Сталин. И они отвечали, как отвечал бы и он сам. Такой поход — это же совершенно новое. Новое потому, что до сих пор сумчане рейдировали у себя дома, так сказать, из района в район собственной области. Здесь все знакомо.

Другое дело — выйти за пределы своей области, двинуться по территории совершенно неведомой. И не одной, а нескольких областей. Мало того. Реки большие одолеть — Десну, Днепр. Масштабы не прежние — небывало большие. Все правильно. Но ведь и то правильно, что сумчане от самого начала не просто уходили из одного района в другой, потому что немец гнал и нельзя было иначе. Нет, эти переходы были формой боя, а не отрыва от врага. Тогда в чем же дело? Точно такой же формой боя станет и рейд по областям республики. И там, и здесь — наши люди. Воевали на Сумщине — повоюем и на Правобережье. Значит, можно Сталину ответить утвердительно. И Ковпак ответил. То же самое заявил и Александр Сабуров...

Совещание подходило к концу. Уже высказались все командиры. Очередь была за Верховным.

Сталин подчеркнул с первой же фразы то, что давно практически усвоил Сидор Артемьевич: еще с осени сорок первого: рейдирование, диверсии — вот главное в партизанской тактике. Почему? Потому что это внезапные удары: ошеломляющие, точно рассчитанные, хоть, как правило, и меньшими силами, чем у врага, но зато возмещающие это неравенство сокрушающей, молниеносной, в самое уязвимое место противника бьющей внезапностью. Сталин подчеркнул, что особо важная задача партизан — разрушать коммуникации врага на всем их протяжении. Его войска на пути к фронту должны встречать тысячи препятствий. Поэтому нужно перераспределить партизанские силы. Вывести наиболее сильные соединения в новые районы, где населению еще не удалось сплотиться в вооруженные отряды и создать по-настоящему действующее подполье. Без помощи крупных, уже завоевавших боевую славу отрядов этого не сделать... Сталин упомянул о рейдировании ковпаковского соединения. Оговорился: опыт этой тактики еще очень скромен. Да и са-

ми рейды весьма коротки. И хотя Сталин этого и не сказал тогда — все равно даже из его скупых слов присутствующие поняли: Ковпак одним из первых обратился к новой тактике, применил ее, внес от себя лично что-то новое, оригинальное и вообще старается воевать преимущественно путем широкого свободного маневра.

Конечно, только здесь, в Москве, командиры и в первую очередь сам Ковпак по-настоящему смогли взглянуть и на всю войну в целом, и на партизанское движение в этой связи, в частности. Сидор Артемьевич явственно ощущал, что вот сейчас, сию минуту, здесь, в этом огромном кабинете, они присутствуют в знаменательный, исторический момент: партия сообщает им — командирам отрядов и соединений, подпольщикам — основные принципы организации и тактики партизан. Поэтому и поручает Ковпаку и Сабурову перейти к новому, более сложному и, следовательно, более ответственному делу: совершить прыжок из Брянских лесов на Правобережную Украину, в район северной Житомирщины. Другими словами, Верховный предложил рейд глубокий, стремительный, неудержимый. Впервые такой — и по масштабам, и задачам, и конечной цели.

Сталин подзывает Сабурова к разложенной на столе карте. Предлагает показать, как он, Сабуров, представляет себе маршрут будущего рейда с добрую тысячу верст по вражеским тылам. Сабуров говорит подробно, стараясь ничего не упустить. Заканчивает так:

— С товарищем Ковпаком мы советовались, он согласен на такой переход.

— Хорошо, — кивнул головой Сталин. — Обсудим этот вопрос специально завтра...

Последующие слова Верховного насчет возможности полностью удовлетворить потребности рейдирующих означали для Ковпака, разумеется, очень, очень многое. Во-первых, что Родина знает цену своим партизанам и потому ничего для них не жалеет. Во-вторых, удовлетворить заявку Ковпака и Сабурова в августе сорок второго — это подтвердить еще раз огромную важность порученного соединению дела.

Прощаясь с командирами, Верховный сказал негромко, но так, что его слова крепко врезались в память каждого:

— Учтите, товарищи, без активной помощи партизан нам придется воевать еще четыре года...

Так закончилась первая встреча в Кремле.

Вскоре после кремлевского совещания уже в отряде Ковпак, как и все, кому это было положено, читал строки приказа Народного комиссара обороны СССР № 00189 «О задачах партизанского движения». Читал и видел: многое в нем от того, что говорилось в ту встречу. Были здесь и мысли самого Ковпака, изложенные уже языком политики и военного искусства. Именно этим языком приказ обобщил теорию и практику партизанской войны; дал оценку ее в прошлом; выдвинул новые задачи народной войны во вражеском тылу.

И снова Ковпак остался верен себе. Прочтя документ «от корки до корки», он сдвинул на высокий, крутой лоб свои старенькие, видавшие виды очки, устало прикрыл глаза, посидел с минуту неподвижно, раздумывая над прочитанным. Затем извлек кисет с махоркой и принялся сооружать громадную самокрутку. Покончив с этим занятием, Дед смачно затянулся, втягивая исхудавшие щеки, дохнул клубом душистого дыма и прокомментировал:

— Вот это дело!

...На следующий день после приема командиров у Верховного Ковпака и Сабурова снова вызвали в Кремль. На этот раз оба знали для чего и изрядно подготовились к предстоящему разговору: несколько часов провели в своем «люксе» № 333 на третьем этаже «Москвы» над картами разных масштабов.

Сталин принял их в 10 часов вечера 1 сентября 1942 года.

На этот раз Сидор Артемьевич и Александр Николаевич явились к Верховному при Золотых Звездах Героев Советского Союза, врученных накануне Михаилом Ивановичем Калининым здесь же, в Кремле.

Помимо Ковпака и Сабурова, к Верховному вторично вызван и Емлютин. И он тоже накануне прикрепил к своей гимнастерке Звезду Героя. Кроме него, в тот день это высокое звание было присвоено Дуке и Ромашину. Покровскому и Кошелеву были вручены ордена Ленина; Гудзенко, Сенченко и Козлову — ордена Красного Знамени.

...Вновь перед ними уже знакомый длинный стол в кабинете. На столе — возле кресла Сталина — карта.

...Говорили деловито, куда более официально, чем в прошлый раз. Видимо, до их прихода вопрос уже обсудили. В кабинете присутствовали К. П. Пономаренко и К. Е. Ворошилов. Совещание целиком посвящено тому,

что и как будут делать соединения Ковпака и Сабурова в рейдах на Правобережной Украине.

Верховный сразу же предлагает Сабурову подробно доложить и показать на карте намечаемый маршрут перехода с северной Сумщины на Правобережье, на Житомирщину. Справившись с первым волнением, Сабуров уверенно докладывает. Указывает точку предполагаемой переправы через Днепр — город Лоев.

— Почему не ниже Киева? — спрашивает Ворошилов.

Александр Николаевич объясняет:

— Пройти с полным обозом по открытой местности будет трудно. А по намеченному нами пути действуют партизанские отряды, с которыми мы установим связь. Что касается противника — здесь находится словацкая дивизия, в ней, по нашим сведениям, имеется крупное антифашистское подполье. Есть основания полагать, что если словаков и бросят в бой против партизан, они будут большей частью стрелять в воздух...

Но Ворошилов не вполне удовлетворен ответом. Он спрашивает: зачем Ковпак и Сабуров выбрали маршрут, по которому придется форсировать три реки: Десну, Днепр, а затем и Припять? Не лучше ли пройти по Димерскому мосту?

Нет! Сюда соваться никак нельзя, здесь партизанам несдобровать — Киев рядом! Колонны не успеют даже подойти к мосту, как немцы подбросят сюда на машинах не то что полки — дивизии...

Что же касается Лоева, то его Ковпак и Сабуров выбрали, чтобы обмануть противника. Немцы и не подумают, что партизаны станут переправляться через Днепр именно здесь. Они наверняка решат, что партизаны вообще не собираются идти за реку, а направляются на Гомель. Для обороны этого города они стянут все свои силы, а партизаны тем временем резко свернут в сторону и — беспрепятственно! — к Лоеву. С переходом же их за Днепр немцы запутаются окончательно: им и в голову не придет, что партизаны форсировали Днепр для того, чтобы потом через 50 километров форсировать еще и Припять...

В этом и суть их, командиров обоих соединений, плана. Что же касается Лоева — местному гарнизону партизанского удара не выдержать.

Верховного объяснение устраивает. Подводит итог: Ковпак и Сабуров хорошо продумали маршрут, опреде-

лив ось маршрута с правом отклонения от нее в ту или другую сторону на тридцать километров.

Ворошилов говорит, что во время рейда в бои ввязываться не надо. Сабуров возражает: из опыта Ковпака можно сделать вывод — один-два гарнизона разгромить полезно, чтобы заставить врага обороняться, а не нападать.

Ковпак встает со стула и деловито заявляет, что Александр Николаевич прав. И поясняет: если бьешь немца первым, то, как правило, он далеко не сразу осмеливается нападать. Все дело в том, что гитлеровцы — от солдата до любого командира — озабочены больше всего на свете одним: спасением собственной шкуры. Потому и получается, подчеркивает Сидор Артемьевич, что немцы, боясь партизанского удара, стягивают на оборону занятых ими городов мелкие гарнизоны почти из всех населенных пунктов, лежащих на пути рейда. Отсюда и расширение оперативного простора для партизан.

Верховный советует учесть, что он еще по опыту гражданской войны знает, как в рейде связывают партизан раненые и обоз. Не поможет ли здесь авиация?

Сидор Артемьевич не соглашается с Верховным.

— На это нам нельзя рассчитывать, — возражает он. — Самолета ждешь — значит, пару дней на месте топчешься, риск. И к тому же зряшный, поскольку не бывает у нас помногу раненых.

У Сталина готов очередной вопрос:

— Как долго вы готовитесь к рейду?

Ковпак не торопится отвечать. Размышляет. Затем осторожно так:

— Боеприпасов бы добавить, да и автоматического оружия не мешало бы подкинуть... — Пауза. И в заключение: — А сборы у нас недолгие...

По предложению Пономаренко Ковпак и Сабуров тут же подают Верховному свои заявки. Сталин быстро просматривает их. Замечает:

— Почему так мало просите? Составьте заявки полнее, с запасом. Я думаю, что и артиллерию можно перебросить... В общем, давайте развернутую заявку.

Переписывая бумагу, Ковпак подумал, что хорошо бы обеспечить бойцов сапогами, но решил, что это будет уж чересчур, и попросил ботинки. Сталин, взглянув на заявку, слово «ботинки» зачеркнул. Ковпак было сожалеюще крякнул, но Верховный тут же вписал другое слово: «са-

логи». Ковпак еще раз крякнул, но на сей раз с удовольствием.

Ворошилов спросил о питании партизан. Предложил помочь.

Ковпак отказался.

— Питания никакого не надо. — И пояснил, что по пути будет уйма фашистских заготовительных пунктов. Они не минуют партизанских рук. Хватит и самим, и населению помочь можно будет.

Три часа длилось совещание. Все прощались очень сердечно...

Не сиделось в Москве Сидору Артемьевичу. Тут и толковать нечего. Он-то знал, где сейчас его место! И рвался туда неудержимо. Спутники Ковпака это видели, понимали, испытывали сами то же нетерпение. Но ждали команды, будучи людьми строго организованными, как и должно.

Накануне назначенного вылета из Москвы задождило. Засевшие в гостинице «Москва» партизаны нервничали. Вот и Сабуров ночью то и дело выглядывал на балкон: не распогодилось ли?

Возвращаясь, без особого энтузиазма говорил:

— Если бог против Гитлера, то завтра улетим.

Сидор Артемьевич, уйдя в свои мысли, был в эти минуты за тысячи верст от Москвы — там, в Старой Гуте. Он и слышал, и не слышал Сабурова. И все же отшучивался:

— С богом договоримся, Сашко.

И впрямь, по выражению Сабурова, «бог действительно оказался антифашистом»: партизаны вылетели в назначенный срок. Но вместо лесного аэродрома в дебрях Брянских лесов очутились... в Тамбове. Оказалось, что истребители сопровождения потеряли тихоходный транспортный самолет, пилот которого к тому же заблудился и сел в Тамбове.

Нежданных, но желанных гостей тепло встретил секретарь обкома. Рассказал о тех испытаниях, которые выпали на трудящихся советского тыла. Он подчеркнул, что всюду — и в заводских цехах, и на колхозных полях — успех дела решают женщины и подростки, заменившие ушедших на фронт мужчин. Люди трудятся самоотверженно, готовы сутками не уходить с рабочих мест, лишь

бы дать Красной Армии больше оружия, боеприпасов, обмундирования, продовольствия.

Тепло простившись с тамбовцами, партизаны на машинах выехали к Ельцу — на тот самый аэродром Брянского фронта, куда они совсем недавно прилетели из вражеского тыла.

Только успели они выйти из машин, как совсем рядом, бодро тарахтя двигателем, сел крохотный фанерный самолетик, сугубо миролюбивого вида, которому, однако, как показала жизнь, на войне цены не было, — У-2. Едва остановился винт, из кабины самолетика ловко, как хороший всадник с седла, выпрыгнул высокий, моложавый, очень красивый генерал. Ковпак, сам старый служака, невольно залюбовался его стремительным, упругим шагом, подтянутой фигурой, ладно, с каким-то особым шиком сидящей формой. Генерал, приветливо улыбаясь, подошел к партизанам, лихо бросил ладонь к козырьку чуть сдвинутой набекрень фуражки и представился:

— Рокоссовский...

Первая беседа с уже тогда прославленным полководцем, командующим войсками Брянского фронта, длилась шесть часов. Хозяин был гостеприимен, не забывал и налить в рюмки, и потчевать, в разговоре был и весел, и любознателен. Шутил, сам смеялся над теми историями, которых у каждого партизана всегда вдоволь. Но не забывал главного: вроде бы между прочим выспросил все, что хотелось и нужно было ему, генералу действующей армии, знать о народной армии, воюющей в тылу противостоящих его войскам дивизий врага.

Ковпак эту невинную тактику генерала, конечно, понял и про себя только ухмылялся: уж больно нравился ему этот жизнерадостный, а в то же время, по всему чувствовалось, очень дельный и талантливый человек.

Между тем Константин Константинович, покончив с расспросами, и сам так же непринужденно и серьезно в одно и то же время прочел своим менее искушенным в военном деле коллегам нечто вроде сжатой, но емкой лекции о положении на фронтах.

А положение сложилось к тому времени для Красной Армии еще более угрожающее, чем осенью 1941 года. Советские войска понесли в летних сражениях большие потери. В результате боев в Крыму и под Харьковом обстоятельства изменились в пользу врага. Гитлеровцы захватили Донбасс и Харьковскую область, тем самым

полностью оккупировав территорию Украины, вышли в район Сталинграда, Новороссийска, Северного Кавказа.

Героическое сопротивление бойцов и командиров Красной Армии сорвало основной план гитлеровского командования — окружить и уничтожить основные силы Юго-Западного и Южного фронтов, но обстановка продолжает оставаться более чем серьезной. Союзники по антигитлеровской коалиции не открыли в 1942 году второго фронта — это-то и позволило фашистам перебросить без всякого риска на восток все свои резервы и сконцентрировать против Красной Армии свыше 6 миллионов штыков, огромное количество самолетов, танков, орудий, минометов.

Реальную боевую поддержку Красная Армия получает только от действий во вражеском тылу сотен тысяч советских партизан.

Ковпак слушал, не пропуская ни слова, и взял для себя на заметку: о каком бы участке огромного фронта ни говорил Рокоссовский, он неуклонно подчеркивал: коренного перелома в ходе войны предстоит добиться именно на берегах Волги. Не мог тогда, конечно, ни Ковпак, ни хозяин предвидеть, что имя самого Рокоссовского вскоре и навсегда войдет в историю как одного из главных героев гигантской Сталинградской битвы.

...Несколько дней провели партизаны в штабе Брянского фронта, то и дело спрашивали генерала, когда отправят их на Малую землю.

Рокоссовский неизменно отвечал одно и то же:

— Потерпите, товарищи. Наши разведчики уточняют проходы. Мы отвечаем за то, чтобы вы пересекли линию фронта без помех.

Генерал слов на ветер не бросал: когда командиры наконец улетели, их самолет ни разу не попал даже под луч прожектора, не то что обстрел.

И 12 сентября, в первую годовщину создания Путивльского отряда, Ковпак уже стоял на лесном аэродроме в окружении своих партизан...

...Руднев не отпускал его от себя ни на шаг с того мгновения, когда Ковпак очутился в крепких объятиях комиссара. Он умел расспрашивать, этот сердцевед и умница. Так что все, что было в Москве, — вплоть до мельчайших деталей, запоминать которые ковпаковская удивительно цепкая память умела поразительно, — Руднев уже знал не хуже самого Деда.

...А затем... Затем они оба вновь были неразлучны, как и до того. И оба наблюдали, как хлопцы восприняли возвращение Ковпака из Москвы.

Дед молчал, и комиссар молчал, но оба знали: каждый боец понимает, что не зря командира вызывали в Москву, догадывались, что соединению доверено какое-то новое важное задание.

Видели Ковпак с Рудневым: безотказно действует неписаное правило, заведенное в соединении: никто, никогда, никого не спрашивает, куда, зачем, когда и как идут. Таких вопросов ковпаковец не задает. Не положено вести этих разговоров. На то есть командиры и комиссары, чтобы точно знать ответы на эти вопросы и вести людей туда, куда полагается по приказу. Вот и все. Дело бойцов — этот приказ вовремя и точно выполнить. Это по-ковпаковски!

Дед с комиссаром каждодневно наблюдали действие этого правила, ими же превращенного в закон. Он привел в движение все соединение. Оно забурлило, стало готовиться в дорогу, чувствуя на себе пристальные, требовательные, ставшие после Москвы особо внимательными и сосредоточенными глаза Сидора Артемьевича и Руднева. Оба дневали и ночевали в отрядах. Спали урывками. Работы подвалило обоим — не продохнуть. Партизанский аэродром не ведал еще такого клокочущего водоворота, как в эти сентябрьские дни сорок второго. Ночь стала днем: ежевощно Москва посылала «дугласы», до отказа груженные всевозможнейшим добром. Они садились на сигнальные огни партизанских маяков и, точно из рога изобилия, высыпали: оружие — пушки и пулеметы, автоматы и винтовки; боеприпасы — мины и гранаты, патроны и снаряды; медикаменты, продовольствие и обмундирование, газеты и листовки. И соль. Вот именно — простую соль. Ибо в лесах она становилась едва ли не самой большой ценностью.

Одним словом, Москва ничего не забыла. Более того, давала больше, чем просили.

Начальник штаба Григорий Базыма (единственный, кроме Ковпака и Руднева, человек в отряде, посвященный в тайну будущего рейда) вспоминал позднее:

«Ковпак лично принимал грузы и вел им учет. В любое время суток Сидор Артемьевич был готов встречать обоз с лесного аэродрома. Ему все казалось, что там, на Большой земле, что-то недогрузили или здесь, на аэродро-

ме, наши приемщики просмотрели и у них из-под носа утащили ящик-другой соседние отряды (нужда в боеприпасах была большая).

Сверяя полученные грузы с заявкой, оставленной им в Москве, Ковпак говорил, имея в виду снабженцев и отправителей: «Меня не обманете! Попробуйте не выполнить приказа Ворошилова!»

Но жаловаться на снабженцев Штаба партизанского движения Ковпаку не пришлось: его требования по всем видам боевого снабжения перевыполнялись. Мы получили много новинок из области минного дела, бронебойного оружия...

— Эти штучки я не заказывал, — довольный смеялся Сидор Артемьевич, рассматривая каждую новую вещь».

Имущество тут же распределялось по справедливости между отрядами и подразделениями. Но тут не все проходило гладко. Командиры, чуя, что рейд предстоит необычный, старались набрать и сверх положенного им штабом. Особенной запасливостью отличались командиры шалыгинцев Саганюк (уже не потому ли, что был до войны председателем райпотребсоюза?) и Матющенко.

Выглядело это примерно так. Приходят шалыгинцы, уверяют, что им полагается еще десять тысяч патронов.

Ковпак в настроении самом благодушном, хитрость шалыгинцев видит насквозь. Но те упорствуют. Дед начинает распаляться:

— Мовчи, Матющенко, не доводи до зла... Ох, не люблю брехни! Это что? Кто получил десять тысяч? Не знаешь?

Ковпак воинственно тычет под нос Саганюку и Матющенко ведомость с их собственноручными расписками в получении патронов. Шалыгинцы вытягиваются и молчат, только не сводят с Ковпака жалостных глаз...

Ковпак расхаживает по комнате, размышляет о чемто, понемногу успокаивается.

— Ладно, — говорит он уже вполне миролюбиво, — получайте десять тысяч, и чтоб я вас больше, брехунов, не видел...

Саганюк и Матющенко не ждут повторного распоряжения — спешат к снабженцам, пока Дед не передумал.

Одно горестное событие омрачило радостное ожида-

ние больших дел, настроение Деда в эти дни: погиб лучший знаток минного дела в соединении, ковпаковец с первого дня существования отряда, одним из первых награжденный орденом Ленина, Георгий Андреевич Юхновец. Погиб, когда минировал дорогу Середина-Буда — Старая Гута. Если бы Юхновец не был минером, его смерть можно было бы назвать нелепой случайностью. Но минеры только так и гибнут, поэтому для них даже пустынная дорога, когда поблизости нет ни одного вражеского солдата, есть поле боя...

Услышав, что с Юхновцом случилось непоправимое, Ковпак ничего не сказал, отвернулся и долго стоял так молча, по-стариковски сгорбив плечи... Никто не должен был видеть слезы на глазах командира...

Наконец из Москвы прибыл самолетом нарочный с пакетом. В пакете — приказ Главнокомандующего партизанского движения Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова от 15 сентября 1942 года «О выходе в новый район объединенных отрядов Коваля».

«Коваль» — такой псевдоним был теперь в целях конспирации установлен для Ковпака, так же как «Сабанин» — для Сабурова.

Приказ предписывал обоим соединениям в тесном взаимодействии друг с другом совершить рейд по территориям Киевской и Житомирской областей, по дорогам которых враг перебрасывает из далекого тыла свои резервы, боевую технику, боеприпасы и горючее на фронт и вывозит в Германию награбленное имущество и продовольствие.

Важность этого района, отмечалось в приказе, определяется еще и тем, что в Киеве фашистские оккупационные власти сосредоточили администрацию, карательные и другие учреждения, которые осуществляют политику угнетения советского народа на Украине.

Кроме того, противник, используя западный господствующий берег Днепра, возводит там усиленные укрепления, в связи с этим Правобережье в ходе войны будет представлять собой плацдарм ожесточенных боев. Именно здесь широко поставленная партизанская борьба позволит нанести врагу серьезный удар с тыла и тем самым окажет огромную помощь Красной Армии.

Приказ предписывал обратить особое внимание на организацию агентурной разведки в населенных пунктах, прилегающих к Киеву, и в самом Киеве; заложить

подпольные вооруженные группы партизан в районах мостов через Днепр возле Киева. Задачей этих групп будет подготовка к разрушению мостов или захват их, в зависимости от обстановки.

Отряд должен был, кроме того, широко развернуть в Киеве и прилегающих районах диверсионную работу, разрушать и сжигать электростанции, систему водоснабжения, склады продовольствия и боеприпасов, аэродромы, военные мастерские, депо и другие сооружения военно-экономического характера.

Маршрут и прочие технические детали рейда в приказе указывались те же, что были обговорены при встрече с Верховным и Ворошиловым в Кремле. Аналогичный приказ, естественно, получил и Сабуров.

Только теперь Ковпак собрал командиров, сообщил им (и то не до конца!), **какой именно** рейд предстоит совершить соединению. Слова «какой именно» авторы выделили не случайно: о том, что очередной рейд предстоит в скором времени, догадывался каждый рядовой партизан.

Выяснилось: отдельные командиры просто не поняли, что к чему. Им явно казалось, что задуманный прыжок на Правобережье — бессмысленная авантюра, обреченная на провал. О том, что новый рейд не поездка к теще на блины, Ковпак сам знал, но некоторым страхополохам в нем виделась только одна сторона, а именно — бессмысленный смертельный риск.

Как следовало Ковпаку поступать с такими людьми? Убеждать? Можно было, конечно, и так сделать, а он все же не стал. Почему? Потому что, верный себе, и на этот раз решил: пусть не он, а сама жизнь переубедит сомневающихся. Она кого угодно поставит на путь истинный. Надо ли говорить о том, что сам Дед был глубочайше убежден в безусловном успехе рейда. Ведь эта убежденность шла у Сидора Артемьевича от вывода, уже проверенного опытом, что в партизанской войне насмерть бьет своего противника тот, кто бьет первым, внезапно, дерзко; кто поворотливее, ловчее своего врага; у кого сто дорог — и все родные, досконально разведанные, изученные, тогда как у противника—лишь одна-единственная, и та— чужая, враждебная, неведомая, где врага подстерегает каждый кустик... Тем же, кто возражал, утверждая, что немец ведь сильнее партизан, Дед резонно втолковывал, дымя самокруткой:

— Да ты сам раскинь мозгами, добрый человек: на тот сверху, кто сильнее, а кто хитрее, ловчее. Сие и понятно: воюют не одним кулаком, но и головою. А что это значит? А это значит: надо знать фашистскую натуру, понял? Наш резерв — быстрота. Вихрем пролетим!..

Один из скептиков усомнился в том, возможно ли в ходе рейда снабжать партизан всем необходимым по мере израсходования ранее имевшихся средств борьбы. Он заявил об этом Деду прямо и резко. Тот моментально реагировал:

— Ты прав, на целое соединение не напасешься. А нам это ни к чему. Понял? Ни к чему, потому что наш снабженец главный — это сам наш враг, то есть немец! Ясно? У него, брат, все для нас припасено!.. Бери, пожалуйста, но с бою. Вот и все. Просто, правда?

Ковпак лукаво улыбался.

Понимание дела огромной важности вселяло в него удивительную ясность и уверенность, передававшуюся людям всякий раз, когда они сталкивались с командиром соединения.

Дед каждодневно видел, убеждался: второй — партизанский — фронт живет потому, что живет народ, его создавший.

Кстати, позже Ковпак узнает о том, что уже к лету сорок второго гитлеровское командование признало: «Партизаны стали сущим бедствием! От них нет спасения! Рост партизанского движения принял масштабы угрожающие!»

Сидор Артемьевич, конечно, знал очень много уже и тогда — по возвращении из Москвы в особенности — о грандиозности размаха народной войны во вражеском тылу. Вместе с тем документальные признания этого самими фашистами к нему еще не попадали в таком объеме, чтобы получить полное представление. И все же Деду было ясно: дело идет к тому, что районы оккупации вскоре станут районами ада для самих оккупантов.

...Вот и сейчас он размышляет об этом же, решая уйму больших и малых дел перед рейдом. Задача у него и у Сабурова одна и та же: Правобережье должно запылать под ногами у немца! Главное — пути сообщения гитлеровцев парализовать. Любыми средствами. Намертво закупорить пути подвоза к фронту и вывоза — к рейху. Превратить железные дороги в кромешный ад. Старик понимал: эти рейды входят составной частью в стратеги-

ческие замыслы нашего командования, чтобы остановить [illegible] Гитлера, рвущиеся к Сталинграду и Кавказу.

— Далеко наши засматривают, — говорил Ковпак по этому поводу. И добавлял: — На то и стратегия, брат!..

Именно в момент, когда уже должны были начаться рейды обоих соединений, — вернее, к этому времени — сами партизаны качественно изменились. И Ковпак это видел и объяснял самому себе: главное изменение было именно в том прежде всего, что в ранг государственной политики партия возвела руководство огромным партизанским движением. Оно имело и своего главнокомандующего в лице К. Е. Ворошилова, Маршала Советского Союза, члена Политбюро ЦК ВКП(б), и Центральный, и республиканские штабы.

Ковпак спешил: слишком уж огромна была важность дела, ему доверенного. Не зря сюда, в тыл врага, прибыл И. К. Сыромолотный, уполномоченный ЦК КП(б)У. Сидор Артемьевич, конечно, был точно информирован о цели приезда Ивана Константиновича: ему поручили координировать действия обоих соединений — Ковпака и Сабурова. Не зря 2 октября был образован и уже начал действовать нелегальный Центральный Комитет Компартии Украины из 17 человек во главе с секретарем ЦК Д. С. Коротченко. В состав нелегального ЦК вошли В. А. Бегма, А. И. Гаевой, М. С. Гречуха, А. Н. Зленко, С. А. Ковпак, А. Р. Корниец, П. Ф. Куманек, С. В. Руднев, А. Н. Сабуров, В. Т. Сергиенко, М. С. Спивак, В. Ф. Старченко, Т. А. Строкач, И. К. Сыромолотный, А. Ф. Федоров, Я. А. Хоменко.

Партийное руководство партизанским движением, централизованное командование — то и другое, конечно, и для Ковпака было жизненной необходимостью. Недаром он и сам позже писал, к примеру, что неоценимо важным «... было сознание того, что мы воюем не сами по себе — так, как вздумается командиру да комиссару, а действуем по указаниям, по общему плану высшего командования. Что же может быть тверже, надежнее!» [illegible]

Так это понимая и в соответствии с этим действуя лично, он считал своим долгом неустанно повторять людям, глядя им, как всегда, прямо в глаза:

— Кто у нас голова всему, а? Народ — вот кто! Родина, партия — вот кто. А они кого когда подвели, а? Да

никогда и никого!.. — И, подняв не гнущийся после давнего ранения указательный палец, немилосердно обкуренный, задымленный до черноты, с ногтем каменной твердости, веско заканчивал: — Вот то-то и оно!..

ОРЛИНЫМ ЛЁТОМ

Партизанское движение на Правобережье Днепра зародилось с первых же дней оккупации. Это факт, и притом отрадный. Менее утешителен был другой факт: к сожалению, местные отряды и подпольные группы длительное время оставались немногочисленными, слабыми. Знала об этом Москва, знал и Ковпак. Понимал Дед, что в ЦК ВКП(б) и Ставке успели в полной мере оценить, чего стоят крупнейшие партизанские соединения Украины, их рейдовая тактика, учли и боевую, и политическую ее весомость. Рейды «Коваля» и «Сабанина» должны были влить в партизанское движение Правобережья свежую струю, поднять население на массовую борьбу с оккупантами. Ведь он сам заявил тогда в Кремле: «Рейды — это непосредственная связь с населением. Рейдами мы достигаем связи с населением, вливаем надежды, и оно переходит на нашу сторону».

Если тогда спросили б старика, считает ли он задание нетрудным или, наоборот, очень тяжелым, то Сидор Артемьевич, надо полагать, лишь загадочно ухмыльнулся бы в ответ, выразительно поглядев на любопытствующего. А тот мог бы прочесть на Ковпаковом лице все, что он считал нужным держать при себе, а не высказывать вслух. Скажем, то, что рейд на Правобережье — операция сложнейшая, по масштабу — беспримерный в истории войн. И хорошо, что идет он в рейд не в одиночку, а с Сабуровым. Одобрял Дед и время, выбранное Москвой для рейда. Он понимал: Сталинград, как исполинский магнит, прикует к себе все, что есть у Гитлера. Хочешь не хочешь, а в тылу у него непременно образуется вакуум, который и заполнят они, партизаны. Вот и получится, что Красная Армия у Сталинграда пособит партизанам у Днепра, а те, в свою очередь, помогут родной армии ударами по фашистским тылам. Это и есть «понимание взаимодействия своего отряда со всей борющейся армией».

Нечего греха таить — знал Дед, что кое-кого масштабы задуманного явно беспокоят. Один из командиров отрядов, не церемонясь, рубанул, что думал:

— Да вас расколошматят еще до Десны! Днепра и Припяти вы и не понюхаете!

С таким заявлением Ковпак спорить уже не собирался. Тут речь шла уже не о разумной осторожности или о вполне объяснимом сомнении. Он и ответил соответственно:

— Труса ты празднуешь, потому и рейд наш тебе ни к чему. Видишь ты такую жизнь — собираешь здесь грибы да ягоды потихонечку. А мы будем жить и воевать, орлами пролетим на правый берег.

И, обращаясь уже к другим командирам, закончил:

— Только трусы да военные чиновники довольствуются тем, где немец им позволит ударить себя. Нам треба действовать так, чтобы он забыл, что такое ночь, что такое день... Все должно быть в движении.

Ковпак готовился... Убедившись, что соединение уже может действовать как регулярная воинская часть, Дед, Руднев и Базыма провели реорганизацию. Старые отряды были преобразованы в батальоны, боевые группы — в роты и взводы. Сам Ковпак, будучи командиром соединения, сохранил за собой и командование 1-м батальоном — бывшим Путивльским отрядом. Важное это мероприятие носило отнюдь не формальный, а принципиальный, в чем-то даже символический характер.

С теми же самолетами, что доставляли в соединение вооружение и боеприпасы, Сидор Артемьевич отправил на Большую землю раненых и больных партизан, а также женщин и детей. С одним из последних рейсов улетели Домникия Даниловна и Юрик, успевший стать всеобщим любимцем. Они не хотели покидать отряд, и Сидор Артемьевич был вынужден употребить свою командирскую власть... За все время пребывания в отряде Юрик впервые заплакал, когда Руднев, поцеловав его, сказал:

— Будь здоров. Расти, партизан... Учись...

В соединении появились новые люди. Среди них выделялся невысокий, коренастый подполковник с маленькими, всегда хитро прищуренными глазами и окладистой роскошной бородой. Это был Петр Петрович Вершигора, немедленно и до конца дней своих получивший прозвище

Борода. В прошлом киевский кинорежиссер, он начал войну рядовым бойцом — кончить ее ему предстояло генералом, случай, пожалуй, единственный. Вместе с Вершигорой прибыли его заместитель Иван Бережной, его группа партизанских разведчиков и радисты. Поначалу Вершигора был в отряде фигурой, так сказать, автономной, но со временем стал заместителем Ковпака по разведке.

В те же дни к лагерю в Старой Гуте прибилась и группа из 36 командиров и бойцов Красной Армии, бежавших из Конотопского лагеря военнопленных. Привел их майор-артиллерист Сергей Васильевич Анисимов, которого штаб назначил командовать артиллерией соединения. Комиссаром к нему назначили Алексея Ильича Коренева. Среди пришедших с Анисимовым выделялся богатырским ростом и сложением сержант Давид Бакрадзе, назначенный командиром орудия.

Получил «подкрепление» и Руднев. Из Москвы прилетел бывший заведующий отделом сельскохозяйственной молодежи Запорожского обкома ЛКСМУ Михаил Андросов, ставший впоследствии помощником комиссара по комсомолу. Вместе с Андросовым прибыло еще несколько комсомольских работников, в том числе девушки: Валя Павлина — бывший секретарь Запорожского горкома, Юля Зинухова — секретарь того же обкома, Аня Дивина — в прошлом секретарь Николаевского обкома ЛКСМУ.

Рейд пора уже было начинать, но без боя выйти из Брянских лесов было невозможно. «Ворота» на Украину оказались запертыми куда крепче, чем несколько месяцев назад. Гитлеровцы создали здесь целую систему опорных пунктов с дзотами и другими фортификационными сооружениями, минными полями, пристреляли все подступы к населенным пунктам. Только в результате очень напряженного наступательного боя ковпаковцы сумели уничтожить опорные пункты противника в селе Голубовка и хуторе Лукашенкове. В бою у Голубовки Ковпак самолично командовал батареей новеньких 76-миллиметровых орудий, только что доставленных самолетами из Москвы.

Партизаны взломали «ворота» на Украину, уничтожив несколько сот гитлеровских солдат и офицеров. Но победа досталась дорогой ценой: в ходе операции смертью героев пали и 53 ковпаковца... Таких потерь соединение еще никогда не несло.

...В ночь на 26 октября под покровом темноты соединение без боя прошло разгромленные заранее опорные пункты противника. Мадьярский гарнизон в Каменке миновали, едва не задев его крылом боевого охранения. Ковпак значительным шепотом предупреждал каждую роту:

— Противник в пятистах метрах слева. Прошу я вас, хлопцы, не шуметь, его не беспокоить...

Затем — скрытый стремительный рывок к лесу у Ямполя. Довольный Дед подходит к Вершигоре:

— Ну, академик, вот мы и вышли на оперативный простор. Теперь гуляй, душа партизанская!

Короткий отдых, и вот уже ковпаковцы громят железнодорожную станцию Ямполь. Дальше, на запад! Под колесами партизанских повозок — Черниговщина! Как-то встретит она сумчан?

Дед весь поглощен делами рейда. Их сразу навалилось множество, и к вечеру начинается головная боль. Если бы Сидор Артемьевич вздумал, скажем, хоть приблизительно подсчитать, сколько вопросов он лично решает в течение суток, сам бы удивился: «Ого! Не многовато ли?» Но Ковпак просто не замечал громады забот, обрушившейся на него. Он эту громаду сам норовил подмять своей поистине редкостной выносливостью, работоспособностью, умением терпеливо и сосредоточенно, не торопясь и не срываясь, методично и последовательно, упорно и расчетливо решать множество вопросов боевой жизни соединения. Он ухитрялся быть в курсе решительно всего — до мелочей! — происходящего в батальонах, ротах, взводах, хотя они зачастую действовали за многие десятки верст от штаба соединения, где в этот момент был Дед. И постоянно так получалось, что Сидор Артемьевич словно был вездесущ, ничто не ускользало от его сощуренных цыганских глаз. Старик так уверенно управлял своими силами, словно от каждого отряда, боевой группы к нему были протянуты невидимые вожжи, крепко зажатые в его руке. Он с удивительной легкостью и своевременностью уводил людей из-под ответного удара. Сию минуту ковпаковцы были вот здесь, оставили после себя свои обычные следы: перебитый до последнего гарнизон, разрушенную, пылающую железнодорожную станцию, исковерканное полотно... Все так, как приказал Дед хлопцам, и — нет их уже там в помине даже. Испарились словно. Подоспевшие на подмогу гит-

леровцы бешено поливают автоматными и пулеметными очередями все вокруг, но «кольпаков» и след простыл...

А Дед в этот момент попыхивает очередной устрашающей самокруткой и наказывает командирам подразделений чуть не в тысячный раз:

— Повторяю, хлопцы, быстрота — наш друг, а немцу могила! Ясно?

Руднев в ту пору, как и Ковпак, днями не покидал седла. Оба уставали неимоверно.

День и ночь для двоих — командира и комиссара — слились в нечто единое, имя чему — рейд!

Иван Сыромолотный укоризненно заметил как-то посеревшему от усталости и бессонных ночей Ковпаку:

— Вы бы, Сидор Артемьевич, поспали малость, что ли. На себя поглядите, лица нет! Куда же это годится — так воевать!

Подняв чугунную голову, Дед голосом какого угодно, но только не смертельно утомленного человека отозвался:

— Твоя правда, воевать без сна не положено. Знаю. А потому фрицу как раз и не даю спать, милый человек, понял? Чтобы он покоя не знал. Мы-то отоспимся, дай срок, а вот немцу тем временем вечный сон обеспечим. Такая, брат, арифметика получается. И уж ты, дорогой, не осуди меня. Ладно? — И обезоруживающе улыбнулся.

Сыромолотный только головой покачал, мол, что с тобой поделаешь. И больше уже не пытался заводить речи на подобные темы.

...Пока что рейд шел беспрепятственно. И вот партизаны уже перед первой на их пути водной преградой — Десной. Чтобы выйти к переправе, нужно было как-то стороной миновать город Короп, где стоял сильный немецкий гарнизон. В соседнем селе ковпаковцы обратились за помощью к местным жителям. Первая же женщина охотно вызвалась быть проводницей. Ее спросили:

— А артиллерия пройдет?

— Танки пройдут, — ответила она.

Колхозница провела колонну к мосту окраиной города, по словам Ковпака, так же спокойно, как шла бы на базар. Немцы были рядом и ничего не заметили.

Ковпак, желая поблагодарить смелую проводницу, спросил ее имя.

Та, улыбнувшись, ответила просто:

— Я не спрашиваю вашей фамилии, и вы не спра-

шивайте моей. Придет время, и, может быть, встретимся, тогда узнаем друг друга и поблагодарим.

И время пришло. Уже после войны Василий Войцехович разыскал эту патриотку, оказавшую партизанам поистине бесценную услугу. Ею оказалась жительница села Вольное Александра Кондратьевна Пархоменко...

Через Десну переправились без единого выстрела, мадьяры их прозевали, но все же движение обоих соединений скрыть от противника не удалось. Перед рейдом Дед каждого ездового предупреждал:

— Дывиться, хлопцы, щоб ничего не триснуло, не бряцнуло, щоб тильки шелест пишов по Украини...

Только с «шелестом» не получилось, и Дед резко изменил тактику, маскировка была отброшена. С этой минуты он решил идти напролом, с «фейерверком», с шумом, с треском, чтобы внести панику и не дать гитлеровцам прийти в себя. И вот уже взлетают на воздух по пути партизанских рот мосты и водокачки, валясь затем наземь грудой обломков, станции, склады, предприятия. Пусть знают оккупанты: Ковпак идет! Теперь только одна была Дедова команда: «Не задерживай, орлы! К Днепру! Знай наших!»

С этой ночи, по словам Вершигоры, рейд до Днепра и за Днепр стал похож на снежный ком, лавину, катящуюся с гор. Паника, охватившая тыловых немцев, погнала их с мест. Народная молва, усиливая эту панику, превратила партизанское соединение в прорвавшуюся армию с сорока тысячами бойцов, танками и самолетами. Сложным путем эти слухи достигли и ушей Ковпаковых разведчиков. Вершигора, не уловив сразу смысла сообщения, доложил о нем командиру. Ковпак выслушал, а потом вдруг захохотал:

— Та це же мы! Шоб я вмер, це — мы!

Петр Петрович смутился, возразил:

— А где же у нас танки, самолеты?

Насмеявшись вдоволь, Дед уже серьезно ответил:

— Що ж с того, що их нема. Раз народ хоче, щоб воны булы, значит — воны есть.

25-я годовщина Октября застала соединение на берегу великой украинской реки, в лесу, напротив города Лоева. Так же точно выдержав график движения, вышли к Днепру и сабуровцы.

Переправы нет, если не считать нескольких рыбацких лодок, найденных в прибрежных деревнях. На них с тем-

нотой переправляются через Днепр разведчики и саперы. Сделанный еще в Москве Ковпаком и Сабуровым прогноз оправдался: лоевский гарнизон был не в состоянии оказать сопротивление. 7 ноября над городом взвился красный флаг!

На двух захваченных паромах и двадцати баркасах оба соединения начали переправу через Днепр. Она продолжалась два дня. И все это время заранее выделенные роты партизан отбивали атаки спешно перебрасываемых к Лоеву вражеских частей из других гарнизонов. Разгромив и отбросив карателей, освободив из местной тюрьмы 25 смертников, раздав населению захваченный у немцев скот и продовольствие, оба соединения 10 ноября выступили из города по своим маршрутам.

Ускоренным маршем ковпаковцы перемахнули открытую местность за Лоевом и растворились в лесах Полесья. И лишь тогда старик вздохнул с облегчением. Он представил на миг гитлеровцев, рыскающих по безлюдным теперь поймам Днепра, по мертвым улицам покинутого Лоева в поисках исчезнувших партизан, и ехидно пробормотал в бородку:

— Дулю тоби з маком чи без нього? — адресуясь к тем, кого собирательно именовал не иначе как «паскудством».

Взорвав по дороге мост на железной дороге Гомель — Калинковичи, уничтожив путевое хозяйство станции Демихи, вырезав несколько километров телефонных и телеграфных проводов, Ковпак на восьмой день марша вывел хлопцев к Припяти у села Юровичи. Припять не Днепр, здесь молодой ледок уже сковал водную гладь. Сковал, да не очень прочно: толщина льда сантиметров 5—10, местные по нему переходить на тот берег еще не рисковали. Для пробы спустили на берег одну подводу: лед выдержал. С ходу перемахнули партизаны через Припять, хотя последние подводы переправлялись под угрозой обстрела: к недальнему поселку Большие Водовичи прибыл на автомашинах батальон противника: там его встретили взводы глуховцев и кролевцев и обратили в бегство.

Дед все эти томительные часы как вкопанный стоял у самой кромки берега, не сводя глаз со льда, предательски потрескивающего под тяжестью людей, техники, обоза. Мало кто догадывался, что то и дело замирало у него сердце, холодная испарина покрывала высокий лоб.

Только Руднев, стоявший рядом, слышал прерывистое, взволнованное дыхание друга, а тот ведал, что и комиссар в таком же состоянии. Вот так и таились друг от друга, зная в то же время, что ни для кого из них двоих это не секрет.

Припять осталась позади. Командир и комиссар могли себя поздравить: реке в добычу не досталось ничего! Чуть-чуть было не поглотила Припять одну-единственную телегу, запряженную волами, — лед таки подломился под ней. Но мгновенно подоспели братья белорусы, жители здешнего села, и телега с волами тотчас же оказалась на берегу. Командир и комиссар с благодарностью пожали руки добрым людям, братам, или по-белорусски сябрам, обняли на прощание. Впрочем, этим благодарность не ограничилась: одному из местных белорусских отрядов ковпаковцы передали и весьма существенные подарки: станковый пулемет, бронебойное ружье, сто винтовок, рацию. Воюйте, други! Бейте оккупантов на белорусской земле!

И снова — вперед! Снова бои с вражескими гарнизонами по пути, схватки с полицией, уничтожение предателей, старост, пособников гитлеровцев.

...Беседуют на марше Ковпак и Сыромолотный. Оба вымотались до предела, но довольны — дела идут хорошо. Приказ Москвы выполняется успешно.

— Похоже, Иван Константинович, можно уже кое-что и доложить наверх, а? — Дед вопросительно смотрит на Сыромолотного. Тот понимающе улыбается в ответ.

— Полагаю, что можно...

К ним подходит Павловский. После того как Михаил Иванович был в веселовском бою ранен в ноги, он ходит с трудом. Дед назначил его после выздоровления своим помощником по хозяйственной части. Старый партизан согласился — лишь бы не отправили самолетом в Москву, но оговорил условие: «мирную» должность принимает, но с правом участвовать в боях! Не себя имея в виду — утомленных людей и лошадей, Павловский предлагает смущенно, в сущности, заранее зная ответ командира:

— Может, передохнем малость, а затем дальше?

Хорошо понимая своего начхоза, Ковпак лишь покачал головой:

— Ты, Михайло Иванович, знаю, еще у Котовского научился лупить врага как раз тогда, когда тот ни сном ни духом не чует беды. Верно?

— Понятно, Сидор Артемьевич!

Ковпак и Сыромолотный переглянулись, и Дед тепло закончил:

— Давай, Михайло Иванович, друг ты мой, насчет передышки в другой раз потолкуем, а? Сейчас недосуг — вперед пойдем. Добро?

И лукаво-ласково подмигнул Павловскому. Все трое рассмеялись. А Сыромолотный и Павловский поняли: Дед что-то задумал...

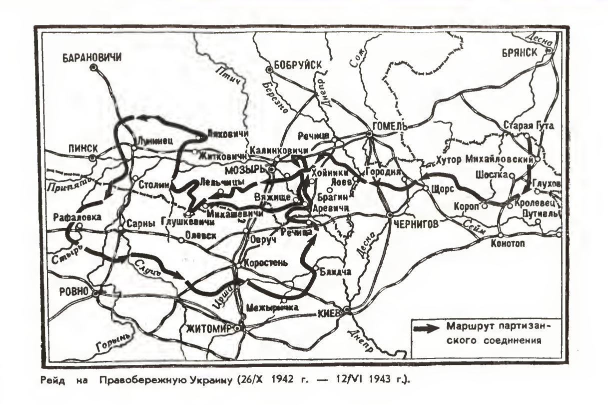
КРЕСТ НА «КРЕСТЕ»

Правобережье Украины встретило Ковпаково войско морозами да снегами второй военной, партизанской зимы. Пугало ли это Ковпака? Суть в том, что такой вопрос ему просто не приходил в голову: ведь уже не первая, а вторая для него зима во вражеском тылу. Следовательно, к ней не привыкать. Более того, партизаны за эти полтора года научились в своей борьбе с оккупантами относиться к стуже, метелям, снегопадам, длинным зимним ночам как к добрым союзникам. Для гитлеровцев же, наоборот, все эти природные факторы оборачивались сущим бедствием.

В хороший зимний день соединение остановилось в селе Буйновичи, неподалеку от районного центра Лельчицы, раскинувшегося на берегу реки Уборть. Как доносила разведка, гитлеровцы успели здесь за последние дни создать сильный укрепленный пункт, приспособив, в частности, для обороны несколько каменных зданий. В импровизированный дот была превращена даже каменная глыба пьедестала снятого памятника Ленину. Гарнизон местечка достигал 500 человек.

В Буйновичах Ковпак неожиданно обнаружил, что местная телефонная связь каким-то чудом продолжала действовать. И он решил... поговорить с немецкой комендатурой в Лельчицах. Коменданта на месте не оказалось, как выяснилось впоследствии, он под благовидным предлогом просто сбежал.

«Со мной разговаривал какой-то офицер, довольно прилично изъяснявшийся по-русски. Не знаю, известно ли ему было уже об ударе, нанесенном Красной Армией немецкой группировке под Сталинградом, но этот волк уже напялил на себя овечью шкуру и научился блеять.

Рейд на Правобережную Украину (26/X 1942 г. — 12/VI 1943 г.).

— Чего вы хотите? — спросил он, когда я сказал, что с ним разговаривает командир части Красной Армии, действующей в тылу немцев.

— Хочу, чтобы и духа вашего не осталось на советской земле... — ответил я.

— Да, собственно говоря, я и сам не прочь поехать домой, — сказал он.

— В чем же дело?

— Да, видите ли, у меня есть начальник, и разговаривать с ним на эту тему совершенно невозможно, он фашист.

— А вы кто такой?

— Я просто немецкий офицер.

— Приказываю гарнизону сложить оружие, в противном случае все вы без различия будете уничтожены.

— Хорошо, я передам ваш ультиматум своему начальнику».

Повесив трубку, Ковпак повернулся к присутствующим здесь же Базыме и Войцеховичу.

— Давай, Гриша, и ты, Вася, садись. Операцию распишем. На уничтожение гарнизона. Понял?

Начштаба и его помощник хорошо знали своего командира: раз Ковпак приказал — за работу немедля.

В ночь на 26 ноября Лельчицы были окружены со всех сторон.

Руднев по этому поводу сказал командирам:

— Ну, держись, хлопцы!

Бой предстоял трудный. Осажденные знали то же самое, что и Ковпак: это конец, потому отбивались люто. Чтобы разрушить мощные каменные укрытия, Дед бросил в бой 76-миллиметровые орудия. Гарнизон райцентра был уничтожен.

К исходу сражения к гитлеровцам подоспело на автомашинах подкрепление — разгромили и его. Ковпак это прокомментировал такими словами: «Узяв бог корову, нехай бере и теля!» Всего противник потерял в Лельчицах до 300 солдат и офицеров и два броневика.

Ковпаковцы захватили много оружия и боеприпасов, склады с обмундированием и продовольствием. Отбитое добро Дед приказал, как обычно, раздать населению, оставив для собственных партизанских нужд лишь то, что безусловно необходимо. Лишнего — ни грамма. Первая задача рейда — прорыв на Правобережье — была выполнена. Пора было приступать к тому, что было главным

в походе: разрушению путей сообщения врага и развертыванию массового партизанского движения в крае.

Соединение расположилось в полесских селах Глушкевичи, Милашевичи и Приболовичи между Лельчицами и Олевском, близ железной дороги Сарны — Коростень. Здесь, в Глушкевичах, и бросил Ковпак фразу, выражавшую несколькими словами давно вынашиваемый замысел:

— Сарны, пожалуй, пора прибрать к рукам, а то они нам сами руки пообрывают...

Он был прав. Сарненский железнодорожный узел и в самом деле был настоящим бельмом на глазу. Через него немцы питали свой фронт жизненными соками, проталкивая их непрерывным потоком эшелонов. Магистрали Ровно — Сарны — Лунинец и Ковель — Сарны — Киев образовывали на карте подобие креста, или, еще точнее, паука. Подолгу изучал старик карту и каждый раз задерживал взгляд на «сарненском кресте». Если разрубить его — гитлеровские перевозки захлебнутся надолго.

Свои раздумья он подытожил:

— Будем ставить крест на этот «крест», а?

Руднев, Базыма, Вершигора, другие командиры были согласны: пора. Но как? Повторить «Лельчицы» невозможно. В городе сильный гарнизон, подступы хорошо укреплены, к Сарнам тянутся многие коммуникации, это значит, что подкрепление не заставит себя долго ждать. Было ясно, что ни в лоб, ни окружением Сарны не взять.

Когда молчание в штабе стало совсем уж тягостным, Дед вынул из кармана большой столярский карандаш и четырьмя короткими штрихами словно ударил по карте в тех местах, где железные дороги пересекали реки. Это была великолепная мысль: подорвать мосты вокруг узла! В один день, в один час обрубить щупальца со всех сторон, сразу застопорить движение с запада на восток, парализовав и обходные пути на юг и север!

Легко сказать — в один час, когда расстояния между объектами задуманной диверсии достигали 50—60 километров занятой противником территории! День и ночь не расходились штабные, прокладывая маршруты для боевых групп и рассчитывая их с точностью до минут. Командовать группами Дед поручил самым надежным, испытанным командирам. На Антоновку ушел Цымбал, на юг — Матющенко, на Горынь — Кульбака. Бережному была поставлена вспомогательная задача — взрывать

мосты на узкоколейке. В составе групп — лучшие минеры соединения.

Замысел Деда был блестяще осуществлен: в ночь на 5 декабря железнодорожные мосты вокруг «креста» взлетели на воздух, все враз! К тому же и Сабуров в это же самое время в пух и в прах разнес две большие станции — Томашгруд и Остки. В общем итоге работа сарненского железнодорожного узла была полностью парализована на полтора месяца, партизаны при этом не потеряли ни одного человека.

При уничтожении мостов произошел комический эпизод, который в изложении самого Ковпака выглядит так:

«После взрывов мостов подрывники развесили на уцелевших звеньях огромные кормовые тыквы: взрывчатых веществ не хватило. Как и следовало ожидать, немцы решили, что тыквы не зря повешены, что внутри их, несомненно, находятся адские машины партизан. Потом об этих тыквах ходили легенды. Крестьяне рассказывали нам, что специальная техническая комиссия немцев больше двух недель ломала себе голову, пытаясь разгадать секрет механизма скрытых в тыквах мин. И подойти к ним боялись, издали все разглядывали в бинокль, и расстрелять не решались: как бы не взлетело в воздух и то, что уцелело от моста».

Ковпак ходил довольный. Все радовало его в эти дни: и крест на «кресте», и что поднялся с их, сумчан, помощью местный отряд из села Ельск, что жители соседних сел Боровое и Шугали закрыли для движения немцев все дороги, разобрав деревянные мосты и устроив завалы, что население польского села Будки Войткевицке вынесли на собрании решение произвести сбор мяса, картофеля и фуража для партизан, что наступили погожие зимние дни и выпал снег... Кутаясь в знаменитую долгополую шубу, Дед говорил своему ездовому Политухе:

— Хвалились полищуки, что у них зимы не бывает. Гляди, сколько снегу навалило, а мороз, мабуть, градусов двадцать. Зимой сани сподручнее: не трясет на корневищах и кочках. Помнишь, как прошлой зимой на санях мы кружили по Сумщине? Бывало, пятьдесят километров за ночь проходили...

— Помню, Сидор Артемьевич, — откликнулся подошедший Панин, — и ваши сани с кошелем.

Старик развеселился:

— От чертяка, Попов вез меня... Едем ночью Сло-

вутским лесом. Дорога разбитая, сани кидает. В одном месте сани ударились о дерево, и я выпал. А Попов: «Но!» и «Но!», назад и не взглянет. Кричать несподручно. Добро, что сзади были подводы, подобрали. Попов проехал километра два и лишь тогда заметил, что командира на санях нет! Поднял тревогу: «Командира загубив!»

...Бывали моменты, когда старик задумывался над вопросом, обычно не беспокоившим его: какова же арифметическая сумма всего сделанного его людьми за время войны? И каждый раз отбрасывал эту мысль: «Будет время — будет и точный подсчет». А пока Ковпак вел счет — и строгий притом! — всему, что прислала ему Москва. И не только тому, без чего на войне вообще невозможно, — оружию, боеприпасам, продуктам, одежде. Он размышлял о том, что не подсчитаешь предметно, не взвесишь, — о моральной стороне дела. Старик думал о Родине, о ничем и никем не заменимой силе самого факта: Родина живет, борется, ничего не жалеет ни для фронта главного, ни для фронта второго — партизанского. Дед отлично знал, что тяготы огромные, невыразимые несет народ в тылу, на Большой земле, что изобилие всего, засылаемого во вражеский тыл партизанам, добыто ценой лишений, выпавших тем, чьими руками оно изготовлено, и прежде всего — женщинам, подросткам, старикам, заменившим ушедших на фронт мужчин. А потому Сидор Артемьевич с величайшим, трепетным, священным уважением относился ко всему присланному Москвой, того же требовал и от партизан.

...А война идет. Люди гибнут. Никого не потерял отряд на последних дерзких операциях, но все же трех бойцов похоронил: скончались от ран, полученных в лельчицком бою, комсомолки Маруся Медведь и Тамара Литвиненко, умер от болезни ветеран отряда Прохор Васильевич Толстой... В санчасти не все благополучно, врач докладывает, что не хватает медикаментов, инструментов, перевязочных материалов и, главное, квалифицированных сестер.

Выслушав, Ковпак спрашивает:

— У тебя все?

— Вроде бы так...

— Тогда слушай, что скажу. Положение, ясное дело, незавидное. Все понимаю. Сейчас начнем думать, как быть. Можешь идти.

То же самое повторяется, когда Ковпаку сообщают, что боеприпасы на исходе. Он снова молча выслушивает, затем коротко резюмирует:

— Понял, начнем думать...

«Думать» на его языке означает «делать». Он и принимается немедленно за дело: изыскивает возможность помочь санчасти, наводит порядок в расходовании боеприпасов.

Между тем гитлеровцы, оправившись после сарненского потрясения, перешли к активным действиям против партизан. 22 декабря пять батальонов войск СС и жандармерии с двух сторон повели наступление на Глушкевичи. Ожесточенный бой длился день и ночь, после чего Ковпак принял решение оторваться от противника. Все дороги были перекрыты, в селе Бухча, избранном как место прорыва, также оказалось до батальона немцев. Фактически (включая ночной марш) партизаны не выходили из боя третьи сутки. И все же в 20-часовом сражении за Бухчу, когда пришлось брать штурмом каждый дом, они разгромили вражеский гарнизон. Гитлеровцы потеряли убитыми до двухсот солдат и офицеров.

Нужно сказать, что к цифрам вражеских потерь, сообщаемым ему командирами батальонов и рот, Ковпак относился очень строго. По свидетельству Вершигоры, «Ковпак всегда боролся против дутых цифр. Он всегда, если только представлялась возможность, проверял эти данные разведкой. Он знал, за кем из командиров водится скверная страстишка преувеличивать. Поэтому часто в рапортах, не имея точных данных, он делал скидку на увлекающуюся натуру командира. Кроме того, он лично опрашивал бойцов, проверяя таким образом сообщенные ему цифры.

Зайдет к бойцам, поговорит с ними, а потом вызовет... командира... и тихонько ему скажет:

— Вот ты тут рапорт написал. Забери его назад. И никогда больше так не пиши.

Если командир начнет доказывать, Дед свирепеет и орет:

— Вот не люблю брехни! Бойцы только что мне рассказывали. Вот там у тебя было трое убитых, там вы взяли пулемет, там столько-то винтовок. Чего же ты пишешь? Чего же ты брешешь? Кого ты обманываешь?»

Но иногда Дед в таких случаях не орал, а спокойно,

ни к кому бы вроде конкретно не обращаясь, высказывал такое:

— Охотник, убив воробья, говорит, что убил фазана, охотясь на уток, что перебил лебедей, если одного зайца подстрелит, скажет, что не меньше четырех...

«Охотник» сидел, обычно потупив голову, и мысленно благодарил Деда, что тот хоть не назвал его при всех по имени.

В этом трехдневном бою серьезные потери понесло и соединение: пятнадцать партизан было убито, свыше сорока ранено, в том числе комбат Кудрявский, помощник Базымы по разведке Горкунов, командир конного взвода Михаил Федоренко.

И снова склонились над картой Ковпак, Руднев, Базыма. Забираются в глухую глушь, в дебри Полесья, ищут медвежьи углы, куда немцу век не добраться. И нашли — село Ляховичи близ Князь-озера, а ныне озера Червонного. Утонуло оно вместе с селом в кольце непроходимых лесов и болот. Кроме самих местных, никто сюда не проберется.

Дед острием карандаша касается чуть заметной точки на карте:

— Годится, Семен?

— А чего ж...

— Твое мнение, Гриша?

Базыма пожимает плечами:

— Сам сатана сюда не полезет.

— Вижу, единство полное, так, что ли? — Ковпак удовлетворенно кивает, выпрямляя уставшую спину и стариковски покряхтывая. — Раз так, готовь, хлопцы, приказ, а с вечера и в дорогу...

...Несколько переходов до Ляховичей стоили громадных усилий, но Дед был доволен: если уж его партизаны еле-еле пробиваются к намеченному месту, значит немцу туда подавно не добраться.

По графику маршрута предполагалось, что Новый год застигнет колонну на марше, поэтому решили отметить его на день раньше, на отдыхе в селах Тонеже и Ивановой Слободе. И тут произошел комичный боевой эпизод.

Ковпак, сидя в кругу ближайших соратников, собрался было выпить чарку, но остановился, услышав пулеметные очереди.

— Це що таке? — спросил Дед. — Кто мешает празд-

ник встречать? Нимци, щоб я вмер, нимци поздравлять прийшлы. Ну що ж, чокнемось.

Он выпил чарку, крякнул и сказал:

— Пишлы колядныкив калачами угощать!

Оказалось, что ничего не подозревающий батальон немцев въехал прямо в расположение двух партизанских батальонов в Тонеже! Нарвавшись на неожиданный встречный удар, гитлеровцы в панике бежали. Опасаясь в темноте пострелять своих, Ковпак продолжать бой не стал.

Утром автоматчики роты Карпенко обнаружили в лесу множество немецких трупов и брошенного оружия, в том числе орудие и два миномета. Нашли и полевую сумку командира батальона майора Штиффеля, а в ней — адресованный ему приказ: «Майору Штиффелю. Вам к 23.00.30.XII — 42 г. выйти на северную окраину с. Бухчи, в 00 часов 00 минут 31 декабря внезапным ударом разгромить банду партизан. Затем прочесать лес вокруг Тонежа. При выполнении задачи учитывать, что с запада, юга и востока партизаны окружены...»

Вершигора вспоминал: «Когда в штабе переводчик читал нам захваченный приказ и дошел до того места, где майору Штиффелю приказывалось разгромить партизан в Бухче, Ковпак сидел, хмурился, пощипывал бородку и шепотком ругался. Но когда переводчик дошел до параграфа, который гласил: «После уничтожения банды майору Штиффелю прочесать леса вокруг указанного района», Ковпак откинулся на спинку стула и засмеялся. Переводчик остановился, недоуменно глядя на командира. Ковпак, захлебываясь от смеха, долго ничего не мог произнести. Наконец он выдавил:

— Оце прочесав, ох и прочесав же...»

Пришлось ковпаковцам встречать Новый, 1943-й год еще раз — уже в полном соответствии с календарем — на коротком, четырехчасовом привале. Ковпак выпил свою чарку, сопроводив ее такими словами:

— Фашисты сегодня встречают Новый год, за своего ефрейтора поднимают чарку, а мы тем часом через дорогу, а потом и через Припять — так и проскочим!

И проскочили! Второй раз — но уже с юга — соединение форсировало своенравную, капризную реку по ненадежному, прогибающемуся льду. А еще через день, 3 января 1943 года, соединение вышло к берегу Князь-озера.

У ЧЕРВОННОГО ОЗЕРА

Озеро Червонное, оно же, по-старинному, Князь-озеро, и точно оказалось одним из самых глухих углов Полесья. В длину оно протянулось километров на двенадцать, в ширину — около шести. Было неглубоким, это означало, что можно рассчитывать на то, что промерзнет основательно, лед будет толстым, способным выдержать посадку транспортных самолетов. Вокруг озера — несколько деревушек, где и расположились батальоны. Штаб соединения и первый батальон стали в селе Ляховичи.

Заботы одолевали Ковпака каждодневно, первейшая из них — устройство аэродрома. Промеры показали, что лед на озере нарос до тридцати сантиметров. Бойцы сразу же приступили к расчистке площадки от снега. Работа была тяжелейшая, к тому же тридцатиградусный мороз и ветер. Солоно пришлось партизанам. Дед смотрел на них с затаенной болью в сердце и только изредка повторял еле слышно:

— Не люди — золото! Ордена за такую работу давать нужно!

Когда площадка была готова, объявилось новое затруднение: авиационное начальство в Москве никак не соглашалось сажать сухопутные машины на лед. Тогда по распоряжению Деда был проведен своеобразный «технический расчет»: на лед сошло до 500 человек и 100 лошадей с санями. «По Малинину и Буренину» это получалось тонн сто. Транспортный самолет той поры весил с грузом около семи тонн. Придирчивый Дед, вообще любивший подсчеты всякого рода, эту цифру на всякий случай удвоил, а потом увеличил еще в пять раз — для учета силы удара машины об лед. По всему выходило, принимать самолеты можно без риска. Хитрый Дед выждал еще денек-другой и дал телеграмму, что подготовлена прекрасная площадка «на грунте».

Все сошло как нельзя лучше: первый самолет приземлился совершенно нормально, хотя у встречающих невольно екнуло сердце, когда колеса «дугласа» ударили о лед... Первым в отряд прилетел один из лучших летчиков полка Гризодубовой, Борис Лунц, впоследствии Герой Советского Союза. Вершигора, под чьим непосредственным руководством «строился» аэродром, описал этот прилет так:

«Самолет бежал все медленнее, лед затихал, перестал гудеть, и машина на секунду остановилась, а затем, повинуясь зеленому фонарику, стала выруливать на старт. На берегу озера кричали «ура!», и в морозное небо летели партизанские шапки.

А под звездами уже гудела вторая машина.

Слава вам, товарищи летчики! Сколько мы ругали вас последние дни и сколько людей с благодарностью сейчас думали о вас!

— Привет вам, посланцы Родины!

— Привет! — сказал человек в комбинезоне, вылезая из машины.

— Здорово! — И к его протянутой руке потянулись десятки рук.

Пришлось взять летчика под защиту. Народ наш недовольно отпустил долгожданного гостя...

К нам подошли Руднев и Ковпак, а я побежал принимать вторую машину.

В первую ночь мы приняли три самолета. Только когда машины уже разгрузились и приняли заботливо укутанных раненых, Ковпак подозвал Лунца к себе и, показывая вокруг на безбрежную равнину озера, спросил:

— Ну як, хлопче, хорошу площадку подготувалы?

— Аэродром идеальный, — не подозревая никакой каверзы, отвечал тот.

— А подходы? — спрашивал Ковпак.

— Очень хороши.

— А развороты?

— Тоже хороши.

— А подъем? — ехидно щурился Дед.

— Замечательный.

— А грунт?

— Грунт твердый. Садился, как на бетонированную площадку.

Дед торжествовал.

— Ну то-то. Теперь ходи сюда. — И он отвел Лунца в сторону, вывел на чистый, неутоптанный пушистый снег и валенком разгреб площадку с квадратный метр. Затем снял шапку и чисто подмел ею лед. Лед был гладкий как отполированное зеркало. Лунц смотрел весело на лысину Ковпака, блестевшую при лунном свете, и улыбался.

— Це що таке? — грозно спросил старик.

— Лед, товарищ командир отряда, — бойко отвечал Лунц.

— Значит, можно на лед самолет посадить?

— Можно, товарищ командир.

— Так и генералам передай.

— Будет передано, товарищ командир отряда. А вы, товарищ командир, шапку-то все-таки наденьте. Тридцать два градуса мороза сегодня.

Ковпак лихо, набекрень, надел шапку и, хитро улыбаясь, сказал:

— Ты мне зубы не заговаривай. Ты мне от що скажи: а сам еще раз к нам прилетишь? Машину завтра посадишь?

— Прилечу и машину посажу, товарищ Ковпак!

— Ну, добре. Ище передай, что летчиков напрасно мы обкладывали всякими словами. Пишлы в сторожку. Самогоном угощу, и гайда в далеку дорогу.

— Спасибо, товарищ Ковпак...»

Каждую ночь прилетало до четырех самолетов. Дед спешил: он понимал, что, как ни хорош ледовый аэродром, у него есть существенный недостаток — уязвимость, несколько вражеских бомб могли полностью вывести его из строя. Весь вопрос, следовательно, был в том, сколько времени потребуется гитлеровцам, чтобы обнаружить партизанскую посадочную площадку.

Дед почти не спал эти ночи. Он, Руднев или Базыма лично принимали и провожали чуть ли не каждый самолет, тепло прощались, братски напутствовали отправляемых в тыл раненых и больных. Москва, как всегда, была щедра к партизанам: полностью восстановила боезапас: к отечественному оружию прислала много нового вооружения, взрывчатки, магнитных мин, теплой одежды, медикаментов. Как великую драгоценность принимали партизаны и комплекты московских газет.

Но Ковпак не забывал и правила, что главный интендант партизан — Гитлер, и вот уже в колхоз «Сосны» Любаньского района Минской области, превращенный оккупантами во вспомогательное хозяйство вермахта, снаряжается заготовительная экспедиция во главе с Павловским. Вместе с ним отправилось около 400 бойцов на 60 санях. Столь внушительный состав экспедиции объяснялся просто: по сведениям Вершигоры, гарнизон «Сосен» достигал 200 солдат.

Павловский, точно, был прекрасный хозяйственник:

первая часть проведенной под его командованием операции стоила гитлеровцам 83 убитых солдат; вторая же, собственно заготовительная, — 15 тонн зерна, 300 овец, 250 коров, 50 свиней и 50 коней.

Не успел начхоз доставить в отряд столь внушительную добычу, а Ковпак уже отдавал Базыме новое распоряжение. Из разговоров с местными жителями он узнал, что Червонное богато рыбой. И вот уже по отрядам спешно выявляют... любителей и знатоков подледного лова. До 10 тонн соленой и сушеной рыбы заготовили здесь партизаны.

Во всех хозяйственных работах бойцам неоценимую помощь оказывали крестьяне окрестных деревень. Примечателен случай, происшедший с капитаном Бережным, командиром роты разведчиков. Колхозники, видя, как трудно приходится разведчикам передвигаться по снежной целине, изготовили для них лыжи. Просушить их, однако, как полагалось, времени не было, и Бережной от подарка отказался. Ковпак, узнав об этом, озлился невероятно, капитану попало, что называется, по первое число:

— Треба же дойти до такого неподобства! — кричал Дед. — Да вы знаете, что народ на вас обиженный? Двадцать пар лыж, говорят, сделали, а никто их не берет!

— Товарищ командир! Они же не просохли, могут покоробиться!

— Покоробиться, говоришь? А то, что твои разведчики ходят на задания по пояс в снегу, обмораживают руки и ноги, это тебя не касается? Нехай лыжи сохнут? Немедленно забрать лыжи и мастеров поблагодарить за всех партизан! Мы же знаем, что колхозные мастера день и ночь работали, чтобы хоть чем-нибудь помочь партизанам.

...24 января Ковпаку подали озадачившую его радиограмму: «Примите ценный груз». А разве все остальное, что доставляли ему, не было ценным? Чего же тогда ждать на этот раз? «Катюшу»? Оставалось только ждать. И Ковпак набрался терпения.

Ночью он и Руднев отправились хорошо знакомой дорогой к аэродрому. Все здесь было как обычно. Горели сигнальные огни. Дежурные до боли в глазах всматривались в темное молчащее небо. Но вот чуткие уши привычных к тишине леса бойцов уловили чуть слышное гу-

дение именно советских моторов. В костры подкинули сушняка... И вот уже бежит навстречу встречающим «дуглас». У трапа первыми стоят Ковпак и Руднев. «Ценный груз» приветствует их... сочным баритоном Василия Андреевича Бегмы.

— Здоровеньки булы, товарищи! — руки Деда и комиссара очутились в теплых крупных ладонях прилетевшего.

— Принимаете? — спрашивает гость.

— А куда же тебя денешь, — отзывается Дед, — коли ты — «ценный груз»! И выдумают же!

Он укоризненно покачал головой, словно досадуя на тех, кто додумался «ценным грузом» именовать человека, сдвинул на затылок папаху:

— Ладно, давай в нашу компанию, раз уж ты здесь, хотя не пойму толком, умереть мне, коли вру, чем это ты Строкачу такой ценностью показался, а? — Дед полусердито разглядывал прибывшего. Тот, однако, и не подумал обидеться:

— Не только Строкачу, коли на то пошло... — он загадочно поджал крупные, твердо вырезанные губы, — но и самому Михаилу Ивановичу Калинину. Именно об этом я и должен тебе сказать сразу же. Или, может, потом, не сейчас?

Глаза Ковпака потеплели, жесткое скуластое лицо смягчилось. Не то приказывая, не то прося, он отозвался:

— Давай, чего уж там! — и плотнее запахнулся в трофейную шубу.

— Так вот, Сидор Артемьевич и Семен Васильевич, официально представляюсь: прибыл по поручению Президиума Верховного Совета СССР и ЦК КП(б)У. Привез для вручения бойцам и командирам вашего партизанского соединения двести шестьдесят орденов и медалей. Боевые награды Родины за отвагу и мужество в боях с врагом!

Ковпак разволновался.

— И ты до сих пор воду держал во рту, а? — укоризненно покачал он лобастою головой, да так, что у Бегмы дрогнуло сердце. — Да понимаешь ли ты, человече, что значат награды Родины для партизана нашего, отрезанного сотнями да сотнями верст от Большой земли? Нет, ты еще не понял этого, иначе бы ни одной секунды при себе радость эту не держал... Ну да ладно, — смягчился старик, — давай, Василь Андреевич,

ко мне, в мою хату, там и потолкуем как следует. Хлопцы, готовы кони?

Он лично убедился, что конный конвой следует за санями по пятам, не отрываясь, не отставая, готовый мгновенно прикрыть огнем пассажиров, и лишь тогда успокоенно затих, утонув в своей необъятной шубе.

В хате Дед опять-таки лично проверил, как хлопцы проворно и сноровисто готовят ужин. Довольно оглядел стол, где дымилась паром отличная картошка. Прищелкнул языком, глядя на мясные консервы и круги колбасы, соседствовавшие с золотисто-янтарной квашеной капустой и ядреными солеными огурчиками. Старик любил и умел хорошо поесть, как и любой крестьянин.

Бегма воздал должное столу:

— Богато живете! — чем доставил Ковпаку подлинное удовольствие.

Дед толкнул Руднева в бок:

— Видал Бегмин чемоданчик? — и сам к гостю: — Василь, что там у тебя? Не скрытничай, я по глазам вижу, московская наша водочка ждет не дождется, чтобы мы ее отведали. Или не так?

Все рассмеялись.

— С тобою, Сидор Артемьевич, вижу, втемную никак нельзя! Держите, друзья! — и Бегма одну за другой поставил на стол несколько бутылок «Московской».

— Смотри-ка, мать честная, — радовался Ковпак, — настоящая московская, да еще и засургученная! Вот это, брат, порадовал! Вот спасибо, Василь! Водка водкой, это дело не ахти какое, а вот прямо из Москвы да сюда бутылочку — это, знаешь, великое дело!

Ужинали с великим аппетитом, весело, дружески. Дед подавал пример во всем. Непрерывно шутил, балагурил, смеялся. Неутомимо расспрашивал Бегму и сам охотно рассказывал. Гость не сводил с него глаз. Он и не скрывал, как полюбился ему сразу этот впервые увиденный им человек, о котором уже тогда знала вся Большая земля. Бегма видел, что перед ним, в сущности, старик, идущий к шестому десятку, ибо 56 Ковпаковых лет — возраст, что и говорить, весьма солидный для партизана.

А Дед между тем уже отошел от стола: не мог удержаться, чтобы не начать немедленно примеривать только что доставленный «дугласом» среди прочего груза комплект нового обмундирования. Делал он это с таким азартом и увлечением, с таким смаком, что ни Бегма, ни

кто-либо другой за столом не могли сдержать улыбок. Легендарный партизанский полководец в эти минуты походил на ребенка — столько в нем было чистоты, непосредственности и бесхитростности.

— Эх, брат, а наши таки шьют фуфайки добротные! — хвалил он, одеваясь в новое. — И штаны хороши, ничего не скажешь.

Дед проворно разулся.

— Вот комедия... Поверишь, Василь, мне уже за полсотни перевалило, не дите вроде, а вот не могу себя одолеть, как увижу новую одежду, так меня и тянет немедля ее примерить. Оно, должно быть, оттого, что в молодые годы я обновы имел раз-два — и обчелся... Мать, бывало, мне одежонку все перешивала из тряпья всякого.

Спустя минуту старик с нескрываемым удовольствием оглядывал себя в новенькой фуфайке и такого же защитного цвета теплых — на вате — штанах. Он прямо-таки лучился радостью.

— Ох, братцы, благодать же какая! А штаны — ну шиты для меня, как на заказ! Молодцы наши в тылу, золотые руки, ей-богу, скажи, Семен Васильевич?

— Факт! — улыбается Руднев.

Ковпак лихо притопнул в последний раз ногой по полу, снова вернулся к столу, неожиданно для всех тихонько, вполголоса затянул:

Гей, налывайте повнiї чари,
Щоб через вiнця лилося,
Щоб наша доля нас не цуралась,
Щоб краще в свiтi жилося!

Он сошел почти на шепот к концу, произнося заключительные слова задумчиво-серьезно, будто наедине с самим собой. О чем он думал в тот миг? Может, все веселье его — для людского глаза только? А то, что невидимо, что в душе, — то совсем другое? На какие мысли навели его привезенные Бегмой для его партизан ордена и медали?

Так же внезапно, без всякого перехода, Ковпак вернулся к общей беседе, которая затянулась далеко за полночь. Наконец Руднев, Базыма, Сыромолотный разошлись по своим хатам. Бегма остался у Ковпака.

Через день, 26 января депутат Верховного Совета УССР Бегма вручал ковпаковцам боевые награды.

Он привез из Москвы 260 орденов и медалей, но награжденных ...оказалось меньше, потому что некоторые партизаны получили несколько наград одновременно. Три ордена — Ленина, Красного Знамени и «Знак Почета» — получил Семен Васильевич Руднев. Высшие награды страны прикрепил Бегма к потрепанным мундирам и гимнастеркам храбрейших из храбрейших: Карпенко, Павловского, Черемушкина, Мычки, Чусовитина. Второй в своей жизни орден принял в тылу врага из рук представителя Москвы и Ковпак.

Когда торжественная церемония закончилась, Сидор Артемьевич обратился к партизанам с речью. Начал он официально и даже несколько высокопарно:

— Товарищи партизаны и партизанки! Разрешите поздравить вас с высокими правительственными наградами!

На этом официальная речь и завершилась, потому что Дед перешел на свой обычный тон, простой и доверительный:

— Только хочу я вам сказать, хлопцы и девчата, что эти награды не задарма даются, они кровью людской облиты. Эти ордена и медали обязывают нас еще крепче бить фашистов, создавать для врага такие условия, чтобы он, проклятый, чувствовал себя так, как судак на раскаленной сковороде, и земля под ним горела. Не зазнавайтесь, чтобы нам с комиссаром перед народом краснеть не пришлось...

От Ковпака В. А. Бегма отправился в соединение А. Н. Сабурова: среди его «ценного груза» было несколько сот орденов и медалей, предназначенных и для героев-сабуровцев. От Сабурова же его путь лежал в Ровенскую область, секретарем обкома партии которой он являлся, — здесь ему предстояло организовать массовое партизанское движение.

...Гитлеровцы нащупали-таки соединение. Начались непрерывные налеты вражеских самолетов на ледовый аэродром и окрестные села. Разведчики Вершигоры докладывали, что на дальних подступах к Червонному озеру стали увеличиваться гарнизоны, появились подвижные немецкие части — верный признак готовящейся серьезной наступательной операции оккупантов. Собственно говоря, оставаться у озера соединению было уже и ни к чему: все раненые и больные отправлены на Большую землю, вооружение, боеприпасы, медикаменты, обмунди-

рование получено в должном количестве, продовольствие и фураж заготовлены, люди хорошо отдохнули. Личный состав соединения на 1 февраля 1943 года насчитывал 1535 человек, в том числе 297 членов и кандидатов в члены партии и 378 комсомольцев.

На командирском совещании Ковпак подытожил:

— Первое: уже ясно, что мы раскрыты. Оставаться здесь уже нельзя ни на один день. Второе: уходим немедля. Все, что нам было нужно, Москва дала. А фриц пускай себе глушит рыбу в озере.

Куда надумал повести Ковпак свое воинство из полесских чащоб? Никто его о том на совещании, конечно, не спросил. Но замысел, видно, был серьезным, иначе не сказал бы Дед таких слов:

— Все опасные версты, которые мы прошли, форсирование Днепра — это, братики, только подготовка к настоящему делу. Мы только подошли к исходному рубежу нашей задачи. И сейчас, на этом исходном рубеже, скажу вам без утайки: сердце мое полно гордости и тревоги. Гордости потому, что каждый наш теперешний боец стоит двадцати прошлогодних; вооружены и одеты мы как в сказке. Тревога же у меня потому, что засиделись мы в Полесье, народ начал тосковать по боевым делам, срывается, лезет в драку с немцами, а немец нам сейчас никак не нужен, и трогать его я запрещаю. Мы должны из Полесья ускользнуть, как ласточки по осени, тихо, незаметно. Один паршивый убитый фашист может нам всю идею загубить...

Ковпак обратился к Вершигоре:

— Напиши приказ всем командирам явиться третьего февраля в штаб на совещание. Места не указывай, немецкая разведка все равно его уже знает. И сделай так, чтобы завтра же этот приказ непременно попал в руки к немцам.

Разговор этот происходил 28 января. Но никакого совещания в штабе 3 февраля не состоялось. Потому что в ночь на 2 февраля ковпаковцы мгновенно снялись с места, переправились по захваченному конными разведчиками Александра Ленкина мосту через Случь и взяли направление на запад.

Весь следующий день гитлеровцы бомбили Ляховичи, а потом двинули на его пустые, покинутые, безлюдные улицы роты карателей. А человек, которому по пунктуальнейшему немецкому расчету надлежало в тот день

быть плененным или уничтоженным, за несколько десятков километров от пылающего села зябко кутался в необъятную шубу, изредка чему-то хитро улыбаясь...

НА САМОМ КРЕЩАТИКЕ СЛЫШНО БЫЛО...

Во время долгой стоянки на Червонном озере партизаны не только отдыхали, приводили себя в порядок, пополняли боезапас. Все эти недели шла малоприметная стороннему глазу, но большой важности разведывательная работа. Десятки бойцов небольшими группами и в одиночку уходили отсюда в дальнюю разведку в Ровенскую, Житомирскую, Киевскую области. Часть полученной ими информации самим партизанам была не нужна — ее радисты Вершигоры переправляли командованию Красной Армии. Но другие сведения имели прямое отношение к будущим действиям соединения. На их основе Ковпак и составил план продолжения рейда. «Хозяйство» своего помощника Петра Вершигоры Ковпак выделял из всех остальных служб штаба и особо о нем заботился. Сам старый разведчик, он любил повторять, что «разведка — это наши глаза и уши», иначе говоря, то, без чего воевать никак нельзя. Не раз удивлял Дед даже самых близких к нему командиров неожиданностью своих решений, но даже самые внезапные из них всегда были на самом деле надежно обоснованы сведениями о силах, их расположении и планах противника. Интуиция у Ковпака никогда не расходилась с информацией.

Дед вел соединение к Цумани — маленькому городку и крупной станции западнее Ровно, объявленного гитлеровцами «столицей» оккупированной Украины. В Ровно были расположены рейхскомиссариат Украины (РКУ) и резиденция самого рейхскомиссара, одного из ближайших подручных Гитлера, Эриха Коха. Ковпак рассчитывал, что его появление здесь, под боком у Коха, наделает столько паники и шума, нагонит столько страху на немцев, сколько ему потребуется для того, чтобы снова мгновенно исчезнуть, уйти дальше и так же неожиданно вынырнуть под самым Киевом.

Ковпак хорошо понимал, что долго скрывать от врага движение колонны, в которой насчитывалось более тысячи саней, невозможно. И все же он достигал этого тем, что то и дело менял направление, петлял, сбивал немцев

с толку, заставлял их кидаться из стороны в сторону. «У волка сто дорог, а у охотника только одна...» — любил говорить он, в сто первый раз меняя маршрут следования.

С некоторым запозданием из-за непрерывного марша, исключавшего нормальный прием последних известий по радио, в отряде узнали об окончательном разгроме фашистской группировки, окруженной в Сталинграде, о пленении остатков 6-й армии во главе с генерал-фельдмаршалом Паулюсом. Причем узнали вначале даже не из сводки Совинформбюро, а из сообщения главной квартиры фюрера, по которому на всей территории империи объявлялся трехдневный траур.

Ковпак радовался шумно, ему не сиделось на месте, он расхаживал по избе, где расположился штаб, прихлопывая плетью по валенку, и повторял восторженно-изумленно:

— Оце вжарилы так вжарилы...

Потом стал посреди комнаты, задиристо топнул о пол и деловито предложил устроить партизанский салют в честь Сталинградской победы. Ковпаковский салют прогремел на всю Ровенщину. Группа второй роты взорвала эшелон из 40 вагонов с живой силой на участке Клевань — Рудечна. Кролевцы уничтожили состав с танками на перегоне Зверув — Олыка. Группа глуховцев взорвала эшелон на участке Киверцы — Зверув. Начисто разгромлено немецкое хозяйство в Софиевке. Заключительный «залп» — налет роты Карпенко на Цумань. При этом около 60 «казаков» из состава цуманского гарнизона перебили своих офицеров и присоединились к партизанам. Третья рота Карпенко не зря считалась лучшей в соединении, итог ее «работы» в Цумани говорит сам за себя: уничтожено 9 паровозов, депо с мастерскими, электростанция, 2 легковые и 1 грузовая автомашины, 12 пилорам, склад с обмундированием, сожжено 500 тысяч кубометров деловой древесины, подготовленной к отправке в Германию.

Автоматчики Карпо захватили отличную тройку карих рысаков со звездами во лбу, запряженных в тачанку. Упряжку подарили Деду — по случаю приближающегося праздника Красной Армии. Эта тачанка надолго стала походным штабом Ковпака.

После салюта в честь героев-сталинградцев Ковпак повел колонну сначала на юг, а потом на восток, в на-

правлении Житомирской области. Юг Житомирщины — край относительно безлесный. Обычные переходы с дневками под прикрытием лесов здесь оказались мало подходящими к условиям местности. Открытый бой в лесостепи не сулил партизанам ничего хорошего, и Ковпак изменил тактику: вместо ночных, сравнительно спокойных переходов — стремительные броски, и не только ночные, но и дневные. Риск был велик, но Ковпак рассчитывал, что, пока немцы разберутся, что к чему, он успеет проскочить самые опасные, открытые места. То, что гитлеровцы рассчитывают уничтожить его именно в лесостепи, Ковпак знал точно: разведка докладывала, что в Житомире задержан эшелон с гренадерами, следовавший на фронт, в Коростене сосредоточивается полк мотопехоты. Было совершенно очевидно, что немцы постараются отрезать соединению все пути на север, будут теснить к югу. Они все делали правильно, грамотно, настойчиво, но слишком медленно, не учитывая новых темпов движения партизан. Ковпаку требовалось совсем немного — часов двенадцать, чтобы последним шестидесятикилометровым броском уйти в район реки Тетерев, в леса под Киев.

Задержать немцев можно было только точно рассчитанной по месту и времени диверсией. Объект, наилучшим образом подходящий для такой диверсии, существовал — мост под Коростенем. Уничтожить его было приказано командиру 9-й роты М.

Это была скверная ночь в жизни Ковпака. Проходил час за часом, приближался рассвет, а взрыва на севере никто так и не услышал. Утром стало ясно, что М. задания не выполнил. Последствия могли быть для партизан самыми тяжелыми, и Ковпак сделал единственное, что только и мог сделать в резко изменившейся к худшему обстановке: он изменил маршрут движения, вместо того, чтобы идти на юго-восток к Фастову, повернул колонну на восток.

О том, что произошло дальше, рассказал участвовавший в рейде военный корреспондент «Правды» Л. Коробов:

«М..., как оказалось, пьянствовал всю ночь в деревне, невдалеке от моста. Было уже светло. Из Коростеня пошли поезда. Время было упущено. И вот рота М... вернулась. Встреча Ковпака с М... произошла на берегу речки, через которую вброд переправлялась колонна. Как

только люди выходили на берег, их одежда на морозе покрывалась льдом.

Протрезвевший М... предстал перед Дедом.

— Я не выполнил задания, — понуро сказал он.

Ковпак сдвинул шапку на затылок и пристально посмотрел на М...

— Немного времени не хватило, — соврал М...

— Так, — сказал Ковпак. — Подойди ко мне. Так. Дыхни на меня.

М... дыхнул. Ковпак поморщился и повернулся к комиссару.

— Судить мерзавца! — крикнул он.

Пока шла переправа, Руднев, собрав роту, расследовал причины невыполнения задания. Когда он закончил следствие, то прежде всего приказал забрать из роты М... всех лошадей.

Потом он подошел к Деду, сидевшему на тачанке, и коротко сказал:

— Расстрелять шарлатана!

Дед достал из-за голенища валеного сапога карту и развернул ее.

— Из Коростеня, — говорил он, — гитлеровцы тронулись. Из Житомира тоже выступили. Расстрелять!

Руднев пришел в роту М... Бойцы сидели на поваленной бурей сосне. Завидев комиссара, они поднялись. М... сидел.

— Встать! — закричал комиссар.

М... встал.

— Предателей и изменников, — сказал Руднев, — мы караем смертью. Командование вынесло тебе приговор.

Руднев повернулся к ординарцам и, указав на М..., сказал:

— Расстрелять!

Те подошли к приговоренному, расстегнули на нем шинель, потом повернулись к Рудневу.

— Не можем, товарищ комиссар. У него орден и медаль.

Руднев подошел к М..., заставил его снять орден и медаль и, вынув пистолет, выстрелил в М... Тот, как глядел в землю, так и упал в снег лицом.

— Закопать как собаку! — сказал Руднев.

Стоявшие кругом бойцы роты М... задвигались. Откуда-то появились лопаты.

Вскоре вся колонна была на том берегу.

Разыскивая Базыму, я нагнал тачанку Ковпака. Дед сидел, уставив взгляд на широкую спину своего ездового. Плеть, как всегда, спускалась из откинутого рукава его шубы. Рысаки прядали ушами, и Политуха, сидя на передке тачанки, изредка посматривал по сторонам.

— Сидор Артемьевич! — обратился я к Ковпаку.

Ковпак поднял голову, и я увидел грустные его глаза. Он опустил голову. Я шел рядом с тачанкой, не зная, то ли идти вперед, то ли оставаться с ним. Дед снова поднял голову, вытер слезы рукавом шубы и, посмотрев так, словно просил извинения, сказал:

— М... испортился, подлец, успех голову вскружил. Ты что же пешком? Садись ко мне.

Я сел в тачанку. Ковпак молчал часа два.

— Орден-то сняли перед расстрелом? — спросил он вдруг и, услышав мой ответ, опять замолчал».

Вместо М... командиром 9-й роты был назначен прекрасно зарекомендовавший себя к тому времени Давид Бакрадзе.

Ковпак успел все же 8 марта уже на виду противника переправить свои батальоны через разлившуюся в весеннем паводке реку Тетерев. Бойцы перешли на другой берег по узкой полоске льда, потом ледовую перемычку взорвали. Теперь, когда река осталась позади, неизбежный бой с преследующими буквально по пятам немцами был не страшен.

Бой с двумя передовыми батальонами гитлеровцев состоялся на следующий день у села Кодра. Дед все рассчитал, учел и то, что немцы впервые в борьбе с партизанами действовали двумя эшелонами — их второй батальон шел в качестве резерва по следам первого.

Главный удар первого эшелона немцев принял на себя батальон Кульбаки, отличавшийся от других тем, что был хорошо оснащен станковыми пулеметами. Гитлеровцы понесли большие потери, были отброшены, но нащупали силы, боевые порядки и огневые точки партизан. Их второй батальон мог, в принципе, теперь просто обойти Кульбаку и ударить по штабу и обозу Ковпака с той стороны, где у того почти никакой обороны не было. Так оно и могло бы произойти, если бы Дед не выслал своевременно в обход свою лучшую и самую силь-

ную роту Карпенко. Автоматчики Карпо успели зайти в тыл первой, уже залегшей цепи немцев и встретили их резервный батальон на марше. Немцы шли, не остерегаясь, потому что этой дорогой только что прошли свои, шли густой колонной, почти бегом. По ним-то и ударили враз 86 автоматов и 14 пулеметов 3-й роты... Первая рота немцев была скошена в несколько секунд, от второй осталась едва ли половина, третья обратилась в бегство. Вся лесная дорога была буквально забита немецкими трупами.

Гитлеровцы потеряли под Кодрой около 250 солдат и офицеров, но сравнительно велики были и потери партизан: восемнадцать убитыми и сорок один ранеными...

Появление Деда под Киевом действительно казалось нежданным-негаданным. Он даже не появился, а словно вынырнул здесь — до того внезапно это стряслось. Конечно, ничего таинственного и сверхъестественного в том не было. Была умная и осторожная тактика осмотрительного, опытного военачальника, раз и навсегда усвоившего золотое правило войны: чем меньше знает враг о тебе, тем лучше. Ковпак ему следовал неукоснительно, неотступно, при любых обстоятельствах. Он был неумолим во всем, что касалось военной тайны. Он умел молчать, как никто, и умел заставить своего подчиненного знать только то, что тому положено, знать и помалкивать. Отсюда и его скрытность.

Вот и этот неожиданный для врага, со всеми вытекающими отсюда последствиями выход Ковпака под Киев. Еще не зная наверняка, как все получится на деле, Дед постарался предусмотреть и обезопасить себя от нежелательных случайностей, столь частых на войне, к тому же еще и партизанской. Правило это впиталось ему в кровь, и Дед просто повседневно жил им, даже не размышляя о нем.

Ковпак заявился в Блитчу на Киевщине, как всегда, точно снег упал на голову: не было — и вот я! Когда ему доложили, что Блитча на виду, он озабоченно кивнул, но по глазам его было видно, что хоть слушал он рапорт разведчика внимательно, все же мысли его где-то далеко. Таков уж был Ковпак, он рассуждал так: раз подходим к намеченному пункту, значит с этой минуты этот пункт перестает быть самым главным, к достижению которого без потерь сводились все усилия. Теперь глав-

ное становилось второстепенным, уступая место другому главному. А именно: подготовке к удару и самому удару. Отсюда и странное выражение ковпаковских глаз: вроде бы и слушает он тебя с полным вниманием, а в то же время сам находится где-то очень далеко, куда увела старика мысль о следующих неотложных заботах, прямо обусловленных именно тем, что кончилась эта забота — приход на место.

Партизаны ворвались в село на берегу Тетерева с такой стремительностью, что полиция не успела даже предупредить свое начальство в районном центре об их приближении, хотя телефонная связь действовала. Узнав об этом, старик распорядился поставить у аппарата дежурного с указанием — только слушать вызовы, но не отвечать. При этом Дед многозначительно поднял указательный палец правой руки. Все знали, что жест этот означает «Крайне важно!». Ковпак имел все основания полагать, что непременно услышит что-нибудь любопытное: разведчики уже доложили ему, что телефон Блитчи подключен к общей сети всего Иванковского района. Удобно! Во всяком случае, для Ковпака. Звонок. Дежурный снимает трубку и слушает:

— Блитча?

Молчание.

— Алло. Блитча?

Ни звука.

— Блитча! Чтоб тебя разорвало!

Блитча молчит, но включается голос из другого села:

— Иванков? Кто говорит?

— Начальник иванковской полиции. А ты кто?

— Полицейский из Коленцов, господин начальник. Я вот сам пробую в Блитчу пробиться. Молчит! Видно, их староста загулял, дьявол.

— Загулял, говоришь? Ну а если там не того?

— Чего?

— Вот и я хочу знать чего. Ты вот что — быстренько пошли своего в Блитчу, понял? Мигом! Да чтоб он для виду топор и веревку прихватил, мол, за дровами поехал в лес. Давай одним духом!

Тотчас же в лес в сторону Коленцов отправилось несколько Дедовых хлопцев. Немного спустя они поставили перед Ковпаком «дровосека». А разговоры по телефону продолжаются:

— Алло, Коленцы?

— Слушаю, господин начальник!

— Послал в Блитчу?

— Так точно, еще не вернулся.

— Дурачье! Сколько ждать можно! Посылайте другого, пропади вы все пропадом! Усадите в телегу бабу и пару мешков картошки дайте, мол, родичам везет. Понял? И мигом.

— Слушаюсь, господин начальник. Прошу прощения, что спрашиваю, а как у вас там?

— Запросили подмогу. Войска из Киева прибывают...

Второй полицейский, разумеется, разделил судьбу первого. Дед хитро улыбается: что-то теперь затеет шеф иванковской полиции? А тот затеял еще двух соглядатаев выслать: мужчину и женщину с младенцем — якобы крестить. На этом телефонная игра закончилась. На очередной звонок Ковпак сам поднял трубку и обложил иванковского шефа убийственной матерщиной.

Гитлеровцы подошли к Блитче 11 марта — около двух батальонов немцев и предателей из украинских буржуазных националистов. Их подпустили на близкое расстояние и встретили сильнейшим огнем из всех видов оружия, в том числе пушек. Отступать карателям было некуда — две роты, посланные Ковпаком в обход, отрезали им пути для отхода. Прижатые к реке, фашисты были обречены на полное уничтожение. Бой превратился в побоище. Подсчитать число убитых карателей оказалось невозможно — множество трупов унесло рекой.

В бою участвовали далеко не все силы партизан: в эти самые дни часть боевых рот была разослана на диверсионные задания. Главным из них было уничтожение станции Тетерев и взрыв железнодорожного моста через реку того же названия. Это совершили бойцы Кульбаки под общим командованием Павловского. Группы во главе с Рудневым уничтожили еще два моста и провели ряд других диверсий вблизи Киева.

Уничтожение моста через Тетерев было главной задачей выхода Ковпака под Киев. На взгляд Сидора Артемьевича, сарненская операция была вряд ли более важной. Позже Дед лично осмотрел «работу» своих диверсантов и остался ею весьма доволен: они не пожалели тола, и мост разнесло до основания. Гром взрыва слышно было на самом Крещатике... Это точно установленный факт. Киевские подпольщики после освобождения столицы рассказывали:

— Мы слышали взрыв. И знали, что это наши! Знали и то, что движение на перегоне Киев — Коростень замерло надолго. А как паниковали гитлеровцы в те дни!

Получив сообщение Павловского о полном успехе диверсии, Дед впервые за все время рейда с Червонного озера ощутил почти физически, что дела вроде бы идут хорошо. Он вышел из штаба и, распахнув шубу (солнце уже припекало по-весеннему), медленно пошел по селу. Сидевшие на бревнах местные девчата смотрели на него с нескрываемым любопытством. Проходя мимо, Ковпак весело подмигнул им:

— Греемся?

— Греемся, — ответили девушки. — Ты, дедушка, тоже воюешь? Сидел бы лучше около старухи...

— А я и сидел, — охотно согласился он, — а теперь вот не сидится.

Знали бы девчата, что этот добродушный старик и есть тот самый легендарный Ковпак, о котором они столько слышали и еще будут слышать.

Уничтожение мостов было не единственной заботой Ковпака в дни пребывания в Блитче. Еще в Москве Верховным Командованием ему было приказано разведать правобережье Днепра, установить, какие и где возведены там гитлеровцами укрепления. Слухов о «неприступном Днепровском вале» фашистская пропаганда распустила столько, что Ковпак хотел проверить, насколько они соответствуют действительности. Разведчики Петра Вершигоры с первых же дней по приходе в Блитчу были заняты именно этим. По мере их возвращения в соединение выявлялась истина: «Днепровский вал» существовал больше в воображении немцев, чем на самом деле. Ковпак с полным основанием мог доложить Москве, что на Днепре есть лишь видимость значительных укреплений, а не сами укрепления. Сил на сооружение настоящего «вала» у немцев, судя по всему, уже не было.

Разобравшись с «валом», Ковпак задумался над вопросом: что делать дальше? Ему не по себе становилось от самой мысли, что, быть может, сделано меньше, чем возможно. Он-то лучше других знал, что ему под силу, а что нет. Дед проницательно усмехнулся, узнав от разведчиков, что гитлеровцы исчисляют силы соединения в 15 тысяч бойцов — это когда на самом деле их набиралось

едва две тысячи! Здорово же наломали бока немцам, если они в такую арифметику ударились, думал старик. И хмурился тут же: эта самая арифметика может дорого стоить партизанам; сюда, к Блитче, уже подтягивались удесятеренные силы карателей. И вот весь штаб соединения склоняется над картой. Ковпак выслушивает Базыму, Вершигору, Руднева. Наконец подытоживает:

— Ну, хлопцы, Блитча — не Сталинград, верно? А раз так, оборонять ее незачем. Свое мы сделали. Теперь подальше отсюда. А потому первым делом — наплавной мост через Тетерев. Так и уйдем из-под носа у фрицев. Решено?

Он, конечно, понимал, что такой мост сами хлопцы не соорудят к утру того дня, когда каратели снова атакуют Блитчу. Понимал это и Руднев. Оба видели выход в одном: просить подмоги у местных жителей. Так и сделали. Ковпак сам собрал блитченских сплавщиков и лоцманов, спросил, за сколько часов можно построить наплавной мост через Тетерев. Старший из блитчан, Яковенко, в свою очередь, деловито спросил:

— А что возить?

— Подводы, орудия...

— А танки?

— Танки пойдут в другом месте, — совершенно серьезно ответил Дед.

— Ну, тогда, если танков не будет, часов за пять.

Едва не все взрослое мужское население села вышло на берег реки, где еще с довоенных времен были заготовлены для сплава сосновые стволы. Крестьяне принялись за дело дружно, не работали, а горели. К вечеру плот длиной в 75 метров был готов. Не дожидаясь наступления темноты, партизаны начали переправу. Когда последняя телега обоза очутилась на противоположном берегу, Дед приказал только что созданный, словно по волшебству, мост спустить по течению уже разбушевавшейся в весеннем половодье реки. И вот уже следа не осталось от моста, словно его не было. Ковпак усмехнулся: интересно, что подумают немцы? Наверное, сочтут, что Ковпак все же якшается с нечистой силой, иначе как он мог уйти за реку по воде?

Покинув Блитчу, соединение Ковпака взяло направление на север. В четвертый раз на построенных ими самими паромах партизаны переправились через Припять и разбили свою основную базу в большом селе Аревичи

километрах в двух от реки. В штабе на столе появилась необычная новая карта: вся Украина, Белоруссия и Польша, бассейны рек Вислы, Западного Буга, Припяти и Днепра. Водные коммуникации, по которым гитлеровское командование может перебрасывать тысячи тонн грузов из Германии и Польши на центральный и южный участки фронта. Теперь, когда многие железнодорожные магистрали были парализованы украинскими и белорусскими партизанами, этот водный путь приобретал исключительно важное значение. И Ковпак загорелся предерзновеннейшей, невероятной идеей — завершить рейд срывом весенней навигации!

НА ПРИПЯТИ

В Аревичах разведка донесла: навигацию на Припяти гитлеровцы откроют 6 апреля. Уже сформирован первый караван судов: пароход «Надежда» и пять барж под прикрытием бронекатера. Ковпак, услышав название парохода, усмехнулся:

— «Надежда», говоришь? А вот мы поглядим, что у фрица останется от этой самой его надежды... Куда идут?

— Из Чернобыля на Мозырь.

— Так! Значит, жди гостей. Этот самый караван — первая ласточка. — И, перейдя на украинский, добавил: — Кажуть, під цими Аревичами богато раків. Ох, и підгодуемо фашистами раків.

Ничего не подозревавшие немцы попали под прицельный огонь 45-миллиметровых орудий и станковых пулеметов партизан. За считанные минуты пароход с явно не оправдавшим себя названием и все баржи были подожжены и потоплены. Уйти удалось только бронекатеру. Успех был очевиден, но Ковпак никому успокоиться не позволил, вновь и вновь повторяя свои слова про «первую ласточку». Так оно и произошло. Назавтра разведчики засекли на реке целую флотилию: два бронированных парохода и четыре бронекатера. Ковпак успел подготовиться и к этой встрече: вниз и вверх по реке выдвинул засады с бронебойными ружьями и пулеметами, в центре расположил штурмовые роты с пушками.

Немцы, безусловно, уже знали о наличии партизан близ Аревичей, потому что еще за несколько километров начали пулеметный обстрел обоих берегов. Партизаны

молчали. Только когда флотилия точно попала в уготованные ей клещи, по приказу Ковпака орудия и пулеметы ударили по судам, били в упор, с расстояния всего в несколько десятков метров. Рулевое управление головного парохода было сбито третьим же орудийным выстрелом. Он завихлял и сел на мель, после чего загорелся. Второй пароход пытался было взять его на буксир, но тоже загорелся и поплыл по реке. Течение сносило его к берегу, занятому партизанами. Пароход горел, но команда вела с него сильный ружейно-пулеметный огонь, который мешал ковпаковцам на открытом берегу подкатить пушку.

Наступал вечер, можно было полагать, что с темнотой немцам удастся уйти. Взведенный до предела азартом боя, вылетел на берег — в расположение третьей роты — Павловский. Не заметив находившегося в цепи бойцов Руднева, почем зря стал ругать автоматчиков. Играя желваками на раскрасневшемся лице, к нему подошел Карпенко. Начхоз и комроты, размахивая пистолетами и осыпая друг друга всеми существующими в русском и украинском языках ругательствами, схватились за грудки.

— Трусы! Боягузы! — кричал Павловский.

— Это я трус?! — яросто хрипел Карпенко, загоняя патрон в ствол пистолета.

Руднев за шиворот растащил разошедшихся командиров:

— Убрать оружие! Убрать, говорю! — кричал он. Весь дрожа от обиды, отошел в сторону Карпо.

— А ты, старая калоша, чего тебе надо? Пошел вон! — шепнул Семен Васильевич начхозу.

То, что произошло потом, хорошо описал Вершигора:

«В это время из затоки выплыла лодка. На ней сидели Сердюк — командир отделения пятой роты, и еще один боец.

Павловский подошел к ним и, поговорив с ними, влез в лодку, крикнув в цепь:

— Прикрывайте огнем, сволочи! Я вам покажу, як у Щорса воевали, сопляки... — И над Припятью поплыло густое и виртуозное ругательство.

Лодка, загибая вверх по течению, стала выходить на плес...

— Вот дурной!.. Погибнет же, — сказал Руднев, картавя и чертыхаясь.

Карпенко поднял голову и, опершись подбородком на ладонь, смотрел на реку.

...Когда лодка Сердюка с Павловским, отчалившая гораздо выше цепи третьей роты, почти достигла середины реки, ниже от нашего берега отделилась вторая лодка. Она тоже быстро пошла вперед.

— Кто там еще? Какой дурак выискался? — спросил Руднев.

Карпенко, наблюдавший в бинокль, переводя его, ответил:

— Кажется, брат ваш, Костя...

— Вот дуроломы! Белены объелись, что ли?

— Пулеметы, держать на мушке пароход, не стрелять без моего сигнала, — командовал Карпенко, не отводя бинокля от глаз.

Лодки вышли на открытое место и неслись по течению, хрупкими клещами охватывая пароход.

Две-три винтовочные пули могли пустить лодку на дно. К счастью, немцы не замечали их.

Лодка Павловского первая перевалила через стрежень и, выйдя на уровень корабля, стала спускаться по течению вниз. Пароход стоял носом против течения. Лодка попала в мертвое пространство, и вести по ней огонь можно было только с открытой палубы, которая хорошо простреливалась с нашего берега. Поэтому Павловский и Сердюк беспрепятственно приближались к пароходу. Но по лодке Кости Руднева, заходившей со стороны тупой кормы, немцы уже стали вести огонь...

Павловский успел в это время подплыть к пароходу с носа и взять железную посудину на абордаж. Стрелять из пушки мы больше не могли, опасаясь попасть в своих. Павловский прильнул ухом к обшивке корабля и слушал. Наступила тишина. Затем, карабкаясь по плечам товарищей, на палубу взобрался Сердюк. У него в руках был неизменный ручной пулемет, с которым он не расставался. Из крайнего иллюминатора высунулся немецкий кривой автомат, и, не видя противника, а лишь чувствуя его по шороху в мертвом пространстве, немец тыркнул наугад очередь... Павловский из-за угла схватил рукой автомат и дернул его. Немец выронил автомат, но не удержал его и Павловский. Черная кривулина бултыхнулась в воду. Сердюк в это время обследовал половину палубы до капитанской рубки и по звуку голосов и топоту определил, где в трюме люди. Он стал ходить

по палубе и поливать сквозь палубу пулеметным огнем трюмы парохода.

Если бы не глухое татаканье, можно было подумать, что человек ходит со шваброй и подметает пол, швабра подпрыгивает у него в руках, как отбойный молоток.

Сердюк увлекся и не видел, что делалось на кормовой части палубы, закрытой от него трубой и мостиком. Из кормового трюма поднялась фигура человека. Ползком он стал пробираться к трубе. Карпенко прильнул к биноклю.

— Только станковые пулеметы — огонь! — скомандовал он.

Станкачи... повели огонь. Немец успел все же бросить гранату, но не рассчитал, и она взорвалась в воде позади Павловского. В предвечернем фиолетовом небе, слившемся с темно-синей водой, вспыхнул красным заревом взрыв гранаты. В тот же миг разноцветные трассирующие пули мадьярского станкача прошили немца, замахнувшегося второй гранатой.

— Не стреляйте, сволочи, по своим! — хрипел Павловский со дна лодки, куда его сбросило взрывной волной. Он считал, что это мы с берега угостили его, и страшно ругался, забывая, что за перегородкой железного борта враги. Но выскочивший на корму немец — это уже был весь резерв загнанного в трюм экипажа. К Павловскому подоспели еще две лодки. Отвлеченные стрельбой, немцы перестали тушить пожар внутри судна. Когда сгустились сумерки, команда Павловского вынуждена была покинуть взятое на абордаж судно. Оно пылало. Языки огня, вырывавшиеся из иллюминаторов, лизали борта, отражаясь в черной воде, а корма горела, как свеча, ровным высоким пламенем...

Наступила ночь. Хлюпала вода у берега, доносился треск догоравшего на мели парохода, да хриплый голос Павловского откуда-то из темноты нарушал покой и гармонию полноводной широкой русской реки, поглотившей сегодня несколько сотен немецких трупов. На берег не ушел живьем ни один немец. Пророчество Ковпака сбылось полностью. Раки в Припяти пировали вовсю...»

Бой кончился.

Зажатая в партизанские клещи припятская флотилия была уничтожена полностью. Фашистский план навигации был сорван. Гитлеровцы так и не сумели использовать Припять в своих целях. Командование соедине-

ния имело все основания полагать, что очередной рейд завершен удачно.

В Аревичах соединение простояло, отдыхая и набираясь сил перед новым, самым тяжелым в своей истории испытанием, более месяца. В первые же дни неподалеку от села был оборудован аэродром. Снова полетели к Ковпаку самолеты гризодубовского полка. Прилет очередного самолета становился для старика настоящим праздником. Он лично встречал каждую машину, каждого вновь прибывшего человека с Большой земли. С огромным удовольствием, живо и непосредственно реагируя на происходящее на экране, смотрел он присланные из столицы кинофильмы «Суворов» и «Разгром немцев под Москвой».

Истинное удовлетворение доставило Ковпаку то обстоятельство, что там, в Москве, не забыли и его стариковской нужды, в последнее время его буквально изводившей. Дело в том, что Деда мучили зубы, вернее — отсутствие их. Есть ничего не мог, кроме жареных мозгов — жевать, мол, их не надо. Ему и готовили эти мозги. Но, во-первых, они были далеко не всегда, и тогда Ковпак попросту голодал, а во-вторых, сколько может человек питаться одним и тем же? Словом, старик проклинал все на свете из-за этих зубов.

— Йсты двомя зубами — просто мука, — ругался он. — Краще бы уже вси повыпадали.

И вдруг радость: из Москвы прилетела зубной врач Антонина Федоровна Власова со всеми необходимыми инструментами и лекарствами. Установив прямо в ельнике сверкающую хромом бормашину, она тут же принялась за дело. Бойцы отряда ходили в ельник целыми экскурсиями и с благоговением смотрели на работу врача. Власова сняла с Ковпака мерку, улетела в Москву и через два дня вернулась с отличным новеньким протезом. Радости старика не было предела. Затем Антонина Федоровна привела в порядок зубы и других партизан, нуждавшихся в стоматологической помощи.

В эти же дни в Аревичи пришло сообщение, буквально ошеломившее всех: пяти командирам крупнейших партизанских соединений: В. А. Бегме, С. А. Ковпаку, С. В. Рудневу, А. Н. Сабурову, А. Ф. Федорову было присвоено воинское звание «генерал-майор». Партизаны были горды и рады за своих командира и комиссара, хотя привыкать к новому обращению к Сидору Артемьевичу и Семену Васильевичу для многих было не просто.

Знаменитый своим неуемным нравом ветеран отряда дед Велас, к примеру, теперь говорил только так: «Дозвольте, ваше превосходительство, товарищ майор-генерал Ковпак, Сидор Артемьевич, до вас обратиться?»

Как воспринял это событие сам Ковпак? Как и все партизаны, он был счастлив, доволен, а вместе с тем задумчив. Вскоре обоим — Ковпаку и Рудневу — летчики доставили полную генеральскую форму, все как полагается: брюки с алыми лампасами, кителя с широкими погонами, фуражки с золотым шитьем. Дед, верный своей страсти к обновам, остался верен себе и на сей раз. Долой трофейную шубу и деревенскую папаху — и мигом на себя всю форму. Она ему шла удивительно. Он сразу преобразился, стал неузнаваем. Старик испытывал ни с чем не сравнимое ощущение, стоя сначала перед Рудневым и своими штабниками, а затем очутившись в гуще партизан. Он чувствовал на себе сотни глаз: восторженных, радостных, завороженных, умиленных. Все эти люди, окружавшие его, были в эту минуту как бы им самим, Ковпаком, а он ощущал их, дорогих своих хлопцев, как самого себя. Он слышит, как хлопцы впервые, смущаясь и краснея от непривычки, говорят ему, только вчера бывшему для них просто Дедом, «товарищ генерал», и понимает их смущение.

Но вот оба они, два генерала — командир и комиссар, — остаются ненадолго наедине. Глядят друг на друга странными глазами: они ли это? В свое время, будучи военкомом, Сидор Артемьевич носил в петлицах три «шпалы». С ними он и запечатлен на одной-единственной фотографии, сохранившейся с той поры. Три «шпалы» носил и Руднев. Так что оба они были людьми, знавшими, как говорится, вкус высокого, командного положения, даваемого званием. Но быть генералами — нечто совсем другое. Человек, которому присвоено это звание, оказывается в ином качестве, чем прежде, и это накладывает на него определенный отпечаток.

— Семен, ты меня слушаешь? — окликнул Сидор Артемьевич задумавшегося комиссара. — Ты ожидал такого?

— По правде говоря — нет! Да и некогда думать было об этом. Война кругом, а тут, понимаешь, здравствуйте, честолюбивые мечтания комиссара Руднева! И говорить неловко! — смешливо фыркнул Семен Васильевич. — А ты думал?

— С чего бы это? — удивился Ковпак. — Делать мне нечего, что ли?

Они помолчали. Потом старик снова оживился:

— А все же здорово, правда? Здорово, скажу тебе, Семен. Я так примерно рассуждаю: когда же это бывало, чтобы партизанами командовали генералы, а? Да никогда! Значит, мы, коммунисты, первыми и в этом деле оказались. И правильно, что такое завели. Посуди сам, для дела это же одна польза, верно? Шутка сказать — генерал командует! На то он и генерал, чтобы воевать грамотно, с умом, толково. Правильно я говорю, Семен?

— А как же иначе!

— Любому теперь понятно: мы вроде часть Красной Армии. Партизанская часть.

— Мы и в самом деле выполняем задания, можно сказать, большой стратегии, — заметил Руднев. — Так что, как говорится, одно к одному.

Видимо, в Москве действительно рассуждали точно так же, как на берегу Припяти Ковпак и Руднев, потому что теперь во всех приказах и радиограммах Центрального и Украинского штабов партизанского движения Сумское соединение именовали «воинской частью № 00117». Так что прозорливый старик был прав, рассматривая свои отряды как часть Красной Армии. Он верно понял, что руководство партией организованным партизанским движением — одна из форм ее военной политики в Отечественной войне. Политики, продиктованной всем укладом страны победившего социализма, ведущей войну всем народом, а потому непобедимой.

Да, надев китель с генеральскими погонами (который, кстати, он вскоре сменил на привычную старую одежду), старик стал иным, но в то же время он, конечно, остался Ковпаком. Плоть от плоти своего народа, он, будучи генералом, удостоенным высших боевых наград Родины, был начисто лишен того, что принято называть «генеральством». Примечателен эпизод, описанный известным командиром молдавских партизан Я. Шкрябачом и относящийся к периоду, когда Ковпак только-только вернулся из Карпатского рейда. Я. Шкрябач впервые явился к Сидору Артемьевичу в селе Собычине:

«Мы вошли в следующую комнату. Она была полна махорочного дыма. Небольшого роста, щуплый человек с генеральскими погонами кричал на молодого партизана, в смущении стоявшего перед ним. Заметив нас, генерал

повернул к нам свое сухое энергичное лицо с острым клинышком бороды.

— Чого тоби треба?.. Ты хто? — спросил он меня сердито.

— Товарищ генерал-майор! — начал я, почему-то став «смирно» и приложив руку к козырьку. — Командир Второго молдавского соединения партизанских отрядов прибыл к вам для встречи и налаживания связи.

— Гм, гм!.. — усмехнулся Ковпак, выслушав мой рапорт. — Ты, голуба, не так начав. Треба було б зразу сказати: «Ваше высокопревосходительство!» — Он громко рассмеялся и развел руками».

...Минуло две недели пребывания отряда в Аревичах, когда Ковпаку принесли радиограмму со знакомым уже текстом: «Примите ценный груз». На этот раз «ценным грузом», прибывшим 20 апреля, оказались секретарь Центрального Комитета КП(б) Украины Демьян Сергеевич Коротченко и несколько ответственных работников ЦК партии и ЦК комсомола республики. Правда, в целях соблюдения секретности о том, кем являлись прибывшие в отряд товарищи с Большой земли, никто в отряде, кроме командования, не знал. К Коротченко обращались просто «товарищ Демьян», не называя ни фамилии, ни должности. Секретарю ЦК партии и доложил Ковпак уже подведенные итоги рейда на Правобережье. Цифры оказались внушительными: пройдено с боями свыше 6400 километров, уничтожено 14 железнодорожных мостов, 28 шоссейных, пущено под откос 14 эшелонов, потоплено 15 речных судов, разгромлено 6 станций, 7 узлов связи, истреблено свыше 6 тысяч гитлеровцев. Собрано и передано командованию Красной Армии большое количество важной информации, оказана действенная помощь десяткам местных партизанских отрядов и подпольных групп.

«Товарищ Демьян» передал Ковпаку указание Москвы продолжить и расширить разведку Правобережья. Командование Красной Армии уже знало, что «Днепровский вал» — миф, но оно нуждалось в точных сведениях о действительных укреплениях гитлеровцев на великой украинской реке. До 300 разведчиков Вершигоры участвовало в выполнении этого ответственного задания. Под тщательный контроль были поставлены берега Днепра от Речицы и Гомеля до самого Киева. Ощупывались, наблюдались, брались на заметку каждая дорога, мост, паром,

брод. И Петр Петрович имел впоследствии все основания написать:

«Мы не льстили себя надеждой, что этот наш кропотливый труд решает важную проблему стратегии. В великой войне вообще слишком мала была песчинка нашего отряда. Но сейчас мы знаем, как протекала одна из славнейших операций Отечественной войны — битва за Днепр. И думается мне, что в небывалом в истории военного дела решении форсировать большую реку с ходу, раньше, чем враг успеет занять на ней жесткую оборону, и форсировать ее именно на участке Гомель — Киев, думается мне, что в этом решении есть и наша капля творческого, пытливого, осмысленного государственного труда».

Ковпак долго не мог привыкнуть к мысли, что здесь, в тылу врага, среди партизан, подвергаясь опасности наравне с ними, находится секретарь ЦК партии. Это подсказывало Деду естественную мысль: значит, партия высоко оценивает дела партизан, если посылает к ним одного из своих руководителей. Старик чувствовал острую, тревожную ответственность за безопасность «товарища Демьяна». Все же здесь фронт, хоть и в тылу врага, а на фронте все бывает...

При участии Коротченко партбюро соединения было по примеру частей Красной Армии преобразовано в парткомиссию, секретарем которой стал Яков Григорьевич Панин. Дед и Руднев принимали в ее работе самое активное участие, особенно при разборе заявлений бойцов и командиров о приеме в партию. Ковпак строго и сосредоточенно слушал выступавших товарищей, молча кивал головой, соглашаясь, изредка меткой репликой, замечанием уточнял, дополнял, изменял что-то во мнении говоривших. К этим своим обязанностям относился не формально, партийная работа всегда была и оставалась для него кровной частью его самого. И часто думал: здорово же это получается — в тылу врага принимаем людей в ряды ленинской партии коммунистов, да еще при участии секретаря ЦК!

Много и горячо помогал Дед во всем и партизанскому комсомолу. Когда-то Радик Руднев был единственным комсомольцем отряда — теперь их насчитывалось около 600! Прибывший из Москвы Михаил Андросов оказался храбрым партизаном и прекрасным молодежным вожаком. Во всем опираясь на твердую поддержку командира

и комиссара, он со своими хлопцами развернул кипучую деятельность. И вот уже работают курсы подрывников — на них учатся 140 молодых партизан. Создаются целые комсомольские подразделения. К концу пребывания в Аревичах они составляют внушительную силу: 4 комсомольские роты, 28 диверсионных групп, 49 пулеметных расчетов.

У партизан появилась своя типография, в ней командует бывший корреспондент РАТАУ в Глухове Иосиф Мудрик. Только за время рейда по Правобережью типография отпечатала 100 листовок общим тиражом 50 тысяч экземпляров. Сейчас немногие сохранившиеся листовки, от времени пожелтевшие и ломкие, бережно хранятся в архивах и музеях. Они несли народу слова большевистской правды, поднимали дух, звали к борьбе, были не менее грозным оружием, чем партизанские пулеметы.

Как никогда остро, Ковпак осознавал в эти дни, что народная война вошла теперь в новую стадию. Она нынче — огромная сила, возрастающая с каждым часом. Взять хотя бы то же междуречье Днепра, Десны и Припяти — сколько здесь стало партизанских отрядов! Крупнейший из них — соединение черниговских партизан под командованием Алексея Федоровича Федорова, тоже Героя Советского Союза и генерала. Он с группой всадников примчался на командный пункт Ковпака, чтобы договориться о взаимопомощи как раз во время боя с немецкой флотилией. А вскоре последовал совместный удар партизан Ковпака, Федорова и Мельника по важному опорному пункту оккупантов — городу Брагину. Гитлеровцы потеряли в Брагине 400 человек убитыми и все склады — их спалили дотла.

Ковпак смеялся довольно:

— Гуртом и батька легше биты!

Между тем разведка стала приносить тревожные сведения: немцы готовят против партизан решительную наступательную операцию, причем силами не одних только охранных войск, но и фронтовых воинских частей. Операция эта готовилась под кодовым названием «Мокрый мешок». «Мокрый» — потому что разыграться должна была на непролазной болотистой местности при впадении Припяти в Днепр. «Мешок» — потому что имела целью загнать партизан в этот безвыходный, гиблый угол и уничтожить. Прорваться Ковпак мог только на северо-запад, но здесь путь в спасительные леса Полесья «запирал»

расквартированный в местечке Хойники словацкий охранный полк.

Вот тогда-то Ковпак и Коротченко и приняли неожиданное решение — нейтрализовать словаков! План был рискованным, но, как это всегда было у Деда, имел под собой определенную основу. От нескольких перебежчиков Ковпак, Коротченко, Руднев и Вершигора знали, что многие словацкие солдаты хорошо относятся к русским, что даже командир полка подполковник Йозеф Гусар служит немцам только из-за страха, что гитлеровцы репрессируют его семью. Решено было послать Гусару письмо...

Это послание, написанное на полоске материи, за подписями Ковпака и Руднева, вызвалась добровольно передать Гусару разведчица Александра Карповна Демидчик, бывшая учительница. С необычным и опасным заданием она справилась блестяще. Сразу же по возвращении отважной женщины из Хойников Петр Петрович Вершигора записал ее рассказ. Приводим его полностью. Разговор советской партизанки и словацкого офицера протекал следующим образом:

«— Господин подполковник, я пришла к вам как представитель Красной Армии.

— Какой Красной Армии? — спросил подполковник.

— Красной Армии, действующей в тылу противника.

— Чего вы от меня хотите?

— Я хочу, если вам дорога ваша родина, если вы хотите видеть свою Словакию свободной, чтобы вы поступили так, как поступил полковник Свобода.

— А кто такой полковник Свобода? Я его не знаю.

— Полковник Свобода — это чехословацкий полковник, перешедший со своей дивизией[1] на сторону Красной Армии и воюющий теперь против нашего общего врага — немцев.

Подполковник молчал.

— Господин подполковник, я принесла вам письмо от наших генералов.

— Давайте его мне, — сказал подполковник.

Я отдала ему письмо.

— Но я не понимаю по-русски.

— Дайте, я вам прочитаю и объясню непонятные ме-

---

[1] А. К. Демидчик тогда не знала, что полковник Людвиг Свобода не перешел с дивизией на сторону Красной Армии, а сформировал ее на советской территории.

ста, — сказала я. — «Господин подполковник...» — начала я читать письмо.

— А вы знаете, что я могу вас расстрелять? — спросил он.

— Знала еще тогда, когда получила задание отнести вам письмо.

— Зачем вы пошли?

— Нужно было, — ответила я.

Подполковник молча посмотрел на меня. Что он в этот момент подумал, не знаю, но у него был такой удивленный вид, что в другой обстановке я, пожалуй, расхохоталась бы, но теперь я попросила его, чтобы он выслушал меня до конца, а потом уже привел свою угрозу в исполнение.

— Нет, никогда я не отдам вас в руки немцев! — воскликнул подполковник.

Когда было кончено чтение письма и его объяснение, подполковник сказал:

— На парламентерские переговоры я не пойду, перейти на сторону Красной Армии не могу, потому что за это нашу родину немцы сожгут.

— А полковник Свобода перешел же?.. — сказала я.

— Он был во Франции, в Германии и оттуда пошел на фронт, там он перешел на сторону советских войск. Мы же находимся в тылу врага. За переход словаков на сторону партизан их семьи расстреливают или жгут их дома, — ответил он.

— Но бывают же случаи, что во время боя сдаются в плен. Почему же вам не перейти на сторону партизан во время боя? — спросила я.

— Потому что немцы уничтожают семьи тех словаков, которые перешли на сторону партизан, и тех, которые сдались в плен, — ответил подполковник и в подтверждение своих слов прочитал немецкий приказ.

— Но ваши же переходят? — сказала я.

— И плохо делают, — ответил подполковник. — Нам немцы не доверяют, и если начнется массовый переход словаков на сторону партизан, то нас отсюда уберут и на наше место пришлют немцев. Вам же будет хуже. Мы вас не трогаем, и вы нас не трогайте. Когда вы наступали на Брагин, мы немцам на помощь не пошли. Мы вас не обстреливаем, если мы одни, хотя и видим вас. Все наши солдаты на стороне русских. Русские — наши братья. Чем можем, тем помогаем. Лично я из этого местечка

отпустил трех человек, которым грозил расстрел, и многих партизан отпустил на свободу. Большего сделать пока что не можем, у нас ведь, у всех словаков, есть семьи, а если мы перейдем к вам, то их уничтожат. Бейте германов! Мы их тоже ненавидим. Уничтожать их мы вам не помешаем. Еще передайте своим командирам: лучше вам перебраться на другую сторону реки, а то прибыло много мадьяр и немцев с танками... На другой стороне реки их меньше.

— Значит, все? — спросила я.

Он ответил, что перейти на нашу сторону пока нельзя. И замялся, покраснев.

— Уходите скорее, чтобы вас здесь не заметили, вам нужно жить, — сказал подполковник задумчиво в конце нашего свидания» [1].

Визит Демидчик дал Ковпаку многое. Гусар сказал советской разведчице, какие немецкие части и в каких именно селах концентрируются, чтобы в соответствии с планом «Мокрый мешок» сбросить партизан в Днепр и Припять и утопить. Он не пошел, по его собственному выражению, тогда на «парламентерские переговоры», но фактически заключил с Ковпаком тайное перемирие, пообещав, что, если немцы погонят словацкий полк в бой, его солдаты будут стрелять с превышением. В свою очередь, подполковник просил партизан иногда маневрировать, делая вид, что они отходят под натиском словаков.

Встреча Демидчик с Гусаром состоялась 29 апреля, а через неделю, 7 мая, Ковпак увел соединение из Аревичей на север, к железной дороге Гомель — Калинковичи. Перейти ее не удалось — немецкая оборона оказалась очень сильной. Партизанам пришлось выйти из боя и изменить маршрут.

Ковпак решил перейти на правый берег Припяти у села Вяжище, сюда он и пошел с одним батальоном, чтобы построить переправу, остальные же батальоны и артиллерийская батарея под общим командованием Василя Войцеховича заняли оборону у села Тульговичи. Утром 17 мая гитлеровцы бросили против партизан части двух снятых с фронта полевых дивизий при поддержке авиации.

[1] Почти три десятилетия спустя А. К. Демидчик встретилась в Братиславе с Й. Гусаром. Он рассказал ей о своей дальнейшей жизни и сообщил, в частности, что письмо Ковпака и Руднева он хранил всю войну, а затем передал в музей.

Партизаны — впервые! — держали оборону в окопах полного профиля, спешно отрытых перед Тульговичами за ночь. Партизаны, отвыкшие от земляных работ, потихоньку ворчали на Деда, приказавшего окопаться, но потом в ходе боя не один из них в душе благодарил Ковпака за такую предусмотрительность.

Ожесточенный бой длился весь день. Гитлеровцы атаковали непрерывно, не считаясь с потерями. Но ни натиск пехоты, ни танки, ни бомбардировка с воздуха не могли сломить упорного сопротивления партизан. Каждый понимал: нужно стоять насмерть, иначе не миновать «Мокрого мешка». И выстояли — к вечеру гитлеровцы отошли на исходные позиции, оставив на поле боя 300 убитых, четыре уничтоженных танка, танкетку и бронемашину. В ходе боя был особо трудный момент: когда гитлеровцы начали танковую атаку, они погнали впереди толпу местных жителей. Но Руднев, как выяснилось, предусмотрел и такой подлый маневр врага: еще ночью по его приказанию саперы убрали с дороги ранее поставленные там противопехотные мины, оставив лишь противотанковые. Жители благополучно прошли, а немецкие танки подорвались.

А тем временем батальон Ковпака подвозил и подносил к месту будущей переправы лесоматериалы и вел разведку правого берега Припяти, там, как выяснилось, немецкие гарнизоны занимали все села от устья реки до Мозыря. Мост строили под «техническим руководством» все того же Яковенко из Блитчи. После отхода немцев Ковпак фактически обнажил оборону, перебросив на строительство почти полторы тысячи бойцов. Работали всю ночь, стоя по колено в холодной воде, пока не связали из бревен и досок двухсотметровый плот. Его стали разворачивать поперек реки. Вначале течение и ветер помогали партизанам, но, когда мост почти стал поперек Припяти, напор воды разорвал связки сразу в двух местах. Еще немного, и своенравная река разнесет мост в клочья, но бойцы сумели в считанные минуты связать плоты и укрепить их добытыми где-то рельсами узкоколейки.

«К рассвету наступил критический момент, — вспоминал Вершигора. — На лодках и частью вплавь мы перебросили две роты на противоположный берег, чтобы обезопасить себя со стороны Тешкова, но переправу основной массы наших сил нельзя было начинать. Яковенко просчитался и построил мост метров на двадцать короче. На-

до было дотачать его, но не хватило материала и людей. Не спавшие несколько ночей хлопцы уже впали в состояние апатии.

Противник отошел вчера с большими потерями. Оборону мы сняли и подтянули все силы к реке. Но сегодня немцы должны были начать наступление с новым ожесточением.

Оставшийся в Тульговичах взвод конницы всю ночь швырял в небо ракеты всех цветов, имитируя оставшуюся на местах оборону. Надо было торопиться. Но люди совсем выбились из сил.

И вот, когда уже почти совсем рассвело, в воду вошел в хромовых сапогах и коверкотовых бриджах товарищ Демьян. Вместе с ним в реку полезли по одну сторону — Павловский, по другую — я, и мы начали таскать к переправе бревна, хворост, траву... Сейчас же в работу включилась рота Бакрадзе, воодушевленная своим командиром. Давид бегал в одних кальсонах, похожий на огромного утопленника, крича совершенно непонятные грузинско-русско-украинские слова. Наконец последние двадцать метров моста на мелком песчаном берегу были кое-как достроены. Вернее говоря, тут была навалена куча досок, бревен, гнилых пней и все забросано песком, камышом, кустарником и в довершение присыпано сверху землей. Мы и сами не могли бы точно определить, что это такое, но теперь появилась хоть некая видимость почвы под ногами — и это было главное. К счастью, река с нашей стороны оказалась неглубокой.

К восходу солнца отряд стал переправляться. Одновременно передовые роты, переплывшие на лодках, начали бой.

В Тешкове проснулись, обнаружили нас.

Но по мосту уже бежали старики, девушки, мальчишки с патронными ящиками на плечах, поднося боеприпасы.

Рота за ротой с ходу бросалась в бой.

На том берегу, у столетнего, снесенного грозой дерева, к которому был привязан трос, державший мост, стояли Руднев и товарищ Демьян. Жестами, словами, шуткой они подбадривали бегущих бойцов.

Переправив часть рот, мы задержали два батальона на том берегу и стали переправлять обоз. Но больше всего мы опасались за артиллерию. Невозможно было пере-

править пушки с лошадьми по хлипкому и жиденькому мосту, колыхавшемуся даже под тяжестью человека. Пушки переправляли отдельно, без зарядных ящиков, вручную. Они погружались, и их тащили под водой. Одна накренилась и почти свалилась в воду, но ее подхватили люди; они сами падали в воду, выплывали, цепляясь за тросы, бревна, и все толкали тяжелую пушку вперед. Когда перевезли артиллерию, мы уже поверили, что мост способен выдержать всю тяжесть отряда».

Когда последний партизан стал на правый берег Припяти — в пятый раз он форсировал за время рейда эту реку! — Ковпак скомандовал:

— Мост уничтожить!

И моста как не бывало! Когда немцы на левом берегу снова перешли в наступление, им достались лишь стреляные гильзы в пустых окопах и трупы убитых накануне собственных солдат. А Дед, устроившись поудобнее в своей новой тачанке, с жадностью курил и устало бормотал между затяжками:

— Хай йому чорт!

Перекур был недолгим: гитлеровцы со стороны Тешкова начали атаку на роты, оборонявшие переправу на правом берегу. Они опоздали. Завершив переправу, все батальоны Ковпака ударили по врагу. Немцы, потеряв еще несколько сот солдат убитыми, четыре танка и две бронемашины, были опрокинуты. Продуманный, казалось бы, до мельчайших деталей план фашистского командования провалился. Партизаны вырвались из «Мокрого мешка» и устремились в южное Полесье.

Ковпак вел свои отряды обычным походным порядком. Он, как и все, смертельно устал. Донимал проливной, на круглые сутки, дождь. Дорогу развезло вконец. Немцы повисли на хвосте. Харчи вышли, корм для лошадей — тоже. Лошади падают одна за другой. Разведчики сообщают, что каратели не только позади, но и впереди. На «железке» Овруч — Мозырь они поставили сильные заслоны как раз в тех местах, где возможны переходы. Значит, надо прорываться. И прорвались! И новое мучение: вконец измотанным людям нужно одолеть болотистую речку. А силы на исходе. Как поднять людей? Мимо стоящих на обочине Ковпака и Руднева идут, шатаясь от изнеможения, партизаны. Едва ноги волочат, но, стиснув зубы, идут. Ковпак видит это, Руднев видит это. Глаза комиссара светятся любовью к этим людям, которых он, комиссар, ина-

че как золотыми не называет. Он поднимает руку в приветствии.

— Слава вам, герои!

Дед подхватывает:

— Вперед, хлопцы дорогие! Вперед, мои любі! Нехай хоч трішечки, тількі б вперед!

И батальоны вышли в южное Полесье!

Недолгий отдых у села Милашевичи в Лельчицком районе, неподалеку от села Глушкевичи, места стоянки соединения в декабре прошлого года. Население здесь не забыло ковпаковцев, и Дед прослезился, когда услышал из уст милашевичских девчат песню своих партизан, боевую песню о том,

Как хлопцы шагали и в дождь, и в пургу
На страх и на лютую гибель врагу,
Как били его богатырской рукой
За древним Путивлем, за Сеймом-рекой.

И вот уже приземляются возле дубовой рощи самолеты с Большой земли, выгружают с их бортов боеприпасы, взрывчатку, медикаменты, одежду, литературу. Улетают обратно, забирая раненых и больных. Пришлось отправить в Москву и Деда Мороза. Как ни крепился Алексей Ильич, здоровье его все же сдало. После переправы через Припять навалился такой ревматизм, что Коренев не мог шевельнуть ни ногой, ни рукой, артиллеристы кормили своего комиссара с ложечки. Со слезами на глазах простились два старейших партизана, два Деда...

Только расстроенный Ковпак вернулся с аэродрома, пришел Панин. Подал командиру небольшой листок бумаги.

— Что это? — поднял брови старик.

— О вас...

— Ну-ка, дай гляну! — Ковпак проворно оседлал нос старенькими, давно уже отслужившими свое очками. Не спеша перечел фашистскую листовку. Затем обнюхал ее, чихнул и гадливо поморщился. Молча вернул листок Панину, но тут же передумал, отобрал и протянул Рудневу. Все это — без единого слова.

Комиссар прочитал, хмыкнул, произнес с явной иронией в голосе:

— Мало сулят! Жадничают. Пятьдесят тысяч за голову Ковпака — даже смешно. Мало еще, видно, мы им насолили, не до самых печенок въелись... Но ни так, ни

этак у них все равно ничего не выйдет. Хоть за малую, хоть за большую цену.

Старик подхватил:

— Что ж, мы люди не гордые. Подсолим. Дадут больше!

Через полчаса чуть ли не весь партизанский лагерь комментировал содержание фашистской листовки. Дедово заключение бойцы оценили по достоинству:

— Наш скажет, как завяжет. Подсолим!

Это говорили люди, не бросавшие слов на ветер.

...Партизаны отдыхали. И весь рейд в целом, и последние испытания в «Мокром мешке» особенно давали им полное право на этот короткий отдых, а вернее, передышку перед будущими боями. Коротченко, Руднев, Базыма делали все, чтобы заставить отдохнуть хоть самую малость и Ковпака. Старик разительно изменился за последние дни. Еще больше исхудал, лицо приобрело какой-то землистый оттенок, ел мало, а курил почти непрерывно — махорку жесточайшей крепости с примесью сушеного вишневого листа. Едва не валясь с ног, Дед находил неведомо откуда и как силы, чтобы по-прежнему, невзирая на все попытки соратников оградить его от излишних хлопот, решать самому множество вопросов. Иначе он не мог и не умел. В этом неумении — весь Ковпак: действуй, покуда можешь, а когда уже не можешь, все равно действуй! Он дотошно, придирчиво, ворчливо, с рачительностью за все и всех отвечающего хозяина, ни на минуту не расставаясь с Рудневым, проверял и перепроверял решительно каждую мелочь.

Отвлекся от круговерти отрядных дел, лишь когда 28—29 мая в одном из сел на севере Житомирской области, в штабе Сабурова, участвовал в заседании нелегального ЦК партии Украины. Сюда прибыли — кроме него и, разумеется, Сабурова, — Коротченко, Руднев, Федоров, Бегма, другие члены ЦК, командиры и комиссары других партизанских отрядов Украины.

Ковпак был взволнован и деловито возбужден. Шутка ли сказать: под самым носом у гитлеровцев, считавших себя хозяевами этой земли, он участвует в работе нелегального Центрального Комитета партии! Когда подошла его очередь, Ковпак рассказал обо всем, чем жило и живет его соединение. Говорил он, как всегда, очень кратко, суховато и предельно деловито.

Слушали его с вниманием чрезвычайным. В этом про-

являлось и глубокое уважение к личности Деда, и безоговорочное признание заслуг мудрого старика, и восхищение остроумием, находчивостью и лукавством его замыслов, решений, боевых разработок, и просто человеческая симпатия. Годами Сидор Артемьевич был старше всех присутствующих, образованием — куда беднее, но самобытностью стратегии и тактики, оригинальностью и неповторимостью собственной личности, авторитетностью суждений, выводов и рекомендаций он, безусловно, выделялся среди партизанских командиров Украины.

Ковпак знал, конечно, как относятся к нему присутствующие на заседании, но внешне держался так же бесстрастно и невозмутимо, как у себя дома. Смуглое скуластое лицо выражало лишь сосредоточенное спокойствие человека, которого жизнь давным-давно научила ничему не удивляться, а радость и печаль высказывать одинаково сдержанно. При всем желании никто не мог бы прочитать ничего на этом лице сфинкса. Человек-загадка, сказали бы о нем люди, мало или вовсе не знающие его. А те, кто знал Ковпака хорошо, те понимали, что таков старик только внешне, а внутри он, как и они, бурно радуется тому, чему только можно было радоваться: что немцам на фронтах хуже и хуже — это главное, что партизаны и подпольщики тоже сделали для этого немало, что это ценит Москва и доказательством этой высокой оценки является только что одобренный нелегальным ЦК КП(б)У «Оперативный план боевых действий партизан Украины в весенне-летний период 1943 года», утвержденный ЦК ВКП(б) и ГКО. Судя по этому документу, соединение Ковпака — Руднева должно было получить очередное ответственнейшее задание.

Нелегальный ЦК принял решение о дальнейшем развертывании партизанского движения, о создании подпольных партийных и комсомольских организаций, об использовании оккупационных учреждений, для чего рекомендовалось засылать своих людей в гестапо, полицию, комендатуры, биржи труда, религиозные общины, на разнообразные курсы и кружки. ЦК призвал усилить работу по разложению гарнизонов и резервных частей противника, особенно венгерских, чехословацких, румынских и казачьих полков, полицейских и национальных формирований. ЦК указал на необходимость, помимо повседневной агитмассовой работы среди населения, в случае массового угона советских людей в Германию уводить все способное

носить оружие мужское население, создавать из него местные партизанские отряды и группы резерва.

В Милашевичи Ковпак вернулся с отличным настроением, которое всегда приходило к нему, когда он предвидел новое большое дело. Он ждал очередного приказа Москвы и получил его из рук самого начальника Украинского штаба партизанского движения генерала Т. А. Строкача, прилетевшего в отряд с Большой земли. Тот факт, что Строкач лично прибыл в тыл врага именно к Ковпаку, уже сам по себе говорил о важности задания, которое предстояло выполнить воинской части № 00117.

Любого другого партизанского командира — но только не Ковпака! — приказ Москвы мог бы ошеломить: соединению предписывалось пройти рейдом по тылам врага от реки Уборть до Карпатских гор и нанести удар по нефтяным промыслам Дрогобыча, служившим немцам одним из важнейших источников снабжения горючим Восточного фронта.

Ковпак, едва получив приказ, заперся по своему обыкновению с Рудневым и Базымой наедине. О чем у них шла речь — знали лишь они трое.

Дед как-то внутренне собрался. Резко посуровел. И без того не очень словоохотливый, еще больше замкнулся в себе. Думал, взвешивал, проверял все — и себя самого, и людей, и технику.

Ничто не могло заставить старика положиться на кого-то другого, понадеяться, что все сделается само собой, без его вмешательства, требования, указания, прямого приказа. Ковпак бы изумился, если бы ему кто-нибудь сказал, что необязательно командиру соединения лично вникать во все мелочи, на то, мол, есть командиры батальонов и их комиссары, а у тех, в свою очередь, командиры рот и политруки. Впрочем, никто бы и не рискнул сунуться к Деду с таким советом. И не то чтобы Ковпак не доверял своим комбатам — просто он всегда оставался верен правилу: самому семь раз отмерить, еще десять раз проверить и лишь потом раз отрезать. И так — во всем. В подготовке к рейду в Карпаты — тоже, а учитывая его рискованность и ответственность — особенно. И кому же все знать первому, лучше всех и больше всех, как не ему, командиру соединения? А если кто-нибудь из десятков командиров в чем-то ошибется, промахнется, оплошает и потом это вызовет излишние потери в бою или походе? Если не удастся выполнить хоть часть важ-

пейшего задания, с кого потом спросят Родина, партия, Центральный и Украинский штабы партизанского движения, Верховное Главнокомандование? Конечно же, с него, Ковпака. И правильно сделают!

Зачем же он тогда, если спрашивать надо не с него, кому вручена огромная власть над людьми, а с кого-то другого, чья власть и ответственность неизмеримо меньше Ковпаковой?

Вот почему гордость за великое поручение — обеспечить и провести рейд в Карпаты — была в старике неотделима от потребности сделать все самому: тут же, немедленно, безотлагательно. Только тогда он чувствовал себя, что называется, в своей тарелке. Его угнетала задержка груза из Москвы из-за плохой погоды. Ковпак мрачнел, маялся в нетерпении. Менялась даже сама его речь — становилась какой-то казенной, безликой. Словно исчезал Ковпак, и появлялся вместо него совсем другой человек, только внешне напоминающий всеми любимого и уважаемого Деда.

Но вот снова стали регулярно прибывать самолеты, и Ковпак вернулся в нормальное состояние, стал таким, как всегда, он снова — само действие. Руднев неразлучен с ним. И невозможно было бы найти более строгих, придирчивых, требовательных, неутомимых и зорких контролеров перед дальним походом, чем эти двое. В соединении был не один отряд, не одна рота, свыше полутора тысяч бойцов, попробуй проверь все. Так что командир с комиссаром едва на ногах держались от усталости, но все время пребывали в бодром настроении духа, были деятельны и вездесущи. И не переставали восхищаться бойцами и командирами, всего лишь несколько дней назад вырвавшимися из пекла и уже снова рвущимися в бой. Именно тогда С. В. Руднев писал в своем дневнике:

«Что же это за народ? Немцы зовут их «бандитами»... А это — народные «апостолы». Эти люди пришли добровольно в партизанские отряды, не ища здесь удобств, а чтобы отомстить врагу за страдания своего народа, за слезы матерей, жен, детей и сестер, за кровь, пролитую их братьями.

Это — народные «апостолы», потому что они несут правду народам временно оккупированных областей нашей страны. Они прекрасные агитаторы и пропагандисты Советской власти. Просто удивляешься — без напыщенных фраз, простым языком боец говорит с мужчинами или

женщинами о простых вещах, а в этих словах столько любви, преданности и гордости за свою Родину.

Какой это замечательный народ! Это чудо-богатыри! Это золотой фонд нашей Родины. Можно написать целые книги об этих замечательных людях. В нашем соединении есть все национальности. Это интернациональный отряд».

9 и 10 июня генерал Строкач вручил сотням отличившихся в боях высокие правительственные награды. Орденоносцами стали и самые молодые партизаны: избранный накануне в состав комсомольского бюро соединения Радий Руднев и бесстрашный связной Ковпака 15-летний Семенистый, которого все, в том числе и сам Дед, звали уважительно по имени-отчеству: Михаил Кузьмич. Вместе со своими бойцами Ковпак и Руднев с гордостью приняли из рук представителя Москвы недавно — 2 февраля — учрежденные медали «Партизану Отечественной войны» I и II степени.

Глядя на сияющие лица бойцов и командиров с новенькими орденами на груди, Руднев еле слышно проговорил:

— Только наш советский народ, только он и способен на эти испытания. Только любовь к своей Родине и долг перед своим народом могут привести к таким подвигам.

И Дед согласно кивнул головой.

...Уходили дни. Близилось начало похода. Часами Ковпак просиживал теперь с разведчиками, засыпал их множеством вопросов. Те отвечали, давали разъяснения, уточняли данные, проверяли и перепроверяли свои выводы. Старик ловил не только каждое слово, но и интонацию своих собеседников, хмыкал, что-то бормотал себе под нос, укоризненно или одобрительно кивал головой. И снова спрашивал, спрашивал, спрашивал...

12 июня, в день начала рейда, Ковпак тщательно постригся и побрился у своего же партизанского парикмахера. Облачился в вычищенную и заботливо отутюженную генеральскую форму, весь принял какой-то особый, торжественно-приподнятый вид. И вот уже он, внутренне взволнованный и растроганный, обнимается с Коротченко, Строкачем, другими остающимися товарищами. Все они, конечно, понимали душевное состояние старика, но не подавали и виду, зная, что сантиментов Ковпак не терпит. Прощается Руднев. Он не произносит ни слова, говорят лишь комиссаровы глаза — большие, выразительные, пол-

ные доброты, приветливости, ума, воли, грусти и чего-то такого, что не выразить словами... Светлый ум и великое сердце этого человека, должно быть, подсказывали ему нечто такое, чего ни от кого не услышишь, кроме как от своего собственного шестого чувства: что это прощание лично для него, для Руднева, — навеки...

...Прошла, скрылась в дубраве последняя повозка партизанской колонны. Руднев верхом нагнал тачанку Ковпака, пересел к нему. Старик сидел недвижно, глубоко задумавшись о чем-то своем, тихо мурлыча под нос. Руднев разобрал слова старой солдатской песни:

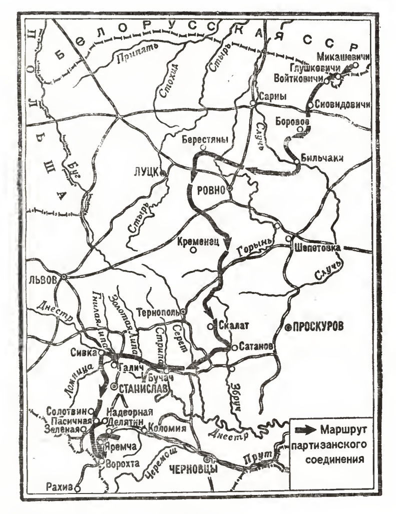
Горные вершины,
Я вас вижу вновь,
Карпатские долины,
Кладбища удальцо-ов!

Потом он встряхнулся, улыбнулся комиссару, лихо присвистнул и продолжал уже во весь голос:

И-е-ех!
Карпатские долины...

«ПО ЗВЕРИНЫМ ТРОПАМ И ДОРОГАМ...»

Рейд продолжался уже несколько дней, но только несколько командиров знали, куда идет колонна. Только трое: Ковпак, Руднев, Базыма — знали задание от начала до конца, остальным было известно одно — предстоит дальний поход. И только. Ковпак был доволен — тайна соблюдалась неукоснительно. Он же сам лишь кивнул головой, сидя на партийном собрании перед выходом в рейд, когда услышал, как выступавший Руднев сообщил, что предстоит большая работа и что проделать ее придется в «тех краях, где растет виноград». Дед одобрительно усмехнулся при этих комиссаровых словах: «Молодец, Семен! Вот умеет же человек — и секрет остался секретом, и кое-что понять дал людям». А соблюсти секрет было необходимо в первую очередь потому, что весь успех нового похода зависел прежде всего от того, сумеет ли соединение появиться на Карпатах так же неожиданно для врага, как появилось оно весной под Киевом. Задача не из легких — скрытно провести колонну протяженностью в 10 километров по территориям Ровенской, Терноποль-

Карпатский рейд (12/VI — 20/IX 1943 г.).

ской и Станиславской областей, преодолев при этом несколько рек и до десятка «железок». Когда-то весь отряд Ковпака мог свободно разместиться в одной землянке. А сейчас... На Карпаты шло почти две тысячи человек, имея на вооружении две 76-миллиметровые горные полковые пушки, пять 45-миллиметровых противотанковых

орудий, 32 бронебойных ружья, 10 батальонных и 42 ротных миномета, 200 пулеметов, 470 автоматов, надежную связь с Москвой и внутри соединения обеспечивали 7 раций.

...Трясясь в тачанке, Дед все время думал о том, что на сей раз ему поручили не просто сложную и большую операцию, как уже бывало. Чутье опытного и знающего войну человека подсказывало Ковпаку, что Москва считает рейд стратегически и тактически новым словом в партизанской войне. Он понимал, что у рейда двойное назначение: боевое и политическое, и затруднялся сказать, какое значимее. Пожалуй, политическое — ведь район Карпат пока что оставался заповедником гитлеровцев. Здесь они были не пуганые, уверенные в себе.

Конечно, размышлял Ковпак, пустить в дым нефть Прикарпатья — дело позарез нужное. Этот приказ Москвы, безусловно, будет выполнен. Но даже такая громадная диверсия все же уступит по значению самому тому факту, что в глубочайшем тылу немцев точно с неба объявится такая сила, как целое партизанское соединение, специально подготовленное для необычной операции. Необычной во всех отношениях — Ковпак это хорошо понимал и потому остро, тревожно еще и еще раз перебирал в уме, все ли сделано для достижения успеха? И с чистой совестью отвечал самому себе: «Сделано все, что полагалось».

В чем видел старик особую сложность операции, кроме протяженности и глубинности? Дело в том, что здесь, в Прикарпатье, где Советская власть существовала до войны менее двух лет, немцы держались особенно прочно еще и потому, что опирались на украинских буржуазных националистов, на остальной территории республики давно искорененных. Не успевшее по-настоящему познать Советской власти, отсталое, малограмотное население этих областей было легче держать в страхе перед оккупантами, в тенетах националистической пропаганды и фашистской демагогии, чем рабочих и колхозников основной части Украины. Террор, клевета и грабеж здесь царствовали повсеместно.

Что до природных особенностей края, то Сидор Артемьевич, конечно, первым делом учитывал, что география Карпат ему и союзник, и враг, смотря как обернется дело. Здешние дороги в долинах, Дед знал, превосходны — сплошной асфальт. Фашисту это на руку — можно

быстро перебрасывать подкрепления. Ковпаку, наоборот, от этой благодати надо держаться подальше, ближе к горам да ущельям. Зато здесь география уже на его стороне.

Особая статья — разведка. В Карпатах глазам и ушам соединения дóлжно было стать вдесятеро, во сто крат более зоркими и чуткими. И охранение... Давным-давно Дед завел: постам, заставам, дозорам, патрулям, сигнальщикам уделять внимание первостепенное. На стоянке ли, на марше ли охранение отвечает за полную безопасность рот и батальонов. Тут Ковпак был неумолим. Взыскивал за малейшее, самое пустяковое упущение. Вдвоем с Рудневым в любое время дня и ночи, в любую погоду строжайше проверял, как несет службу охранение. При этом старик снова и снова вспоминал незабвенного начдива Василия Ивановича Чапаева, принявшего смерть потому, что тогда, в Лбищенске, посты охранения прозевали врага. Вот что такое сон на посту! Дед вновь и вновь напоминал об этом хлопцам.

— Если такой, не дай бог, найдется, — заканчивал Ковпак свои наставления, — то приказываю: считать предателем Родины, и потому за сон на посту расстреливать на месте! Вопросы есть?

По сосредоточенным, строгим и решительным лицам бойцов видел: вопросов нет и не будет.

За первый месяц колонна, обогнув с севера Ровно, повернув затем на юг, миновав Тернополь, прошла на запад к Днестру 600 километров. По дороге партизаны пустили под откос 12 вражеских эшелонов, взорвали столько же шоссейных и железнодорожных мостов. На этом периоде рейда движение колонны осуществлялось обычным порядком, который сам Ковпак описывал следующим образом: «За время маневренных действий у нас постепенно выработались свои железные законы партизанского марша. Выступать в поход с наступлением темноты, а при дневном свете отдыхать в лесу или в глухих селах. Знать все, что делается далеко впереди и по сторонам. Не идти долго в одном направлении, прямым дорогам предпочитать окольные, не бояться сделать крюк или петлю. Проходя мимо крупных гарнизонов врага, прикрываться от них заслонами. Небольшие гарнизоны, заставы, засады уничтожать без остатка. Ни под каким видом не нарушать в движении строй, никому не выходить из рядов. Всегда быть готовыми к тому, чтобы через две минуты после появле-

ния врага походная колонна могла занять круговую оборону и открыть огонь на поражение из всех видов оружия. Одни пушки выезжают на позиции, а другие тем временем бьют прямо с дороги. Главные силы идут глухими проселками, тропами, дорогами, которые известны только местным жителям, а диверсионные группы выходят на большаки и железнодорожные линии, закрывают их для противника — рвут мосты, рельсы, провода, пускают под откос эшелоны. Там, где идет ночью партизанская колонна, — тишина, а далеко вокруг все гремит и пылает. Вступаешь в село — подымай народ на борьбу, используй для этого все — листовки, радио, агитаторов, вооружай местных партизан, учи их своему опыту, чтобы завтра, когда будешь далеко, позади тебя не затухало пламя пожаров, не умолкал грохот взрывов. Ни в коем случае не говори: «мы — путивляне», «мы — шалыгинцы», «мы — глуховцы», забудь названия своих районов. Никто не знает, куда мы идем, и никто не должен знать, откуда мы пришли. Весь народ воюет. И мы только струйка в грозном потоке народа. Пусть враг попробует найти нас».

Сколь эффективна была эта тактика, можно судить хотя бы по тому факту, что выход соединения Ковпака к Днестру в первых числах июля явился для гитлеровцев полной неожиданностью! Дед настолько мастерски маскировал движение колонны, что и взорванные мосты, и пущенные под откос эшелоны, и разгромленные гарнизоны немцы приписывали местным партизанским отрядам. Более того, когда Ковпак появился у города Скалата, они приняли партизан за... небольшую группу десантников-парашютистов! Подразделение жандармов пошло на двухтысячное соединение ковпаковцев, укрывшееся на опушке леса, в психическую атаку! Их подпустили настолько близко, что можно было различить цвет глаз, и буквально скосили. Задние цепи гитлеровцев, обратившиеся в бегство, уничтожил перешедший в атаку кавалерийский эскадрон Ленкина — «Усача».

Вот краткий перечень дел, совершенных ковпаковцами в последующие несколько дней.

Взорван железнодорожный мост на перегоне Тернополь — Проскуров.

Взорваны мосты на шоссе Тернополь — Волочиск.

Взорваны все мосты в Скалате и окрестных селах.

В Скалате уничтожены хлебозавод, электростанция, множество автомашин и мотоциклов, роздано населению

захваченное на немецких складах продовольствие, освобождено обреченное на истребление население еврейского гетто.

В бою у леса Малинник уничтожено до 150 гитлеровцев, захвачено восемь пулеметов, много винтовок и автоматов.

Разгромлен фольварк в селе Остапове, взято 200 лошадей, много скота.

С чисто военной точки зрения рейд проходил пока что успешно, но некоторые другие обстоятельства держали и Ковпака, и Руднева, и Базыму, да и весь личный состав соединения в постоянном напряжении: обстановка на территории, по которой шло соединение, была чрезвычайно сложной. Население этих районов было многонациональным, издавна здесь жили и украинцы, и поляки, и русские, и евреи. Встречались чешские поселения и хутора немецких колонистов... Гитлеровцы изощренно, используя самые подлые, провокационные методы, натравливали различные группы населения друг на друга. На пути ковпаковцев встретилось польское село, все население которого от грудных детей до стариков было вырезано бандой, организованной и руководимой гестапо. Попадались и украинские села, дотла спаленные польскими полицейскими. Два ковпаковских разведчика были подло, из-за угла убиты бульбашами. Другое отделение разведчиков пало от рук агентов польского эмигрантского правительства.

Вооруженные националисты подчас представляли для ковпаковцев большую опасность, чем немцы: они лучше знали местность, не боялись ни морозов, ни лесных чащоб, хитро маскировались при надобности под мирных жителей, располагали хорошей разведкой.

Откуда взялась эта нечисть на советской земле?

После разгрома белогвардейцев и интервентов остатки петлюровских, махновских и прочих банд бежали от расплаты за кордоны. Здесь их сразу же взяли на содержание разведки империалистических государств. Вышвырнутые за пределы СССР, но не потерявшие надежды повернуть вспять колесо истории, «идейные противники большевизма», «борцы» за «вильну, самостийну» Украину шаг за шагом превращались в обыкновенных шпионов, диверсантов и убийц, оплачиваемых Лондоном, Парижем, Варшавой, Бухарестом. Наиболее тесная связь установилась у этих предателей с Берлином, особенно после при-

хода Гитлера к власти. «Вожди» объявившейся на западе «Организации украинских националистов» (ОУН): преемник Петлюры Евген Коновалец, Андрей Мельник, Степан Бандера, «Тарас Бульба» — Боровец — все они были платными агентами гестапо.

На Советскую Украину оуновцы пришли вместе с немецко-фашистскими оккупантами в качестве их наемников. Подлинной опоры в народе у них не было, да и быть не могло, но определенная питательная среда имелась — в лице притаившихся до поры до времени последышей ликвидированных в целом эксплуататорских классов: помещиков, кулаков, торговцев, а также оказавшихся на свободе обычных уголовников. Большую и всестороннюю поддержку ОУН оказало антисоветски настроенное духовенство, в первую очередь старый австро-германский агент, глава униатской церкви Андрей Щептицкий.

С помощью фальшивых лозунгов, безудержной демагогии, а также прямых угроз и насилия оуновцам удалось сколотить так называемую «Украинскую повстанческую армию» (УПА). На словах целью УПА была освободительная война против иноземных захватчиков, на самом деле — руководимая и контролируемая гитлеровцами борьба с советскими (позднее и польскими) партизанами.

Особенно многочисленными вооруженные отряды националистов были в западных областях Украины, которые менее двух лет входили в состав СССР. Здесь еще сохранились в значительной степени антисоветские элементы, а население в целом было гораздо менее сознательным и грамотным, чем на остальной территории республики.

Проще простого было относиться к этим националистическим отрядам как к врагам Советской власти. Дело обстояло сложнее. В рядах тех же националистов были тысячи трудовых крестьян, искренне полагавших, что они воюют за свободу своей родины против фашистских оккупантов и мифических большевистских комиссаров-безбожников. В одном из сел бойцы головного охранения взяли в плен несколько таких «сичевиков» из сотни атамана Крука. Допрашивал их сам Ковпак. Как вспоминает Войцехович, вначале разговор не клеился, пленные «дядьки» явно опасались, что их вот-вот отправят в расход. Перед Дедом стояло несколько угрюмых, почти неграмотных крестьян с тяжелыми, заскорузлыми руками хлеборобов. Одного взгляда на них было достаточно, чтобы понять:

темные, запуганные, обманутые люди, не ведающие, кто стоит за их спиной. Они стояли перед Ковпаком молча, потупив взоры.

— Эх, темнота, темнота, — покачал головой Дед. — Ну вот хотя бы ты, — он ткнул негнущимся пальцем в сторону средних лет мужика. — Скажи, за что ты воюешь?

Тот ответил чужими, заученными словами:

— Как за что? За вольную и самостийную Неньку-Украину. За то, чтобы каждый украинец был в своей хате сам себе хозяин.

— А что, до войны в твоей хате еще кто-то хозяйствовал или ты приймак?

— Не, я хозяин.

— Сколько же земли ты имел от пилсудской Польши?

— Два гектара.

— А сколько Советская власть дала?

— С панского именья мне еще три гектара прирезали. Всего стало пять.

— А Крук откуда взялся? У него тоже земля была?

— Крук наш, тутошний. У него было гектаров пятьдесят. Советы забрали...

— Как так забрали? Прикарманили, что ли?

— Та нет, прошу пана, забрали и раздали тем, у кого земли было мало.

— Ну, это другое дело. А где той Крук был перед войной?

— В Неметчине, прошу прощения у пана генерала.

— Вот оно как! А тебе не кажется, хлопче, что у твоего батька сын был... как тебе сказать, чтоб не обидеть. Ну, малость мешком прибитый? Ты против кого воюешь?

— Против гитлеровцев.

— А я разве гитлеровец?

— Та нет.

— А как же получается? Ты воюешь против немцев, а твой Крук приехал с немецким обозом, чтобы забрать если не у тебя, то у таких, как ты, дурней свою землю. Ты что, не понимаешь, что собственными руками на свою шею ярмо надеваешь?

Пленный тупо смотрит в пол, не зная, что ответить. Но видно: в душе у него сумятица, разговор с партизанским генералом не прошел даром.

Ковпак приказал: этих пленных отпустить по домам.

Данная ситуация — из сравнительно простых. Чаще же все было гораздо сложнее. Не случайно Руднев, железный Руднев в эти самые дни писал в своем дневнике:

«Нервы напряжены до предела. Ни спать, ни кушать не могу. Если не сойду с ума, то выдержу. В таком исключительном национальном и политическом переплетении провести соединение — это равносильно тому, чтобы провести корабль по неизвестному фарватеру среди подводных камней и мелей.

Мы вошли в такую зону, где еще не ступала нога партизана. Эта территория оккупирована немцами уже два года. Население здесь потеряло всякую надежду когда-либо увидеть советские войска, а тут вдруг днем идет громада: тысячи людей, сотни повозок. Большинство людей смотрят на нас с любовью и слезами радости на глазах».

В такой сложной обстановке «воинская часть № 00117» шла начиная с 12 июля параллельно Днестру в поисках удобного для переправы места. Все решала скорость: нужно было переправиться через Днестр и выйти в район нефтяных промыслов Дрогобыча раньше, чем гитлеровцы перебросят туда значительные силы для обороны. Разведка сообщала, что к Днестру уже стягиваются два эсэсовских полка и отряды жандармерии, что задержаны и уже выгружаются из эшелонов специальные горнострелковые части, следовавшие из Норвегии на Восточный фронт. Ковпак не знал еще тогда, что на сей раз приказ об уничтожении соединения отдал лично Гитлер, поручив привести его в исполнение рейхсфюреру СС Гиммлеру. Причина такого повышенного внимания была выявлена позже. Оказалось, что один из мостов, взорванный ковпаковцами под Тернополем, имел особое значение: по нему проходило в сутки до 80—90 эшелонов. Фашистскому командованию пришлось теперь их возвращать во Львов и Краков, перегонять долгим кружным путем через Румынию и Бессарабию. Узнав об этом, Гитлер, как и следовало ожидать, пришел в ярость. Гиммлер дал слово фюреру выполнить категорический приказ силами находящихся в его распоряжении охранных полков и, в свою очередь, возложил непосредственное руководство операцией против партизан на группенфюрера СС Крюгера. Группенфюрер оказался не столь самонадеянным, как рейхсфюрер СС, и на одни эсэсовские части и жандармов не понадеялся — в результате

партизанам и пришлось в Карпатах встретиться со столь серьезным противником, как специально подготовленные для действий в горах альпийские стрелки, соответственно оснащенные, обмундированные и вооруженные.

Одной из мер, предпринятых оккупантами, было объявление денежной награды за голову живого или мертвого Ковпака. На сей раз сумма по сравнению с прежней была увеличена вдвое, что в свое время предвидел Руднев. Повсеместно партизаны находили листовки следующего содержания:

«Каждому, кто доставит немецкому командованию живого или мертвого командира партизан генерала Ковпака, генерал-губернатор «дистрикта Галичины» заплатит сто тысяч рейхсмарок».

Старик прокомментировал листовку именно так, как и следовало:

— Видали? Уже сотню тысяч за Ковпака отваливают. Ну, тогда, значит, порядок, засели мы у них в печенках. Думают, сцапают Ковпака — и делу конец, все развалится. Господи, знавал я на своем веку дураков, но таких — не упомню.

Ковпак опередил гитлеровцев: он вышел к мосту через Днестр у села Сивки, севернее Галича, раньше, чем охрана была сколь-либо серьезно усилена. Конники Ленкина и автоматчики Карпенко уничтожили охрану прежде, чем она даже успела открыть огонь, а к утру все соединение уже успешно переправилось на другой берег Днестра.

Исходной базой для нанесения удара по нефтяным промыслам командование соединения избрало Черный лес к западу от Станислава, но, чтобы попасть туда, нужно еще было форсировать быструю горную речку Ломницу. Задача была не из простых: гитлеровцы, прохлопав Ковпака на Днестре, успели-таки выставить у каждого пригодного для переправы через Ломницу места до батальона пехоты с танками и тяжелым оружием.

Чтобы обмануть противника, распылить его внимание, Дед вывел соединение к реке фронтом в 25 километров, выбрав местом переправы брод между селами Медыня и Блудники. В ночь на 17 июля все партизанские орудия и минометы обрушили огонь по вражескому берегу. Рота за ротой под покровом огня переходила через бурный поток, в то время как группы прикрытия ско-

вывали боем фашистские гарнизоны на обоих флангах — в Медыне и Блудниках.

Переправа завершилась успешно. Партизаны потеряли лишь несколько десятков... овец, унесенных быстрым течением Ломницы.

И снова вперед! Стремительным броском Ковпак оторвался от наземных частей противника. Теперь партизан донимали только фашистские самолеты. Дед ворчал:

— Добре было Денису Давыдову партизанить. Его авиация не щипала. Покрутился бы он здесь, про маскировку тот гусар небось и не слыхивал. Ну как ты замаскируешься от того проклятого «костыля»? Вон как завис, выглядывает, чертяка...

В Черном лесу, отделенном от Чехословакии всего несколькими десятками километров, Ковпак смог наконец дать короткий отдых своим людям, вконец измотанным непрерывным, с боями, стремительным маршем. Лишь день-два передышки имел он в своем распоряжении. Разведка доносила, что отовсюду противник стягивает немецкие и мадьярские полки, чтобы захлестнуть соединение мертвой петлей. 4-й охранный полк войск, расположившийся в селе Росульна, уже закрывал Ковпаку выход из Черного леса на юг, к нефтяным промыслам. В ночь на 19 июля Дед приказал батальону Матющенко и двум ротам под командованием Бакрадзе уничтожить эту преграду на своем пути. Оба командира блестяще выполнили задание Ковпака. Сам Дед впоследствии лаконично писал:

«Посылая Бакрадзе в Росульну, я дал ему две роты путивлян и приказал ворваться в село с запада.

— Старайтесь произвести впечатление, что вас, по крайней мере, втрое больше. Гоните немцев на северо-восточную окраину, там их встретит Матющенко.

Как всегда, Бакрадзе выполнил приказ совершенно точно. Его не надо было учить, как произвести на врага сильное впечатление. Снять немецкое охранение без выстрела, под покровом ночи внезапно ворваться в село, устроить тарарам — это он любил больше всего, так же как хитрый Матющенко любил наводить на врага страх видимостью окружения. Пока происходило побоище на улицах Росульны — Бакрадзе гнал немцев на Матющенко, а Матющенко гнал их обратно на Бакрадзе, — главные силы партизанского соединения со всем своим обозом спокойно прошли стороной на село Маняву.

От Манявы начался подъем к промыслам Биткув и Яблонов. Он оказался куда трудней, чем мы думали. Дорога вилась по лесистому склону крутизной в сорок пять градусов. С нами было более 300 подвод с грузом. Скоро все лошади стали мокрые, в мыле. Пришлось тащить на руках и повозки, и груз, и пулеметы, и орудия. Одна лошадь выбьется из сил, поскользнется, упадет, и вся колонна останавливается. Объехать повозку нельзя: дорога очень узкая, по существу, и не дорога даже, а тропа, и по обе стороны ее — крутой подъем, лес, камни, поваленные бурей деревья. Двигаемся, как по рву или оврагу.

Даже конные связные с трудом пробирались вдоль колонны, когда она двигалась по этой дороге...

Немцы, несмотря на всю суматоху, которую они подняли в окрестностях, вернее, из-за нее, прозевали наш выход в горы и обнаружили нас на склонах Карпат уже с воздуха».

Дальнейший подъем в горы проходил под непрерывными атаками вражеских самолетов. Фашистские летчики поливали колонну из пулеметов, засыпали осколочными бомбами. Появились жертвы.

«Собьем ружейно-пулеметным огнем одну машину, — продолжает далее Ковпак, — грохнется где-нибудь в горах, остальные отвяжутся, но ненадолго. Только успеем оттащить в сторону убитых лошадей, расчистить дорогу от раскрошенных повозок, как слышим — опять ревут самолеты, рвутся бомбы. Людям есть где укрыться — кругом лес, вековые деревья, а обоз все время под бомбами и огнем немецких штурмовиков. Чтобы спасти лошадей, стали при появлении авиации выпрягать их и втаскивать по крутым склонам в лес.

Так вот и двигались шаг за шагом к вершинам Карпат, острыми зубцами закрывавшим горизонт: поминутно выпрягали и запрягали испуганно упиравшихся лошадей, с лопатами и топорами в руках прокладывали себе путь по узкой дорожке, заваленной расщепленными деревьями, развороченной землей, расколотыми камнями, изрытой бомбами, да время от времени хоронили под гранитными глыбами кого-нибудь из своих боевых товарищей, павшего при очередном налете немецких бандитов, клялись отомстить врагу».

Подъем на первую карпатскую вершину высотой в 936 метров обошелся дорого: убито 10 и ранено 29 бой-

цов, погибло 148 лошадей, разбито много повозок, а сколько их еще было впереди — подъемов и вершин...

Гитлеровцы сумели несколько потрепать партизанскую колонну, но они были не в состоянии воспрепятствовать бойцам Ковпака выполнить главную задачу, поставленную перед ними командованием. Уже на следующую ночь все батальоны выслали группы подрывников для уничтожения нефтепромыслов. Карпаты озарились пламенем пожарищ, ночь превратилась в день. Несколько суток бушевал огонь на промыслах Биткува, Яблонова и других мест нефтяного района. Горючее всегда было больным местом фашистской Германии, и потому этот удар Ковпака оказался особенно эффективным: партизаны уничтожили сорок нефтяных вышек, сожгли 13 нефтехранилищ, три нефтеперегонных завода и один озокеритный, из двух взорванных нефтепроводов спустили в Быстрицу десятки тысяч тонн нефти. Промыслы, дававшие до ста тысяч тонн первоклассной нефти в год, перестали существовать!

Одновременно партизанские минеры подняли на воздух десять железнодорожных мостов, в том числе на таких важных перегонах, как Тéрнополь — Шепетовка, Тернополь — Проскуров, Стрый — Станислав, Станислав — Надворная, и около двадцати шоссейных. Попутно диверсионные группы вырезали более 50 километров телефонных и телеграфных проводов на 85 направлениях.

Блестяще проведенная операция по уничтожению прикарпатских нефтепромыслов навсегда останется одной из ярчайших страниц в истории партизанского движения советского народа в годы Великой Отечественной войны. Значение ее тем более велико, что осуществлена она была в канун одного из самых грандиозных и решающих сражений — битвы на Курской дуге, когда каждая бочка бензина ценилась гитлеровским командованием дороже золота, а каждый взорванный эшелон приближал на шаг «третий рейх» к его неизбежному концу.

Однако само соединение Ковпака оказалось в тяжелом, а с точки зрения фашистов — безвыходном положении. Ценой невероятных усилий партизаны проходили за ночь 5—6 километров. Немцы же, используя прекрасные шоссейные дороги, быстро блокировали все выходы из гор и начали сжимать кольцо окружения.

В своем отчете о рейде Ковпак позднее писал:

«Противник стремился закрыть все ходы и выходы на горных дорогах и ущельях, занять все господствующие высоты, на которых можно было бы предполагать наше движение.

Это лишало нас маневренности, тем более что целые дни нас сопровождала авиация противника. Лошади недоедали, по каменистой почве не могли ступать ногами. Пришлось применить войлок и ремни, но это мало помогало».

Партизаны вели тяжелые бои за каждую высоту, за каждую тропу. Все выше и выше подымаясь в горы, они прорывали одно кольцо вражеских войск и оказывались в новом.

В те дни ковпаковский минер и поэт Платон Воронько написал новую партизанскую песню, лучше многих подробных описаний рассказывающую о том, что довелось пережить участникам Карпатского рейда, уже тогда ставшего легендарным:

По высоким Карпатским отрогам,
Там, где Быстрица — злая река,
По звериным тропам и дорогам
Пробирался отряд Ковпака.

Он шумел по днепровским равнинам,
Там, где Припять и Прут голубой,
Чтобы здесь, на Карпатских вершинах,
Дать последний, решительный бой.

ПОЛОНИНЫ ВИДЕЛИ И СЛЫШАЛИ

Обложив соединение Ковпака со всех сторон, группенфюрер Крюгер не стал сразу предпринимать сколь-либо активных наступательных действий. Он знал, что в случае успеха лавры все равно достанутся не ему, а рейхсфюреру СС Гиммлеру, в случае же неудачи отвечать будет за нее он, Крюгер, а потому не спешил. На его стороне был фактор времени. Он ждал, когда партизаны израсходуют свои боеприпасы и продовольствие, чтобы взять их потом «голыми руками». Со своей точки зрения Крюгер действовал правильно, он не учел лишь одного: Ковпак и его партизаны были не из тех, кого можно «взять голыми руками». Потому-то его профессионально грамотный план в конечном счете и провалился. Но об

этом позже. Пока что Ковпаку и его штабу действительно приходилось изрядно ломать головы над проблемой: как вырваться из сжимающегося с каждым днем кольца вражеских частей.

Осунувшийся, усталый до предела Дед почти не спал эти дни. То и дело он вспоминал мудрую присказку Алексея Ильича Коренева: «До того, як зайти в церкву божу, подумай, як з неї вийти...»

Старик все понимал, как знающий врач понимает состояние больного. Оно крайне тяжелое, почти смертельное. Почти! Но именно в этом «почти» Ковпак и видел спасение. Они с Рудневым должны были превратить единственный остававшийся им шанс на успех в самый успех. Во что бы то ни стало! Иначе соединение погибнет в мышеловке. Еще раз — в который по счету! — они должны обмануть противника и спасти людей для дальнейшей борьбы. Было ли окружение в горах следствием каких-либо ошибок или просчетов? Нет! Даже не зная тогда ничего о личном приказе Гитлера, Ковпак хорошо понимал, что немцы не простят ему уничтожения нефтепромыслов, а потому «выйти из божьей церкви» на этот раз будет труднее, чем когда-либо раньше. Но он выйдет из нее, непременно выйдет!

...Старик сидит на камне и пристально всматривается в стоящего перед ним гуцула, приведенного разведчиками. Тот почему-то виновато переминается с ноги на ногу, вертит в руках заношенную крысаню — шляпу с рябеньким перышком удода.

— Ты, брат, чего сюда забрел? — голос у Деда обычный, ровный, разве что чуть усталый, с хрипотцой.

— Послали... — чуть слышно отвечает задержанный.

— Вот как... И кто же?

— Герман...

— Зачем?

— Велено мне передать партизанам, германы вас иначе как бандитами не называют, что, мол, крышка вам, деваться некуда. Так что, дескать, сдавайтесь, а то всех перебьют до единого. И еще — Ковпака с Рудневым, обоих передать герману живыми. Все...

Ни Дед, ни гуцул не расслышали шагов неизвестно откуда взявшегося Платона Воронько, этот подрывник и поэт умел ходить, как сова летает, — беззвучно. Воронько захватил последние слова гуцула, широкое добродушное лицо его исказилось гневом:

— Виноват, товарищ генерал, что вмешиваюсь, знаю, что не положено, но все же позвольте сказать пару слов этому! — он кивнул в сторону задержанного и, не дожидаясь Дедова согласия, выкрикнул:

— Значит, говоришь, нас к стенке, а Ковпака с Рудневым живыми немцу? Так? Ну а этого ты еще не видел? — И Воронько яростно ткнул под нос шарахнувшегося обладателя крысани огромную фигу.

— Видал ты такое, а? Так вот, погляди сам хорошенько и тем передай, кто тебя послал. Понял?

Так совпало, что в этот самый момент подошли комиссар, Панин, Базыма, Бакрадзе, Матющенко, у каждого у них было к Деду свое дело, но теперь все они, словно сговорившись и соревнуясь, совали под нос совсем опешившему гуцулу недвусмысленные комбинации из трех пальцев, приговаривая:

— И от меня!.. И от меня!.. И от меня!

Глядя на эту и смешную, и серьезную, и курьезную, и грозную сцену, Ковпак неудержимо расхохотался — впервые за много дней. Он уже давно сообразил, что перед ним никакой не лазутчик, не наемный агент гестапо, а обыкновенный трудовой крестьянин, схваченный карателями и до смерти запуганный. Что с таким прикажете делать? Не враг же он, свой, разве что страх ум отшиб на время. И Ковпак, разумеется, поступил с учетом всего:

— Понял, что к чему? — спросил он гуцула.

— А чего ж. Не дурной же вовсе, понять нетрудно, — ответил тот, несколько приходя в себя от испытанного потрясения.

— А раз так, будь человеком. Отпустим тебя по-хорошему, видим, что злого умысла у тебя против нас нет, просто немец страху нагнал. Оробел ты и пошел к нам с немецкой гадостью. Верно?

— Все как есть, господин...

— Ну-ну, давай без этого! Какой я тебе, к черту, господин, — нахмурился Дед. — Ты эти холопские штучки брось. Ты мне не слуга, а я тебе не пан. Мы с тобой единой крови люди — советской. Понял?

— Ваша правда, товарищ... — несмело отозвался крестьянин.

— И ты эту правду запомни накрепко, она самая главная. А теперь слушай... К немцам вернись. Мол, не повезло мне, не угодил я к партизанам. Ни с чем обрат-

но двинулся. Вот и все. И ни словечка им, гадам, больше. Понял?

— Спасибо, уразумел!

— Давай тогда поживее вниз отправляйся.

— Иду! — заторопился гуцул. — И хочу вам открыться, вон на той поляне, — он указал, — овец для вас наши пастухи припрятали. Целую отару. Вам на харчи. Еще там дуб здоровенный увидите. Так вы от него шагов двадцать на восход отойдите и сразу ж копайте: мы вам бочки с брынзой схоронили. Все. Прощайте, браты! — Гуцул низко поклонился, накрыл голову крысаней и исчез из виду: в горах человек скрывается из глаз мгновенно.

А Ковпак еще долго размышлял вслух: разве может немец на что-то рассчитывать и надеяться, воюя среди таких, как этот гуцул? Запугать некоторых — да, это ему под силу, но и только. Люди для вида, опасаясь верной смерти, повинуются оккупантам, иначе — пуля в затылок, смерть жены и детей. Фашист знает лишь этот закон, закон сильного, которому все позволено. Но он же, фашист, как раз этим самым себя и гробит, потому что люди на силу отвечают силой. Пусть даже вот так, как этот запуганный гуцул, — повиновением, за которым скрыто сопротивление. Старик усмехнулся и продолжил свою мысль: обречен немец, хотя сию минуту в этих горах не он, а Ковпак терпит бедствие. Если же глянуть в корень, то все наоборот.

Он знает, что можно физически истребить все соединение в нынешних условиях, к сожалению, война есть война, и даже самый гениальный полководец порою бессилен изменить необратимое. Тут доказывать нечего, да и не собирается этого делать Ковпак: он реалист и в чудеса не верит. Он в людей верит. И потому убежден: истребить всю живую силу отрядов враг все же не сможет: горы помешают. Укрытия спасают бойцов от бомб, а именно они сейчас страшны: чем еще достанешь человека, прячущегося за скалами и под ними, в расселинах и трещинах. Значит, главного немец не добьется — хоть и тяжкие потери несут батальоны, а все же боеспособности не теряют.

Не теряют, хотя уже в полной мере дает знать о себе новый грозный враг, с которым раньше ковпаковцам серьезно встречаться не приходилось, — голод. Продовольствие и фураж для коней были на исходе. В непри-

косновенном запасе Павловского оставалось лишь несколько мешков сахарного песка. Немецкие продовольственные склады там, внизу, в долинах, были пока недосягаемы. Выяснилось также, что обычные партизанские повозки для использования в горах непригодны. Недаром боец Гриша Дорофеев по прозвищу «Циркач» мрачно шутил: «Что такое Карпаты? Это часть земной поверхности, изуродованная до невозможности».

Следовало как можно быстрее приспособить партизанский обоз к этой самой «изуродованной поверхности». Мысль, как это сделать, пришла беспокойному помощнику Ковпака Павловскому: все парные телеги разрезали пополам, превратив тем самым каждую из них в две одноосные арбы. Тогда же Дед отдал приказ: для увеличения маневренности соединения беспощадно выбросить весь груз, без которого можно обойтись. Полетел в глубокую расщелину даже громоздкий автоклав. Хирурги соединения решили, что для обработки своих инструментов можно, в крайнем случае, обойтись обыкновенной кастрюлей.

Час от часу разведка доставляла Ковпаку все более тревожные вести: враг подтягивает все новые и новые части. По приблизительным расчетам, против партизан действуют 40—45 тысяч гитлеровцев, а по железной дороге Делятин — Ворохта продолжают прибывать эшелоны с живой силой и техникой. С запада в долину Быстрицы рвутся 6-й полк СС, подразделения дивизии СС «Галичина», «Татарский легион» и другие пока не опознанные части. В районе Калуш — Солотвино — Станислав заняли оборону 13-й охранный полк СС и, хотя потрепанный уже ковпаковцами, но все ж недобитый 4-й полк СС. Сильные вражеские заслоны прикрывают шоссе Борислав — Дрогобыч. И вся эта сила нацелена на полторы тысячи советских партизан, из которых к тому же около двухсот — раненые!

Ковпак искал выхода. Не метался, не паниковал. Он умел быть терпеливым. А пока что они с Рудневым и Паниным... созывают собрание. Командование решило именно сейчас, в самой тяжкой обстановке, отправить на родину — в Венгрию — группу бойцов, бывших мадьярских солдат, перешедших на сторону партизан еще на Брянщине. Случай удобный — до старой границы с Венгрией рукой подать. Самый раз переправить туда выучеников Деда, чтобы продолжить начатую в рядах со-

ветских людей борьбу с фашизмом, помочь своему отечеству в ликвидации режима гитлеровского ставленника, сухопутного адмирала Хорти. Семен Васильевич Руднев 25 июля записал в своем дневнике — это была его последняя запись:

«Сегодня снарядили и отправили 8 пленных мадьяр... В ротах сделали проводы, проинструктировали их и со своими проводниками направили до границы. Этому делу мы придаем большое политическое значение, потому что людей, которые были у нас в плену целый год, мы достаточно воспитали».

Восемь пленных мадьяр действительно прошли в соединении большую жизненную и политическую школу. Все они стали с братской помощью советских людей настоящими интернационалистами, зарекомендовали себя храбрыми партизанами. Товарищей по борьбе проводили тепло. Пожав всем в последний раз руки, Дед сказал просто и душевно:

— Верим вам и знаем: не подведете ни себя, ни нас. В добрый час, товарищи!

...Партизаны вырвались из очередного вражеского кольца. После изнурительного марша они пробились с боями к селу Поляница, расположенному всего в двух километрах от границы с Чехословакией. И обнаружили: все господствующие высоты уже заняты противником.

Кони настолько вымотались за последние недели, что уже не могли тянуть тяжелые орудия и минометы. И Ковпак с тяжелым сердцем принял горькое, но единственное решение: уничтожить тяжелое вооружение. Даже не ругаясь, а лишь поскрипывая зубами, как от нестерпимой боли, он спросил начальника артиллерии Анисимова, сколько осталось боеприпасов. Тот ответил, что полтора «бе-ка» (то есть по полтора боекомплекта). Дед рассердился:

— Ты мне человеческим языком отвечай, бо, может, это твой последний артиллерийский день.

— По сто восемьдесят снарядов на орудие.

На коротком собрании всего командного состава соединения Руднев огласил это решение. Потом сказал, сдерживая волнение:

— Товарищи командиры! Мы собрали вас не для обсуждения приказа, а чтобы выслушать ваши предложения, как его лучше осуществить. Всякая дискуссия, бросать или не бросать орудия, минометы, обоз, сейчас недо-

пустима. Главное — вывести людей из окружения, вынести раненых.

Командиры высказались. Последним говорил Ковпак:

— Прежде чем взорвать орудия, минометы и станковые пулеметы, мы должны взять от нашего оружия все, что оно может дать. Враг может поверить, что мы любой ценой будем прорываться в Поляницу. Нам нужно, чтобы он стянул в село как можно больше своих войск. Чем больше их там будет, тем меньше — в Делятине.

В течение дня боеприпасы и продовольствие навьючить на лошадей, посадить всех раненых, кто может ехать верхом. Ночью прорываемся на юг. Все, что не можем унести с собой, — уничтожить! Перед батареей задание: с закрытых огневых позиций уничтожить опорные пункты врага на высотах. Ни один снаряд не должен быть выпущен зря! Нужно уничтожить как можно больше немцев, чтобы помочь вырваться группе Горкунова, которая уже бьется к югу от Поляницы. После того как снаряды будут расстреляны, пушки и минометы взорвать.

Как никогда, стреляли в тот день артиллеристы и минометчики Ковпака! Впервые били они по врагу, не жалея снарядов. Немецкие орудия, пытавшиеся было отвечать, были быстро подавлены, и тогда партизаны перенесли огонь на живую силу противника.

Когда последние снаряды и мины были выпущены, к орудиям и минометам привязали толовые шашки. Бойцы подожгли бикфордовы шнуры и, сняв шапки, отошли в сторону... Прогремели взрывы, и все было кончено. Артиллеристы Ковпака стали пехотинцами.

У Деда внезапно ослабли ноги. Он присел на траву и долго сидел молча, не стыдясь слез...

Той же ночью внезапным штыковым ударом партизаны прорвали очередное кольцо врага и двинулись к горе Шевка, куда уже спешил 26-й полк СС. Ковпаковцы пришли первыми.

Совершенно измотанные двумя сутками непрерывного марша и недоеданием, партизаны расположились в давно осыпавшихся и поросших травой окопах времен первой мировой войны, отрытых когда-то здесь русскими солдатами. Руднев, Ковпак, Базыма и еще несколько командиров долго стояли над этими бывшими траншеями, давным-давно покинутыми людьми и забытыми. Дед, обнажив голову, как на кладбище, застыл на месте, охва-

ченный воспоминаниями своей солдатской молодости, часть которой пришлась и на эти окопы. Сейчас он весь был во власти прошлого, это понимали и Базыма, и Руднев, и все остальные. Базыма — тот в особенности.

— Брата моего немецкое железо тут где-то навек уложило, — скорбно и устало произнес он, ни к кому не обращаясь...

Утром немецкие цепи пошли в атаку. Кроме эсэсовцев, здесь были и горные стрелки с изображением цветка эдельвейса на касках. Их встретили сверху смертоносным огнем. Два дня продолжался ожесточенный бой. Противник при поддержке эскадрильи бомбардировщиков непрерывно атаковал с трех сторон, и каждый раз его сбрасывали вниз. На склонах Шевки оставались только немецкие трупы...

На третьи сутки вражеский натиск ослаб. Но Ковпак не обманывал себя, знал, гитлеровцы подтянут подкрепления, замкнут кольцо окружения вокруг Шевки, и тогда уж действительно конец всему. Боеприпасы у бойцов на исходе, продовольствия нет вовсе, Павловский уже роздал бойцам последнее — по нескольку горстей сахарного песка. Нужно немедленно уходить, причем не прорываться с боем, а незаметно, скрытно от врага, чтобы оторваться от него без потерь и расхода патронов.

Посланные в поиск разведчики пришли обескураженные: никому из них не удалось отыскать ни дороги, ни даже звериной тропы. Нашел ее Дед. Как это было, описал помощник подполковника П. Вершигоры капитан И. Бережной:

«Выслушав доклад разведчиков, Ковпак долго рассматривал карту, а затем уверенно сказал:

— Дорога должна быть! В первую мировую я сам ее строил. Пойдем шукать.

Сидор Артемьевич шел впереди с длинной суковатой палкой. Он легко скользил по склону горы и молодцевато пробирался сквозь кустарники. Мы еле поспевали за ним. Временами командир останавливался, посматривал по сторонам, сверялся с картой. Казалось, и на этот раз поиски бесполезны. Но вот Ковпак остановился, внимательно осмотрелся и, сняв шапку, бахнул о землю.

— Шоб я вмер, она! — сказал он, повеселев.

Мы удивленно смотрели на улыбающегося старика. Дороги не было.

— А где же дорога, Сидор Артемьевич?..

— Ось вона, — притопнул Ковпак. — Я на ней стою. Эх вы, разведчики, смотрите туда!

Мы подняли головы и посмотрели в том направлении, куда указывал командир. Вверху, среди вековых грабов угадывалась просека.

— Почти двадцать пять рокив минуло, как мы проложили этот путь, — пояснил Ковпак. — Дорога заросла молодняком, а эти деревья не подвели меня, старика.

Присмотревшись внимательно, мы увидели на откосе горы карниз давно заброшенной и заросшей кустарником дороги.

— Этой тропы ни на одной карте нет. Не знают о ней и немцы. Здесь пойдем, — сказал Сидор Артемьевич».

Ночью партизаны исчезли с вершины Шевки. Ведя под уздцы несколько десятков уцелевших лошадей с вьюками, они перебрались на соседнюю гору. А утром немцы обрушили на Шевку сильнейший бомбовый удар, после чего успешно атаковали... пустые окопы. Уничтожить соединение Крюгеру не удалось и в этот раз. И все же обстановка накалилась нестерпимо. Дед чувствовал, еще немного — и конец всему. То, чего не смогли добиться каратели бешеными атаками, непрекращающимися свирепыми бомбардировками с воздуха и огнем артиллерии, — то сделают голод, изнеможение, усталость, вода отравленных колодцев, пустеющие диски автоматов и пулеметов. Гитлеровцы, несмотря на все неудачи, уверены, что соединение доживает последние дни. Не случайно последнее время они сыплют с самолетов не только бомбы, но и листовки. Дед вертит в руках одну такую, за подписью СС и полицейфюрера «дистрикта Галичина»:

«Українці, поляки, росіяни, татари, грузини і казахи — банди Колпака!

Мені відомо, що ви не з доброї волі е на службі цієї банди, а вас присилували до цього командири, комісари та політруки Колпака. В той час, коли Колпак з своїм штабом охороняє жидів, в той саме час, коли вони постійно краще за вас їдять, вбираються та в своїх шатрах п''ють горілку і забавляються з жінками, ви мусите за них боротися та жертвувати своїм життям. Ви не маєте ні чистої білизни, ні в що одягнутися. Не досить, що ви терпите голод, то ще до того б''ють вас командири Колпака, якщо ви не хочете далі посуватись.

Я вас питаю: чому?

Вас оточено!

Виходу вам нема!

Харчів і бойових припасів вам ніхто не може більше поставити.

Наша тяжка зброя і літаки всіх вас до одного знищать!

Тому я закликаю вас: покиньте Колпака разом з його командирами, комісарами, політруками та жидами напрязволяще! Кидайте вашу зброю і вступайте в наші ряди! Не вірте в то, що вам брешуть ваші політруки, що в нас ожидае вас смерть, це неправда. У нас одержите працю, хліб і одежу.

Вас не будуть карати, оскільки ви добровільно нам здастеся!

Цей заклик служить як виказка, яку належить заховати і предложити нашим бойовим частинам».

Дед не заметил даже, как обронил на каменистую землю подлый листок. Он думал о тех, кто никогда уже не вернется с этих гор в родные дома: заместителе комбата Подоляко, побратимах-разведчиках Черемушкине и Чусовитине, одними из первых получивших ордена Ленина, о своем пятнадцатилетнем связном, комсомольце Михаиле Кузьмиче Семенистом, которому всего месяц назад были вручены орден Отечественной войны I степени и партизанская медаль, о десятках других бойцов и командиров, уже павших в Карпатах... Думал и о тех сотнях партизан, которых он должен вырвать у смерти для дальнейшей борьбы с лютым врагом.

Они сидят втроем. Ковпак и Базыма уже старики, Руднев — в самом расцвете зрелости. Такие разные и такие близкие друг другу. У всех троих на уме одно: где прорываться? И принимают знаменитое решение — рвать вражеское кольцо в Делятине, главном опорном пункте врага в этом районе Карпат, где немцы удара не ждут. В Делятине штаб генерала Крюгера. Делятин — крупный узел шоссейных дорог и «железки», которая ведет в Венгрию. В Делятине шесть мостов. Разгром гарнизона и подрыв мостов парализуют на какое-то время движение на всех магистралях, деморализуют врага, дадут возможность партизанам оторваться от преследования.

Ковпак подвел черту:

— Значит, решено: прорыв и штурм! Раз так, давайте, хлопцы, к людям пойдем. Нехай не только из нашего

боевого приказа, а и от самих нас услышат они, что им сделать предстоит. Потому что тут либо смерть, либо жизнь. Правду им всю скажем, так?

Базыма и Руднев, подымаясь, молча кивнули. Сосредоточенные, напряженно спокойные, все трое отправились в роты и батальоны. Впервые за всю историю соединения бойцам предстояло узнать от своих командиров о предстоящей важнейшей операции. Ковпак видел ее всю так, словно она уже совершалась на его глазах. Дед жил сейчас этим будущим боем, дышал его воздухом, чутко улавливал ему одному доступные ритмы сражения, слушал его пульс и ни на миг не выпускал из цепких рук туго натянутые ремни управления этим кажущимся хаосом, а на самом деле — стройным и организованным, до мелочей продуманным единоборством сил.

Атаку на Делятин он видел молниеносной, разящей, как точно нацеленная стрела. Ошибки тут быть не могло: расчет, расчет и снова расчет...

И вот уже подписан боевой приказ:

«Действия командиров и бойцов должны быть решительны и четки. Всему личному составу усвоить, что поставленную боевую задачу надо выполнять до тех пор, пока в подразделениях есть хотя бы один человек, способный драться. Все стремления всех должны быть только вперед».

— Вперед, навстречу наступающей Красной Армии! — вдохновенно призывал в ночь перед штурмом Руднев верхом на коне, у дороги, по которой проходила перед ним колонна...

МЕРТВЫЕ ОЖИВАЮТ

Победный и трагический делятинский бой... Около 500 гитлеровцев уничтожили партизаны в ночь с 3 на 4 августа 1943 года. Семьдесят один боец и командир сложили в нем свои головы. Семьдесят вторым стал комиссар...

Впервые за два года соединение понесло такие тяжелые потери. Правда, сам город был взят почти без сопротивления, все железнодорожные и шоссейные мосты вокруг него взорваны, штаб Крюгера уничтожен, самому генералу лишь каким-то чудом удалось бежать в броневике, в спешке он не успел даже надеть свои брюки

с лампасами — их потом донашивал кто-то из автоматчиков.

Кровавый и жестокий бой закончился, безусловно, победой партизан и все же стал неудачей, потому что разорванное было вражеское кольцо вновь оказалось сомкнутым на другом берегу Прута.

Непредвиденное случилось именно там: головная ударная группа под командованием Руднева нарвалась на свежий немецкий горнострелковый полк, спешивший на помощь делятинскому гарнизону, которого к этому времени уже не существовало. С горечью и болью Вершигора писал много лет спустя:

«Встречный бой!

Эти два слова часто повторялись Ковпаком на совещаниях, на командирских разборах. Лицо Руднева при этом всегда становилось суровым.

Встречный бой за Делятином — это была его роковая ошибка.

Как часто вспоминаю я первое знакомство с этим богатырем русского народа и его слова: «И мертвым не прощаем ошибок».

Дорого дали бы мы, ковпаковцы, да и не только мы, чтобы ты не ушел тогда вперед, после делятинского боя. Живой, заблуждающийся, даже в своей ошибке прекрасный и самоотверженный!

«Мы и мертвым не прощаем ошибок», — учил ты нас, но тут я не могу следовать твоему правилу. Мы простили бы тебе еще многое, не прощаем одного: зачем ты ушел вперед? Ушел и погиб, умный, талантливый человечище, комиссар моей жизни, Семен Васильевич!

А больше всего не прощаем этого себе.

Встречный бой! Встречный бой был навязан нам врагом сразу же за Делятином.

Не в стройной колонне, шедшей на марше в боевом порядке, пришлось комиссару принять этот бой. Партизаны выходили из Делятина, как всегда из боя, отдельными группами: командиры растеряли своих бойцов, бойцы шли без командиров. Только небольшая группа в пятьдесят-семьдесят человек — в основном из рот Горланова и Бакрадзе — двигалась впереди. Их объединил и повел вперед Руднев».

Они, эти герои, и приняли на себя страшный удар почти тысячи солдат горнострелкового полка. Первый же залп гитлеровцев сразил Сергея Горланова вместе с

семью бойцами. Руднев с группой из восемнадцати бойцов, включая медсестру Галю Борисенко, прикрыл собой движение колонны...

Последней шла группа Вершигоры, удерживавшая до последней минуты мост через Прут. Ни сам Петр Петрович, ни его бойцы ничего о том, что произошло на другом берегу, не знали и были убеждены, что комиссар уже соединился с основными силами отряда, которые вел Ковпак.

Эта группа нагнала своих в урочище Черный поток к вечеру. Петр Петрович Вершигора оставил нам описание этой встречи:

«Я отрапортовал командиру, лежавшему у костра. Он выслушал меня, полулежа на земле. Сзади стояли Базыма и остальные штабники.

— Ладно, ступай, — устало сказал Ковпак.

Я подошел к Базыме и тихо спросил:

— А где комиссар?

— Так вин же с тобой, Петро, — хрипло сказал Сидор Артемьевич.

Я взглянул на Базыму. Начштаба, схватив левой рукой тонкую грабовину, смотрел на меня в упор, не моргая.

— Как со мной?

— С тобой, говорили хлопцы! — крикнул Ковпак.

— А я думал — с вами, — с ужасом, начиная понимать, какое лихо стряслось над нами, прошептал я.

Ковпак рывком подошел ко мне.

— Ты що мелешь? Говори толком! — вдруг вспыхнул Ковпак.

Только в первый раз за полтора года он говорил эти гневные слова шепотом. Я почувствовал, что он держит меня за шиворот, и трясет, и ругается умоляюще и безнадежно.

Затем, отпустив меня, командир зашагал прямо мимо костров, мимо бойцов и скрылся в лесу.

— Нет комиссара с нами, — шепнул мне Базыма.

Я много видел горя на своем веку... Я видел скорбь людей в жизни и изображение ее на полотнах мастеров, но лицо Григория Яковлевича, освещенное догоравшим костром, врезалось мне в память на всю жизнь. Теперь уже не было надежды. «Комиссара нет с нами...» — говорили глаза, морщины, губы Базымы. «Нет Семена Васильевича! Нет!»

Но отряд был жив. И надо было жить, бороться, двигаться дальше».

Эти строки Вершигора писал спустя годы, когда уже найдены были с помощью местных жителей останки Руднева и павших вместе с ним восемнадцати бойцов. Но тогда, после боя, ни он, ни Ковпак, ни Базыма, никто другой в отряде не верил в гибель комиссара, встречи с ним ковпаковцы ждали еще многие недели... В записи о делятинском бое начальник штаба Базыма, имея в виду Руднева, избег слова «убит»:

«Как выяснилось впоследствии, противник до 24.00 3.8.43 с направления гор. Делятин и Коломыя в районе села Белые Ослава подбросил живую силу на 96 автомашинах, общей численностью до 1000 человек, где и занял оборону. Данные такой обстановки для командования в/части были совершенно неожиданны. В бою 4.8.43 пал смертью храбрых комиссар 4 СБ т. Шульга и пропал без вести комиссар в/части генерал-майор т. Руднев Семен Васильевич...

Всего в бою под Делятином и в самом городе уничтожено солдат и офицеров противника 502 человека, автомашин — 85, танков — 2, мотоциклов — 3, велосипедов — 2, складов — 2, гаражей — 1, железнодорожных станций — 1, железнодорожных эшелонов — 1, железнодорожных мостов — 2, шоссейных мостов — 3. Взято трофеев: минометов — 2, станковых пулеметов — 5, ручных пулеметов — 10, винтовок — 15, пистолетов — 35, патронов — 11 000».

Глядя на удаляющуюся фигуру командира, Вершигора машинально отметил, что командир сильно хромал. Ковпак, ни разу за два года войны в тылу врага не раненный, на этот раз был тоже задет немецкой пулей. Зная, как тяжело переживает отряд утрату комиссара, он счел нужным скрыть от всех свое ранение. Лишь выйдя из боя, он подозвал к себе Матрену Павловну Бобину.

— Пойдем.

В лесу Сидор Артемьевич скинул заскорузлые от крови генеральские галифе. Бобина вскрикнула испуганно, запричитала:

— Ой, товарищ командир, Сидор Артемьевич! Пропадем мы без вас!

Ковпак оборвал ее:

— Перевязывай!

Перестав плакать, лишь всхлипывая порой, она обмыла рану, обработала ее и перевязала. Успокоила, что кость не задета, но крови вышло много. Ковпак только молча кивнул головой — это он и сам знал.

Полежав несколько минут, Дед вытащил из кобуры пистолет и сунул под нос растерявшейся Бобиной.

— Видала? Слово кому пикнешь — шлепну. Понятно?

Несколько месяцев спустя в освобожденном Киеве генерал Строкач бросил в адрес Вершигоры упрек: «Ковпак был ранен... Как, вы не знали?.. Неужто скрывал от всех? Ах, старик... Какой старик! Кремень! Здорово...»

Разгром делятинского гарнизона, подрыв мостов и станционных сооружений ввергли фашистское командование в состояние шока. Когда же генерал Крюгер вновь обрел способность отдавать осмысленные приказы, он обнаружил, что произошло... «чудо»: партизанское соединение, прижатое к Пруту, вдруг бесследно исчезло, словно провалилось сквозь землю. «Чудо», разумеется, имеет вполне рациональное объяснение: убедившись, что всем соединением вырваться из окружения не удастся, Ковпак принял решение соединению разбиться на несколько групп, разойтись в разных направлениях, просочиться незаметно в стыках между частями противника и соединиться затем в условленном месте. Продуманы были и звездные маршруты, распределены оружие, боеприпасы, остатки продовольствия. Штаб принял следующее решение: 2-й, 3-й и 4-й батальоны выходят из окружения побатальонно, 1-й, самый многочисленный батальон — тремя группами.

Первую группу поведут Ковпак с Базымой, вторую — Матющенко, третью — Павловский с Горкуновым, четвертую — Кульбака со своим штабом, пятую — Кудрявский и Воронько, шестую — Вершигора с Войцеховичем. Раненых, не способных идти, решено было оставить в районе урочища Могер — Осередок под прикрытием роты Курочкина.

5 августа в урочище Черный поток Ковпак подписал приказ № 406 о выходе из окружения шестью группами, Базыма сжег в костре второстепенные штабные документы, Войцехович разбил о пень старенькую пишущую машинку...

Последнее совещание командиров. Наступает время прощаться. Все сидят молча, погрузившись в не очень

веселые мысли. Голос Ковпака нарушил гнетущую тишину:

— Що зажурылись, хлопцы? Выполняйте приказ! Выполняйте по совести, как положено коммунистам!

Командиры разошлись. Той же ночью группы выступили в поход по определенным для каждой маршрутам, чтобы через несколько недель прийти к месту сбора — хутору Конотоп в районе Олевск — Сарны в южном Полесье.

250 километров шли ковпаковцы на север, с неуклонной точностью и решительностью выполняя боевой приказ. И сам Дед, и другие командиры были абсолютно уверены, что любой ценой и он, и все хлопцы сойдутся в условленном месте, разве что кто ляжет костьми по дороге — тогда с них нет спроса. А живы будут — встретятся. И не случайно вспоминали потом участники Карпатского рейда народную легенду о богатыре, расчлененном на части вражеским мечом, но вновь сросшемся при окроплении живой водой. Для своих людей старик и был этой живой водой.

Ничего другого не оставалось гитлеровцам, как выдать желаемое за действительное: они объявили населению, что соединение Ковпака уничтожено, что удалось бежать лишь самому Ковпаку с горсткой бойцов. Но сами-то они прекрасно знали, что «мертвые» партизаны живы, продолжают действовать так, словно каждой группой командует Ковпак, и не прекращали бесплодного преследования. Бесплодного, потому что хотя немцы и нанесли в последующие недели некоторые потери партизанам, но ни одно ковпаковское подразделение уничтожить им так и не удалось. Характеризуя выход из окружения несколькими группами, сам Дед потом писал: «...соединение вышло в разных направлениях. Этим маневром мы преследовали цель рассеять противника, надвигавшегося на соединение. Движение в разных направлениях привело в движение и противника. Он искал и никак не мог найти главную группировку. Он метался из стороны в сторону, перебрасывал свои части с места на место...»

Чтобы сбить гитлеровцев со следа, партизаны долго петляли вблизи Карпат по территории Станиславской, Тернопольской, Каменец-Подольской и Львовской областей, громя небольшие гарнизоны противника, уничтожая фольварки, имения, склады. Каждой группе предстояло

пройти до места сбора 700—800 километров, и, сложенные вместе, эти километры означали для гитлеровцев сотни убитых солдат и офицеров.

Оккупационные власти вынуждены были сознаться, что поспешили объявить Ковпака и его партизан уничтоженными. Именно так население расценило очередную фашистскую листовку, датированную 17 августа:

«Оголошення

14-го серпня 1943 року, в лісі на захід вид Збржижа був разпізнанни ватажок Колпак з його штабом та супутниками. Остаток бандитів з Колпаком передвинулись на схід від Збржижа.

Запрошуеться все населення про місце знаходження цієї банди повідомити в місцеву поліцію.

Тому, хто зловіть чи видасть Колпака для влади — буде видана премія в розмірі 50 000 райхсмарок.

Крім цого, кожен, хто скаже де бандити находяться, і як за їх вказанням вони будуть зловлені, отримае натурою премію.

Особі примети Колпака: приблизно 65 років, найменший ріст 170—172 сантиметра, біла повна борода, військова коротка куртка (фуфайка), короткі штани (бриж) обшиті шкірою, без знаків отлічія.

Округовий комісар Шорер».

Объявленные премии гитлеровцам так и не пришлось никому вручить — ни деньгами, ни натурою. Желающих оказать им содействие в поимке Ковпака среди населения не нашлось. Правда, по настоянию своих соратников Ковпак сбрил бороду и сменил папаху на соломенную гуцульскую шляпу. Любопытно, что, не сговариваясь между собою, во всех группах нашлись партизаны, в основном немолодые, отрастившие точь-в-точь Дедовы бородки. В результате и прокатилась по Украине, сбивая немцев с толку, легенда о вездесущем Ковпаке, которого видели люди в десятках разных мест одновременно.

Преодолевая тысячи препятствий, партизаны пробирались и пробивались к Олевску. Этот долгий путь стоил Ковпаку и его людям таких жертв и тягот, какие только бывают на войне. Дед писал в этой связи так:

«Крупные группы тяжелыми боями отвлекали внимание немцев на себя, а тем временем остальные группы совершали диверсии и скрытно продвигались вперед. Вот когда сказалась партизанская спайка! Много раз за два

года борьбы в тылу врага наши бойцы и командиры проходили тяжелые испытания, но самым тяжелым испытанием был этот поход разрозненных групп».

Уже после войны старик часто повторял, что нет на свете такого металла, из которого следовало бы отлить памятник его хлопцам за все, что они пережили, вынесли, одолели, превозмогли — и победили! Что, даже валясь с голоду, они не то что не коснулись пальцем, но и помыслить не могли о том, чтобы отобрать что-либо съестное у населения.

И в добрые, и в худые времена Дед учил и бойцов и командиров:

— Человек живет один раз, а дело его вечно. И единожды только стоит ему обидеть другого человека, чтобы его жизнь была испачкана. Такое бывает, если партизан возьмет что-либо у населения. Даже самую малость — дело не в том, сколько и чего. Дело в факте, его быть не должно. Если все же случится такой грех, прощения нет ему. Прошу это запомнить, ежели кто иной раз подумает, что война — она все спишет. Война зла не списывает!

Даже в самых критических ситуациях партизаны продолжали свято соблюдать «приказ двести». Привыкшие всегда и во всем опираться на поддержку народа, они и сейчас ощущали ее каждодневно, каждочасно. Если партизану нужно было укрыться на время, он мог смело остановиться в любом селе, зная, что найдутся для него и крыша над головой, и кусок хлеба, и доброе слово. Десятки раненых были оставлены в крестьянских селах — все они получили посильную медицинскую помощь, ни один не был выдан оккупантам или их пособникам. С гордостью и благодарностью Ковпак писал: «Как много значила для нас тогда эта самоотверженная, трогательная любовь народа к людям, которые смело боролись против немецких захватчиков! Мы чувствовали ее на каждом шагу. Бывало, сидит группа партизан в глухом лесу вокруг костра, проходит мимо гуцул с вязанкой хвороста, остановится, поговорит, пожелает счастья, а спустя час-другой возвращается с мешком картофеля и просит еще извинить его, что «куш» бедный — больше ничего нет».

Около двух месяцев шли ковпаковцы к месту сбора. Самую большую группу вели Вершигора и Войцехович: в ней насчитывалось несколько сот человек. Не раз нем-

цы окружали ее, зажимали в клещи, загоняли в непроходимое, казалось бы, болото. Но Вершигора, по его собственному выражению, не зря провел полтора года в «партизанской академии Ковпака». Каждый раз он успевал увести свой отряд буквально из-под носа фашистов, нанеся ему еще при этом и чувствительные потери.

23 сентября встретились у местечка Городница Житомирской области группы Ковпака и Вершигоры, через несколько дней к ним присоединился и батальон Матющенко. 1 октября все они уже были на хуторе Конотоп, где их поджидала пришедшая раньше всех группа под командованием Бройко. Следом начали подходить остальные подразделения и отдельные бойцы, почему-либо отбившиеся в пути от товарищей.

Не всем ковпаковцам суждено было снова встретиться с боевыми товарищами. Значительные потери понесла группа Бережного. По дороге к Днестру она натолкнулась на засаду. В бою несколько партизан были убиты, тяжело ранен сын комиссара Радик Руднев. Его укрыл в своей хате крестьянин села Слободка Алексей Кифяк. Выходить Радика не удалось — через несколько дней он умер от заражения крови.

Не вернулся с Карпат самый своенравный, но и самый отважный из ротных командиров — Федор Карпенко.

Последним явился на хутор начальник штаба. Оторвавшись после одного из боев от Ковпака, Базыма пробивался на тачанке с четырьмя товарищами. Уже на подходе к Шепетовским лесам он напоролся на засаду националистов. Минер Давыдович и фронтовой кинооператор Вакар в схватке были убиты, а Базыма тяжело ранен в голову. Погибли и лошади. Оставшиеся невредимыми бойцы Денис Сениченко и Петр Бычков несколько сот километров несли на руках Базыму и мешок со штабными документами. И вынесли!

К середине октября на хуторе Конотоп, всего в нескольких километрах от того самого села Глушкевичи, из которого соединение отправилось в легендарный рейд, собрались почти все ковпаковцы, которым суждено было вернуться с Карпатских гор. По соседству с ними базировались старые боевые друзья: партизаны соединений Сабурова и Бегмы, белорусских отрядов. С ними была сразу же установлена связь.

Ковпак с радостью и облегчением встречал каждую прибывавшую группу своего расчлененного войска, любов-

но вглядывался в дорогие лица, веря и не веря, что снова видит их, прошедших тысячи смертей. Он подавлял крик души, не обнаруживая среди них то того, то другого, то третьего. Он плохо спал, вернее — почти не спал. Вершигора, особенно сблизившийся с Ковпаком за последние недели, ловил старика на том, что тот все ждет кого-то и никак не может дождаться. И мучается неизвестностью, и места себе не находит, но и надежды упорно не теряет. Вершигора понял, кого так страстно выжидал командир: Руднева. А того все не было и не было. Его и не могло быть — из могил не встают. Но эти двое — Ковпак и Руднев — не могли мыслить друг друга мертвыми. И старик ждал...

Близилась годовщина Октября.

Ломая упорное сопротивление врага, Красная Армия наступала на всех фронтах. Уже были освобождены Мариуполь, Смоленск, Чернигов, Запорожье, Днепропетровск. Широким фронтом был форсирован на огромном протяжении Днепр. Потерпели крах надежды гитлеровского командования удержаться на линии великой украинской реки.

Было о чем рапортовать и украинским партизанам. Привыкший подводить в канун праздника итоги боевой или трудовой деятельности, Ковпак сел за составление отчета о Карпатском рейде. Закончив его, старик оторвал глаза от густо исписанных страниц и замер, глядя куда-то далеко-далеко... Застыл, безмолвный, сосредоточенный и торжественный. Таким его еще никогда не видели ближайшие помощники. Видимо, действительно, прочитанное было поражающим, если даже такой архитрезвый и рассудительный, такой скептический и осторожный в выводах человек, каким был Ковпак, изумился всей громадности содеянного его же соединением! Этим своим торжественным молчанием Дед как будто отдавал последние воинские почести павшим своим сыновьям — да, именно сыновьям — бойцам и командирам, шедшим в огонь и воду за ним, за комиссаром, за своей собственной совестью.

В рапорте Верховному Главнокомандующему генерал-майор С. А. Ковпак писал:

«Сообщаю коротко результаты четырехмесячного боевого рейда.

Партизаны пронесли знамя Советской власти там, где в течение 2 лет не ступала партизанская нога. За 4 ме-

С. А. Ковпак на берегу Тетерева (март 1943 г.).

Д. С. Коротченко,
С. В. Руднев
и Т. А. Строкач
(зачитывает указ)
вручают партизанам
ордена и медали.

«Перекур!» На конях
(слева направо):
М. Зезюлин, Герой
Советского Союза
А. Ленкин
и С. Тутученко.

Д. С. Коротченко, С. А. Ковпак и С. В. Руднев перед форсированием Припяти (1943 г.).

Вручение знамени ЦК ВЛКСМ.

Заседание партизанского штаба

Взяли пленных.. Впереди идет Я. Г. Панин.

Командир Первой Украинской партизанской дивизии имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака Герой Советского Союза П. П. Вершигора.

С. В. Руднев с сыном Радиком перед Карпатским рейдом.

Ковпаковцы в Карпатах (1943 г.)

С. А. Ковпак
(1944 г.).

Группа командиров Первой Украинской партизанской дивизии. В первом ряду слева направо: Герои Советского Союза С. Тутученко, А. Ленкин, П. Вершигора, корреспондент «Правды» Л. Коробов, Герой Советского Союза В. Войцехович, И. Юркин. Во втором ряду между П. Вершигорой и Л. Коробовым — Герой Советского Союза Д. Бакрадзе.

С. А. Ковпак во время Карпатского рейда беседует с крестьянами.

Командование Первой Украинской партизанской дивизии Слева направо: комиссар Н. А. Москаленко, начальник штаба В. А. Войцехович, командир дивизии П. П. Вершигора, помощник командира по комсомолу М. В. Андросов (1944 г.).

Командир 3-го полка дивизии Герой Советского Союза П. Е. Брайко.

Еще одна переправа...

С. А. Ковпак в послевоенном Киеве.

Бюст Ковпака работы скульптора К. В. Диденко.

▶

Памятник погибшим партизанам-ковпаковцам в Яремче. Скульптор В. Бородай, архитекторы С. Тутученко и А. Игнащенко.

С. А. Ковпак в Верховном суде УССР (1947 г.).

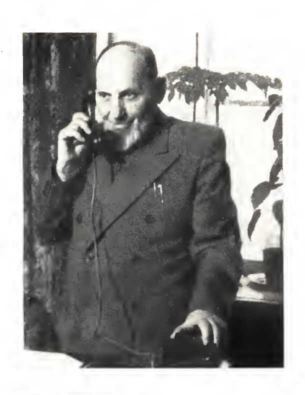
Встреча ветеранов после войны: бывший командир Кролевецкого отряда В. М. Кудрявский (справа) и командир роты А. Ф. Борисов.

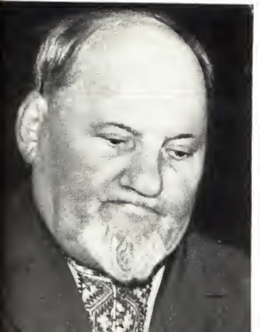
С. А. Ковпак и бывший разведчик отряда, кандидат исторических наук В. А. Зеболов.

С. А. Ковпак и Пальмиро Тольятти.

С. А. Ковпак
в рабочем кабинете.

Последняя
фотография
С. А. Ковпака

В саду на даче

Памятник С. А. Ковпаку
на Байковом кладбище в Киеве.
Скульптор Ф. Коцюбинский,
архитектор Г. Урусов.

сяца с боями пройдено 4000 километров, по нескольку раз форсированы реки Случь, Горынь, Збруч, Днестр, Прут и др. Занимались города: Скалат, Солотвин, Большовцы, Яблонов, Делятин, Городница и много крупных населенных пунктов.

По всей Восточной Галиции, от Тернополя до Карпат, нарушена нормальная работа транспорта, выведено из строя крупное сельское хозяйство, фольварки и лигеншафты, сорван сбор немцами налогов с молока, мяса и других продуктов. Нанесен удар по нефтяным промыслам».

Затем Ковпак перечисляет уничтоженное в Галиции. В длинный список, помимо разрушенных нефтепромыслов, вошли следующие объекты: железнодорожные мосты — 14, длиной 1166 погонных метров, мосты на шоссейных дорогах — 38, длиной 2369 погонных метров, пущено под откос эшелонов — 19, лесопильные заводы — 2, электростанции — 3, узлы связи — 20, спиртозаводы — 2, молочарни и сепараторы — 341, маслозавод — 1, фольварки и лигеншафты — 82, склады продовольственные и обмундирования — 51, вырезано 108 километров телеграфных и телефонных проводов на 245 направлениях, роздано населению большое количество захваченного у гитлеровцев продовольствия, скота и одежды.

Далее: «После взрыва моста на железной дороге Тернополь — Проскуров и прекращения движения на ней на 20 суток противник бросил крупные силы мотопехоты, танки и штурмовую авиацию против партизан.

Продвижение от Збруча до Карпат проводилось с непрерывными боями.

Моторизованные полки противника, забегая вперед, преграждали нам путь, вынуждая принимать бои в невыгодных для нас условиях. Обходя противника и стараясь сократить время рейда, партизаны проходили по 50—60 километров в сутки, принимая бои с превосходящими силами противника.

В Карпатах противник задался целью полностью уничтожить отряд. Им были брошены свезенные из Кракова, Парижа, Норвегии специальные эсэсовские полицейские горные полки 4, 6, 13, 24 и 26-й, а также 274-й горнострелковый полк и 5 батальонов разных национальностей — хорват, мадьяр, туркмен, словаков.

Боясь нашего прохода в Венгрию и далее в Югославию, [противник] на небольшом только участке границы

в 20 километров поставил заслонами 3 венгерских горнострелковых полка.

С 12 июля до 14 сентября наша часть, находясь вдали от Родины, не имея возможности получить оружие и боеприпасы и отправить раненых, вела ежедневный поединок с противником.

Противник изматывал нас авиацией, морил голодом в горах, измышлял провокации, пробовал травить О[травляющими] В[еществами], но так и не смог нанести нам смертельного удара, несмотря на численное и техническое превосходство...

Особенно ожесточенные бои вели мы с противником в с. Поляница, на горах Шевка и Сенечна, в г. Делятине и под г. Станиславом.

Выход соединения из Карпат был осуществлен давыдовским маневром кутузовских партизан, то есть врассыпную, группами, действовавшими одновременно в разных направлениях. Этим маневром противник был дезориентирован, так как сгруппировал свои части в кулак.

Влиянием партизан был охвачен громадный район действий. В Станиславской, Тернопольской, части Львовской и Каменец-Подольской областях почти нет села, где не прошли бы партизаны. Они зажигали в сердцах угнетенного фашизмом украинского и польского населения искру надежды, вызывая протест; срывали мероприятия немецких властей, уничтожали немецких служак. Влияние наше проникло в Венгрию и Закарпатскую Украину.

В боях наше соединение понесло серьезные потери: в горах нами уничтожено все тяжелое вооружение отряда — пушки, станковые пулеметы и минометы. В боях за Родину пали смертью храбрых 228 бойцов и командиров, ранено свыше 150 человек, без вести пропало 200 человек. Но все же противник не разбил отряд, который забрался в самое его логово и целил в самое уязвимое место — нефть. Отряд вышел еще более крепким и сильным из боев.

В Галиции вспахана почва для широкого партизанского движения».

Рапорт Верховному Главнокомандующему о только-только завершенном рейде, разумеется, в то время широкой огласке не подлежал. Но на праздничном собра-

нии, в котором, кроме партизан, приняли участие тысячи жителей окрестных сел — украинцев, русских, белорусов, поляков, — Ковпак рассказал о действиях соединения в тылу врага за 26 месяцев. Итоги оказались весьма внушительными: пройдено с боями 10 тысяч километров по 18 областям Украины, Белоруссии и России, истреблено 18 тысяч фашистов, пущено под откос 62 железнодорожных эшелона, взорвано 256 мостов, уничтожено 96 складов с боеприпасами, обмундированием и продовольствием, до 500 автомашин, 20 танков и броневиков...

Ковпак выступал перед своими партизанами и крестьянами с особым подъемом: только что запыхавшийся радист принес ему радостную весть: освобожден Киев!

Над древней столицей развевается алый флаг освобождения, Красная Армия на Правобережье, идет сюда, к этим местам! Плачут от радости Базыма, Павловский, Панин, плачут ветераны соединения и местные крестьяне, и никто не удивился, что вышибло слезу даже у железного Ковпака. Дождались!

Сразу же после митинга Ковпак собрал командиров, как обычно, чтобы снова посоветоваться, сообща решить, что и как делать дальше. Такой порядок был заведен им и Рудневым еще в Спадщанском лесу. Они твердо придерживались и неуклонно проводили в жизнь эти два, казалось бы, несовместимых принципа: единоначалие командира и подлинную демократичность. Любой приглашенный на совещание мог выступить со своим предложением, идеей или, напротив, — возражением. Единственное, чего не терпел Ковпак, — это суеты и общих рассуждений. Тут уж он не стесняется ни с кем, или оборвет, или ввернет что-нибудь такое, что надолго отучит незадачливого оратора говорить не по существу.

Впрочем, такое случается редко — личность Деда, его стиль, методы уже стали как бы частью характера и тех людей, с которыми он работал и воевал. Они, сами того не замечая, усваивали множество ковпаковских черт, становились удивительно похожими на него, сохраняя в то же время свою собственную индивидуальность. Так сыновья в хорошей, дружной семье и похожи на отца, и разнятся от него и друг от друга.

Пока командиры рассаживаются, Ковпак молчит, опустив голову, о чем-то раздумывая. Это его обычное со-

стояние — он почти всегда погружен в мысли. Окружающие знают: в эти минуты ему мешать нельзя, сам, когда нужно, подымет голову, всех оглядит внимательно, словно видит их впервые, скупо улыбнется, мол, рад вас видеть, хлопцы, и коснется седого клинышка бородки искалеченным пальцем правой руки. Это значит, что сейчас будет говорить. Голос у старика глуховатый, но слова он произносит отчетливо, интонации выразительны. Специально он шутит не так уж часто, но сама речь его лучится мягкой иронией и лукавством. Начинает Ковпак всегда с самого главного:

— Насколько мы все понимаем, война продолжается, так ведь? А раз так — значит, воюем и мы...

Лаконично, предельно деловито он излагает то, что после детальной разработки станет основой очередного боевого приказа. Затем следует обстоятельный общий разговор по существу. Говорят и по порядку, и наперебой, Дед никого не ограничивает, но с одним условием: сначала подумай, потом говори. И чтобы никакой водички!

Через час штабная хата пустеет. Кроме Ковпака, в ней остаются лишь Войцехович, сменивший отправленного уже в Киев Базыму, и его помощники. Немедля они принимаются за планирование предстоящей боевой операции, последней операции соединения, проведенной по приказу и под руководством Ковпака. Ею стал одновременный удар ковпаковцев и местных партизан по железнодорожным станциям Олевск и Сновидовичи. Операция имела большое значение для Красной Армии: после освобождения советскими войсками Житомира у отступающих от Коростеня гитлеровцев был только один путь — на Олевск, поэтому железная дорога на этом участке была забита немецкими эшелонами.

Свой последний бой гитлеровцам Дед дал в ночь на 15 ноября. В книге «От Путивля до Карпат» Ковпак уделил ему, к сожалению, всего несколько деловитых строк:

«На путях станции Олевск стояло более 300 вагонов с авиабомбами, порохом и горючим. Можно представить, что получилось, когда вспыхнули пробитые зажигательными пулями цистерны с горючим и поднялись в воздух вагоны с порохом. Полчаса на путях непрерывно, сразу десятками, рвались авиабомбы. Партизанским ротам пришлось отойти от станции на изрядное расстояние, чтобы уберечься от ливня осколков и сыпавшегося на голову

крошева вагонов. За полчаса на станции взорвалось около тысячи тонн авиабомб.

Полностью была выведена из строя и станция Сновидовичи. Так мы завершили поход на Карпаты. Начинался новый период борьбы. Красная Армия, очищая украинскую землю от фашистской нечисти, вступила в районы, куда год назад мы пришли...

Перед выходом в... рейд мы были предупреждены, что районы, куда идем, в недалеком будущем станут плацдармом ожесточенных боев. Предвидение сбылось. Красная Армия уже шагнула на разведанный нами плацдарм. Решающие бои завязались там, где каждая тропинка исхожена нашими разведчиками, где нет села, в котором не побывали бы наши агитаторы, где все мосты и дороги под ударами партизан.

Как радостно было думать, что наши удары нацеливаются с такой меткостью, что мы, украинские партизаны, в тылу и Красная Армия на фронте действуем как одно целое...»

...Пришла зима, трудная для Ковпака зима 1943/44 года. Он был активен, как никогда, но и, как никогда раньше, давали знать о себе и годы, и перенесенные испытания. Старик страшно исхудал, почти не прикасался к еде. Штабники усаживали генерала за стол чуть не насильно. Мучили Деда и головные боли, и раненая нога. Другой бы на месте Ковпака попросту слег. Но в этом человеке было столько упорства и воли, что он, предельно измотанный и больной, вопреки всему на свете попрежнему прочно держал руководство соединением, воевал, командовал, ставил командирам боевые задачи, требовал их неуклонного выполнения, проверял исполнение, дотошливо вникал во все промахи и упущения, пристально следил за работой каждого батальонного, каждого ротного командира, был, как всегда, вездесущ.

Придирался, как никогда, и к своим командирам, и к самому себе, взрывался порой, иногда по пустякам, иногда по причинам принципиальным. В этой связи характерен эпизод, свидетелем которого был уже упоминавшийся выше Я. Шкрябач:

«Нас позвали обедать. За столом сидел незнакомый мне... полковник. Сидор Артемьевич представил меня: «Оце наш сусид, Шкрябач». Полковник молча подал мне руку, но не назвал себя.

Во время обеда Ковпак изложил свой план продви-

жения крупных войсковых сил в Полесье, а также рассказал о задуманном им объединении всех партизанских отрядов.

Некоторое время все молчали, а потом посыпались вопросы, касавшиеся главным образом деталей. Ковпак охотно принялся за объяснения и собирался развернуть карту, как вдруг заговорил полковник.

— Эта идея, Сидор Артемьевич, — полупебрежно заметил он, — на первый взгляд сулит большой стратегический успех. Но она совсем не продуманна, фактически невыполнима и, как мне кажется, не годится...

— Чому ж вона не годытся? — спросил Ковпак.

— Трудно мне вам, Сидор Артемьевич, это объяснить, — вздохнул полковник. — Существует целая наука по этому вопросу, и тем, кто не изучал ее, все кажется чересчур простым и ясным.

— Так, выходит, я, по-твоему, дурак в военном деле? — поднял Ковпак глаза на полковника. — То есть я не понимаю тактику?..

— Да что вы, Сидор Артемьевич!.. Я имел в виду то, что вы не изучали всех тонкостей военной науки, и задачи такого масштаба вам просто не по плечу... Это же крупный стратегический план! — примирительно, но с достоинством знатока проговорил полковник.

Ковпак вышел из себя. Он встал, уперся кулаками в стол.

— Вон!.. Щоб и духу твоего не було!.. Ишь ты! Вин закинчив академию, а всю войну просидив за тысячу километров в штабе!.. Мы воювалы, а вин — бачь, якусь учену стратегию строив!..

— Да что вы, Сидор Артемьевич!.. Я же ничего не сказал обидного. Я только напомнил, что стратегия — весьма сложное дело! — извивался полковник.

— Войцехович! Павловский! Выпроводите его!.. Чуете?.. Снарядите отделение из кавэскадрона и перебросьте через линию фронта сего стратега, — совсем рассердился Ковпак. — Вин мене учить приихав, колы война закинчуется!.. А ну, швидко!.. Через пивгодины щоб його тут не було.

Полковник встал и вышел. Через полчаса он был отправлен, а через два дня благополучно сдан под расписку командованию Красной Армии».

...Под непрерывными ударами Красной Армии гитлеровские войска отступали, но, и откатываясь на запад, не

забывали грабить, а то, что невозможно было вывезти в Германию, — уничтожали. Это называлось «тактикой выжженной земли». Еще до форсирования Красной Армией Днепра, в сентябре 1943 года, рейхсфюрер СС Гиммлер, выполняя приказ Гитлера, направил высшему СС и полицейфюреру Украины Прицману следующую директиву:

«Следует достичь того, чтобы при оставлении части территории на Украине там не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного железнодорожного рельса, чтобы не оставался стоять ни один дом, не было бы шахты, не разрушенной на многие годы, не было бы ни одного не отравленного колодца. Противник должен обнаружить действительно тотально сожженную и разрушенную страну».

Диверсанты и разведчики Ковпака, действовавшие на «железке», стали примечать на путях паровозы, к которым вместо вагонов были прицеплены странные приспособления — нечто вроде огромного плуга с массивным крюком вместо лемеха. Тащась вслед за паровозом, этот крюк перепахивал полотно, оставляя позади себя груды земли, перемешанной с обломками шпал, вырванными костылями, искореженными рельсами. Дорога погибала. Так выполнялась гиммлеровская директива.

Узнав о фашистской «технической новинке», Ковпак немедленно отдал всем диверсионным группам приказ: немецкие паровозы с «плугами» уничтожать в первую очередь. Партизаны Деда стали на защиту народного добра. Больше фашисты «железку» не калечили. Это чувство хозяина, лично ответственного за все, что совершается вокруг, никогда не покидало Ковпака и порой побуждало принимать решения, ошеломляющие своей неожиданностью. Одно из таких решений он и принял в начале зимы.

Ковпак рассуждал так: Красная Армия вот-вот придет на Житомирщину. Это факт. Но фактом остается и то, что война всегда — потеря в людях, особенно в наступлении. Значит, Красной Армии позарез нужны пополнения. А где их взять? Из глубокого тыла? Но он же не бездонная бочка. Значит, откуда? Из освобожденных партизанских районов! Надо подготовить пополнение самому именно сейчас, не дожидаясь прихода Красной Армии. Иначе говоря, нужно объявить очередной призыв на действительную воинскую службу военнообязанных тех

возрастов, которые по действующему советскому закону обязаны проходить эту службу.

Объявить призыв... Для этого нужны права военного комиссара. Но Житомирщина еще под немцем. Что же остается? Считать, что он, Сидор Ковпак, властью своей — члена нелегального ЦК КП(б)У, генерала Красной Армии, бывшего военного комиссара, бывшего председателя Путивльского горсовета, депутата Путивльского районного и городского Советов, командира соединения партизанских отрядов, — всей этой огромной властью, данной ему народом, не только может, но обязан сделать все, чтобы наступающая Красная Армия получила жизненно важные для нее резервы!

По обыкновению своему Ковпак, все тщательно, не спеша продумав и приняв решение, не медлил и часа с его претворением в жизнь. Официально — от имени Советской власти — он объявил очередной призыв. Населением этот приказ был встречен с воодушевлением. Когда части Красной Армии пришли в Овручский район, они застали тут вполне подготовленный призывной контингент. Спасенные от угона в немецкое рабство становились бойцами Красной Армии.

...А потом произошло то, чем сам Ковпак был застигнут врасплох, удивлен, озадачен, опечален и даже обижен. Правительство Украины и командование, учитывая состояние здоровья Ковпака, резко ухудшившееся после тяжелых испытаний в Карпатах и ранения, приняли решение отозвать его на Большую землю и предоставить длительный отпуск для лечения и отдыха. Покидали соединение и другие ветераны — Панин, Матющенко, Пятышкин...

Еще сильнее были потрясены этим решением партизаны. И. Бережной свидетельствует, что «эта весть произвела впечатление разорвавшейся бомбы и всколыхнула всех партизан. И не мудрено! Человек, который создал отряд, вырастил его в соединение, с боями провел от Путивля до Карпат, одно имя которого наводило страх и трепет на немецких захватчиков, должен был покинуть соединение. Люди так привыкли к нему, что не мыслили существования соединения без Ковпака.

Партизаны хлынули к домику, в котором располагался Ковпак.

Услыхав галдеж под окнами, Сидор Артемьевич вышел на улицу.

— Що вы, хлопцы, расшумелись? — спросил он.

— Правда, что вы уезжаете? — послышалось со всех сторон.

— Правда, — ответил Ковпак.

— А как же мы? Соединение?

— Комиссара потеряли, а теперь и вы уезжаете...

Ковпак, никогда в самой сложной обстановке не терявший присутствия духа, теперь стоял взволнованный и не находил, что ответить этим близким его сердцу боевым товарищам.

— Не пустим — и крышка! — выпалил Гриша Циркач.

— Нельзя, распоряжение ЦК Коммунистической партии Украины, — собравшись с силами, ответил Сидор Артемьевич.

— А в ЦК подумали, что нам еще воевать?

— Подумали! — уверенно ответил Ковпак.

— Только мы привыкли к вам, — проговорил уже без особого задора Гриша Дорофеев.

— А хиба я к вам не привык? — сказал Сидор Артемьевич, и глаза его заблестели. — Думаете, мне легко с вами расставаться?»

На последнем командирском совещании Ковпак передал временно командование Павловскому (Вершигора ранее был вызван в Киев) и сказал коротко:

— Товарищи, мне приходится на время покинуть вас. Украинский партизанский штаб вызывает меня в Киев. Я со спокойной душой покидаю вас, я твердо верю, что наше соединение будет и впредь высоко держать свое партизанское знамя, свято будет выполнять партизанскую клятву, не ослабит своей боевой активности...

Дед крепко пожимает всем руки, потом прячет в карман генеральского кителя переданное ему Войцеховичем командировочное удостоверение — порядок есть порядок. Вместо штампа в левом верхнем углу на машинке напечатано: «Штаб группы партизанских отрядов Сумской области 19 декабря 1943 года».

Текст гласит:

«Предъявитель сего, командир группы партизанских отрядов Сумской области Герой Советского Союза генерал-майор КОВПАК Сидор Артемьевич, командируется в город Киев по делам службы.

С ним следуют старшина МЫЧКА Федор Антонович и ПОЛИТУХА Николай Матвеевич. Имеют при себе лич-

ное оружие, вооружение — автоматы и пару лошадей в сопровождении 7 конников.

Вышеуказанное подписью и печатью удостоверяют
ПОМОЩНИК КОМАНДИРА
ГРУППЫ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ СУМСКОЙ ОБЛАСТИ

капитан интендантской службы (ПАВЛОВСКИЙ)
(подписано простым карандашом)

НАЧ. ШТАБА ГРУППЫ ПАРТИЗАНСКИХ ОТРЯДОВ
СУМСКОЙ ОБЛАСТИ старший лейтенант
(ВОЙЦЕХОВИЧ)»
(подписано красным карандашом)

К удостоверению приложена самодельная печать: пятиконечная звезда и вокруг нее слова — «СМЕРТЬ НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ».

Ковпак выходит из дома, забирается в сани. Вокруг молча стоят сотни людей. Дед встает, снимает папаху и низко кланяется тем, с кем прошел он от Путивля до Карпат тысячи огненных верст. Глуховатым, чуть подрагивающим от волнения голосом произносит всего несколько слов:

— Прощайте, орлы мои. Мы еще встретимся с вами. От всей души желаю вам боевых успехов... Желаю...

Не договорив, он опустился на сиденье и махнул рукой Политухе: «Трогай!»

Через линию фронта Ковпак со своим сопровождением переехал на трофейном автомобиле, предоставленном ему Сабуровым, в районе Овруча, штурмом взятого сабуровцами еще в ноябре. И вот Дед уже в освобожденном Киеве — разрушенном, сожженном, изрытом не засыпанными еще рвами и ходами сообщений. Улица Ворошилова, дома № 18 и № 20. Здесь расположился Украинский штаб партизанского движения. Сидя перед Строкачем, Ковпак услышал:

— Хватит, повоевал!

Как ни печален был Дед, все же он не позволил обиде взять верх над разумом, слова Тимофея Амвросиевича и не подумал истолковать как «Хватит, отвоевался, ты уже не нужен...». Нет, в глазах Строкача он читал, и правильно читал, другое: «Теперь поработай не на войну, а на мир, дорогой».

Вершигора, узнав о своем новом — тогда предполагали, временном — назначении, был поражен и растерян.

С Ковпаком он встретился в тот же день (приказ Украинского штаба партизанского движения был подписан 24 декабря) в столовой партизанского штаба. Дед казался веселым, оживленно рассказывал об Олевской операции, балагурил с Сабуровым, также прибывшим в Киев. Один Вершигора сидел скучный, его мучила мысль: «Знает ли Дед о передаче командования, а если да, то как к этому относится?» Он пытался повернуть разговор на будущее, но Дед сразу умолкал и только ухмылялся. Петр Петрович знал уже натуру Ковпака: если уж не хочет чего сказать, клещами не вытащишь.

Получая через час из рук Строкача приказ о своем назначении, Вершигора тревожно спросил, знает ли об этом Ковпак.

— Не только знает, но и первый предложил твою кандидатуру, — отвечал начальник Украинского штаба партизанского движения.

Ковпак оставался самим собой всегда и во всем! И кому, как не преемнику его по соединению Вершигоре, было написать проникновенные и хорошо продуманные слова:

«Ковпак сложен и разнообразен. Все в нем есть — и величие, и простота, и хитрость, и наивность. Что же главное в этом человеке? Главное — преданность партийному долгу... Это несомненным... Затем — требовательность к себе и своим подчиненным... Он любит законченность мысли, отточенность плана операции. Как всякий новатор, он иногда даже в ущерб делу впадал в резкости... Не раз наскучивал он нам своей придирчивостью, и казалось, что делает он это зря. Но, вдумываясь глубже, я видел в этом самородке ту черту совершенства, которая всегда отличает незаурядных людей от посредственности».

Понимая, что вряд ли ему придется вернуться к своим хлопцам, Ковпак и в Киеве продолжал жить жизнью соединения.

Рад был, узнав, что комсомольская организация части награждена почетным знаменем Центрального Комитета ВЛКСМ, а комсомольцы, особо отличившиеся в борьбе с гитлеровскими захватчиками, награждены именными автоматами.

Дед всегда гордился комсомолией отряда, заботу о ней почитал своим долгом старого коммуниста. С чувством глубокого удовлетворения он писал уже в мирные дни:

«Все лучшее коммунистов, их боевые качества впитала в себя наша комсомольская организация, насчитывавшая в своих рядах свыше 500 человек. Это замечательный коллектив людей, готовых выполнить все, что только им прикажут». Ковпак помянул добрым словом имена погибших юных героев: Леню Чечеткина, Мишу Семенистого, Марусю Евенко, и продолжал: «Пройдут годы, страна залечит раны, нанесенные злым и коварным врагом, как бы в дымке расплывутся трудные годы Отечественной войны, но никогда наш народ не забудет эти образы замечательных людей эпохи смертельной схватки за свободу своей любимой Родины и за нее же отдавших свою жизнь.

...В многочисленных тяжелых боях в Карпатском и других рейдах комсомольцы-ковпаковцы показали образцы смелости, находчивости и военной смекалки. Хорошо владея оружием, они выходили победителями в самых трудных условиях...»

П. П. Вершигора в известной книге своей «Люди с чистой совестью» заметил, что в ноябре и декабре Ковпак очень нервничал, хотя и скрывал свое душевное состояние от окружающих. Его волновало, как расценит командование Карпатский поход. Окончательно его сомнения и вполне объяснимое беспокойство были развеяны 4 января нового, 1944 года. В этот день Указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза вторично. Несколько сот командиров и бойцов соединения были награждены орденами и медалями, в том числе орденом Ленина — Вершигора, Бакрадзе, Ленкин, Войцехович, Кульбака, Матющенко, Тютерев. Одна строчка Указа была и самой радостной, и самой горькой: высокое звание Героя Советского Союза было присвоено посмертно самому близкому и дорогому человеку — Семену Васильевичу Рудневу.

...А на следующий день соединение выступило в новый грандиозный рейд — на Сан и Вислу. Партизаны ушли в дальний поход без Ковпака, но прошли с боями тысячи километров с его именем на боевом знамени. Потому что 23 февраля 1944 года соединение было преобразовано в Первую Украинскую партизанскую дивизию имени дважды Героя Советского Союза генерал-майора С. А. Ковпака. Первому полку дивизии (командиром которого был назначен Давид Бакрадзе) было присвоено

имя Героя Советского Союза генерал-майора С. В. Руднева.

5 января 1944 года подполковнику П. П. Вершигоре была вручена радиограмма: «Передайте наш пламенный сердечный привет всем рядовым бойцам соединения, командирам и политработникам. Мы уверены в том, что ваш рейд в глубокий тыл противника окажет большую помощь нашей героической Красной Армии. Партия и правительство никогда не забудут наших героических дел. Желаем вам больших успехов в предстоящих боях».

Под радиограммой стояли три подписи: Строкач, Ковпак, Базыма.

Так уж совпало, что в тот самый день, когда соединение впервые ушло в очередной рейд без Ковпака, начался новый период в жизни старого партизанского генерала. Именно 5 января 1944 года Сидор Артемьевич был назначен членом Верховного суда Украинской ССР.

Семь месяцев — до самого своего расформирования 17 августа в связи с освобождением территории нашей страны от гитлеровских оккупантов — Первая Украинская партизанская дивизия имени дважды Героя Советского Союза С. А. Ковпака рейдировала по тылам врага. Тысячи километров прошли с боями ковпаковцы по Украине, Польше, Западной Белоруссии, ходили они и в Неманский край под Восточную Пруссию, видели их и в Чехословакии, и в Австрии. Громили вражеские гарнизоны, взрывали мосты, пускали под откос эшелоны. И всюду, обгоняя их, летели устной молвой и по телеграфным проводам, сея страх и панику в стане противника, грозные слова: «Ковпак идет!»

С гордостью, радостью и затаенной завистью принимал Дед каждое сообщение о славных боевых делах своих питомцев. И первым поздравил достойнейших из них: Петра Вершигору, Василия Войцеховича, Давида Бакрадзе, Петра Кульбаку, Петра Брайко, Александра Ленкина, Андрея Цымбала и Семена Тутученко с присвоением им высокого звания Героя Советского Союза. Преемника своего Петра Вершигору поздравил дважды, вторично — с присвоением ему генеральского звания.

Завершив свой последний рейд, собрались ветераны в квартире Ковпака на улице Чапаева. Дед поднял за них добрую чарку:

— Ну, значит, мы снова вместе, дорогие товарищи.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЛЕГЕНДАРНЫЙ ПРИ ЖИЗНИ

ИМЕНЕМ РЕСПУБЛИКИ

Если уж говорить начистоту, то нечего греха таить — временами ох как трудненько приходилось вчерашнему партизану на новой работе. В этом он сам признавался близким друзьям, правда, много лет спустя.

Ответственность громадная: Верховный суд по Конституции является высшей судебной инстанцией республики. При рассмотрении и пересмотре любых дел, в толковании законов ему принадлежит последнее слово. Здесь царствует закон. Он, и только он, — душа и смысл всей жизни Верховного суда. Абсолютное, неуклонное соблюдение закона — суть работы и самого Ковпака лично, как любого из его коллег. Неуклонно соблюдать законы... А как быть, если член Верховного суда этих законов не знает?

Люди, которые выдвинули его кандидатуру на новую работу, о том, конечно же, были прекрасно осведомлены. Но, по-видимому, они знали за Дедом такие качества, которые позволяли им быть уверенными, что Ковпак со своими обязанностями справится. Сам же Сидор Артемьевич к несколько неожиданному назначению отнесся так же рассудительно, как и ко всем предыдущим. Раз ему, коммунисту, партия доверила и поручила какое-то дело, значит считает его для этого дела человеком подходящим.

Ковпак, точно, никогда не учился на юридическом факультете, равно как и на любом ином, но из этого вовсе не следовало, что работать ему оказалось невозможно. У него нет юридического образования — чего нет, того нет. И Дед поступает единственно возможным для него

образом: нехватку специальных знаний он восполняет — конечно, в силу крайней необходимости и в разумных пределах — своими огромными жизненными познаниями, практическим чутьем, великолепным пониманием людей.

Разумеется, надобность в правовых знаниях никак не отпадала. Наоборот. И старик стал учиться. Вскоре его домашний кабинет был забит справочниками, энциклопедиями, кодексами и прочей специальной литературой. Читал Сидор Артемьевич запоем, с искренним увлечением, однако очень сосредоточенно, внимательно, вдумчиво. И всякий раз мысленно прикидывал; «А как это получилось у него самого не по книге, а в жизни?»

Вникать в тонкости юриспруденции оказалось интересно, и въедливый Дед, по обыкновению своему, вник в них достаточно глубоко. Однако формалистом-законником, конечно, не стал, да и не могло с ним такое случиться. Формализм и с неизбежностью вытекающий из него бюрократизм с характером Ковпака попросту не вязались. Об этом на Украине знали решительно все. Высокая должность члена Верховного суда никак не сказалась на свойственной натуре Сидора Артемьевича человечности, чуткости к чужой беде, всегдашней готовности помочь другому человеку. Пожалуй, наоборот. Работа в Верховном суде как раз и потребовала от старика: карая беспощадно тех, кто виноват злоумышленно, быть душевным и внимательным к людям, случайно попавшим в беду; быстро и деловито откликаться, когда нужно сделать главное — и закон свято соблюсти, и человека спасти от всего, что может в себе таить формальное, бездушное, слепое соблюдение этого самого закона.

Слепое исполнение, слепое подчинение... Это старик ненавидел всю жизнь. Характерен эпизод, имевший место уже в 1965 году на даче Сидора Артемьевича в Конче-Заспе под Киевом. Ковпака навестил хороший знакомый, тоже бывший партизан, некоторое время воевавший с ним, но затем назначенный командованием комиссаром в другое соединение. Разговор зашел о работе Ковпака над новой книгой. По ходу беседы Ковпак показал гостю подшивку копий своих приказов и обратил внимание на один из них. Гость вначале решил, что это знаменитый «приказ двести — расстрел на месте», и ошибся. Оказывается, уже после гибели Руднева Ковпак издал новый приказ, строжайше запрещающий брать у местного населения хотя бы крошку съестного, невзирая на то, что лю-

ди страшно бедствовали, голодали, буквально еле ноги передвигали. И в том же приказе содержалась более чем странная фраза. Суть ее состояла в том, что бойцам, чье физическое состояние от голода было особенно тяжелым, разрешалось не то чтобы присваивать, а так, вроде бы просто воспользоваться при случае, скажем, яблоком, картофелиной, огурцом или луковицей...

Гость не скрыл своего удивления. Ковпак это заметил и задумчиво произнес:

— Странно, правда? Такой приказ и вдруг — на тебе! Левая разрешает то, что запрещает правая. М-да, брат, не все так просто, как оно кажется. Но и противоречия тут никакого, учти. Между мародерством и тем, что смертельно голодный человек возьмет ради спасения своего луковицу либо картофелину, — разница принципиальная. И тут нечего доказывать, сам понимаешь. За мародерство разговор короткий — пуля! — Он вздохнул. — А так что ж, разве этим кого обездолишь, обидишь, ущемишь... Понимать надо. Мы же люди...

Видя, что гость, однако, еще не считает вопрос исчерпанным, Ковпак продолжал:

— Да я первым лишился покоя от этого пункта в приказе, если хочешь знать! Вот, думаю, все вроде бы правильно, а как оно на деле-то выйдет? Кто знает, на что способен человек, утративший над собой контроль, гонимый голодом и нечеловеческой усталостью? Ты же сам знаешь. Война. А жить кому не охота?

— И что же? — спросил Деда собеседник.

— А то, что зря я тогда переживал. Народ выручил. Он и харчил нас, и целые лазареты тайные соорудил для раненых. Слышал о таком — Кифяк! Он у себя Радика Руднева прятал. Вокруг каратели кишат, смерть из хаты в хату ходит, в одной только Белой Ославе немцы семьдесят крестьян расстреляли после нашего ухода, а Кифяк сына комиссарова выхаживает. Хлопец от ран умирает, а Кифяк готов за него сам умереть, только бы парень выжил. Да разве один он такой, этот Кифяк!

Свято блюсти закон и не быть формалистом — сложно. Но для Ковпака как раз в этом и не было никакой сложности! Он оставался самим собой, и все. Ему ни к чему было перестраиваться по той простой причине, что всю свою жизнь он делал одно и то же дело — служил людям, вкладывая в эту службу всего себя. И, став членом Верховного суда республики, старик ни-

чем решительно не отличался от того Ковпака, каким был прежде.

Ковпак не упускал случая напомнить своим помощникам то, что они, конечно, знали и сами, но, как это нередко бывает в жизни, чему далеко не всегда следовали. Беды от такого случается немало, часто — с трудом поправимой, а порой и вовсе непоправимой. Потому Сидор Артемьевич повторял изо дня в день подчиненным:

— Смотрите в оба, хлопцы! В нашем деле нельзя иначе. К вам приходит дело, а за ним — и преступник, и человек невинный. Бывает, верно? Но и так бывает, что подписываешь бумагу наполовину втемную, до конца не разобравшись. Отсюда и пошла беда для невинного. Он-то как раз и страдает чаще всего. Вот чего я боюсь и вам советую — сами бойтесь! Не семь, а сто раз отмерь, да десять раз проверь и лишь один раз отрежь, вот оно как в нашем деле нужно.

Когда Ковпак, бывало, говорил это своим сотрудникам, он смотрел им в глаза — проверял, понимают ли его, чувствуют ли, что это не просто нужные слова, какие начальнику положено говорить подчиненным, и только. Нет, это мысли о самом главном в их деле — о человеке, ради которого, собственно, и нужен, и существует Верховный суд. Ковпак искал в глазах собеседников ответа на вопрос: понимают ли они, что он сам не умеет работать иначе и потому требует того же от своих коллег?

Чаще всего ответ удовлетворял его, и тогда Ковпак радовался, что вокруг него люди, живущие тем же, чем живет и он лично.

1944 год. Война еще только-только перешагнула на запад от рубежей истерзанной гитлеровцами родной земли. Но даже сейчас, стоя на краю могилы, враг еще силен, упорен, жесток. И много, ой как много крови людской еще прольет он, покуда из него самого кровь не выпустят. И вчерашний партизан, а ныне член Верховного суда Сидор Артемьевич Ковпак не забывает об этом.

Вот хотя бы это. Вроде бы все как на ладони. Обыкновенная кража чужого имущества и положенная по закону кара. За хищение телки у колхозника суд наказал по закону двух его односельчан. Пострадавший рассудил иначе, об этом он и заявил прямиком Ковпаку, явившись к нему на прием.

— Неправильно решили, Сидор Артемьевич. Маху дал суд, вот что.

— Вы думаете? — поднял бровь Ковпак.

— Ей-богу, правда! — посетитель строго и серьезно смотрит ему в глаза.

— Слушаю твою правду. Давай, раз так!

— Дело-то аховое, — начал пострадавший. — Эти двое, что срок получили давеча, спасибо суду небось втихомолку говорят...

— Не пойму тебя, брат. Ворюгам дали по заслугам, за что же спасибо?

— А за то, Сидор Артемьевич, что эта самая заслуга, как вы говорите, от фронта спасет, от войны. Отсидит свое — и домой! А война-то вот-вот и кончится.

Ковпак вскинулся.

— Выходит, они для того только и прирезали твою телку?

— Святая правда, Сидор Артемьевич.

— И мы, значит, Советская власть, своими руками их от фронта подальше в тыл услали. Так?! — Старик уже гневался.

— Так оно и есть.

Сидор Артемьевич поднялся из-за стола. Обошел его и приблизился к посетителю — пожилому колхознику. Тот хотел было подняться.

— Сиди, брат, сиди. В ногах правды нет. Есть она у Советской власти. Это уж точно. Есть и всегда будет. И на этот раз — тоже. Иди, брат, к себе до хаты и не сомневайся: ошибку свою исправим. Будут обидчики твои не в глубоком тылу шкуру спасать, а на фронте свой позор своей же кровью смывать...

Они попрощались. Ковпак в точности выполнил обещанное. По его настоянию приговор — отбывание наказания в исправительно-трудовых лагерях — был заменен направлением обоих на фронт в штрафной батальон.

Случалось, что решение Сидора Артемьевича и отклонялось от буквы закона, но оно всегда с абсолютной точностью отражало дух этого закона. Не все способны решаться на такое — риск. Вот и председатель Верховного суда как-то заметил:

— По правде говоря, Сидор Артемьевич, вот здесь вы отступили от закона. Не положено!

— Значит, нарушил? — уточнил Ковпак.

Председатель замялся:

— Да не то, чтобы нарушили, но не соблюдена буква закона.

— Ах, вот как! — Ковпак покачал лобастой головой. — Понятно! Значит, хоть решение и правильное, но закону не соответствует. Какой же вывод?

— Да вы уж сами сделайте его, — усмехнулся председатель, отлично зная, что заявит старик. И не ошибся.

— Пожалуйста, — Ковпак, в свою очередь, дружелюбно улыбнулся. — По-моему, так: без ума и сердца закон — это не закон, а слепая сила. Значит, не может она видеть того, что видит зрячий законник, у которого есть и ум, и сердце. Без них закон, знаете, все равно, что сало без хлеба. Нам это ни к чему, я считаю. По закону сделать, как я понимаю, — это значит и по уму, и по сердцу. Если и то, и другое честно, тогда получится точно по закону...

Председатель больше не возражал. Он понимал: Ковпак прав. Жизнь каждодневно доказывала именно эту правоту.

Временная оккупация Украины не могла пройти бесследной и в том смысле, что она вытащила из помоек истории множество мерзости, вышвырнутой народом в Октябре семнадцатого года. Без этой мерзости, взятой на содержание, фашизм не был бы фашизмом. Ковпак об этом хорошо знал. Но ему ли было не знать и того, что гитлеровская трясина, случалось, засасывала и слабодушных, и спровоцированных, и неосмотрительных.

Но бывало и такое: воевал человек за Родину честно и храбро. Все хорошо — герой, почет ему и уважение от людей. Но вот стряслась беда с ним, получилось так, что этот же герой чем-то скомпрометировал себя. Как быть Ковпаку, решающему его дело? По закону действовать? Несомненно! Он обязан следовать закону, тут все ясно. Не ясно другое: достаточно ли одного закона, чтобы не ошибиться? Ведь закон все же еще не сама жизнь, породившая его. Ковпак непременно задавал и такой вопрос своим помощникам. В ответ чаще всего слышал:

— Да чего тут, есть кодекс — вот и все...

— Выше закона не прыгнешь...

— На то и закон, чтобы от себя не выдумывали...

Ковпак терпеливо слушает и хмурится. Он огорчен, потому что не слышит того, что хотел бы услышать. И берет слово:

— Не согласен я с вами, хлопцы. Не согласен! Потому что вы главного не видите. Того, что закон наш не предусмотрел фашистскую оккупацию. Так или нет? Так! Что же следует? А то, что, если этого не предусмотрел

закон, мы, люди, обязаны учесть. Тогда мы и закона не нарушим, и решим правильно, справедливо, по-советски, как и подобает коммунистам.

Вначале его слушали недоверчиво — чудит, мол, наш старик. Но затем железная логика Ковпаковых рассуждений взяла верх. Сослуживцы признали: а ведь Дед прав! Нельзя же, в самом деле, сбрасывать со счетов то, что было, словно его и не было вовсе. Закон действительно становится слепым, если мы, юристы, сами не хотим быть зрячими...

В конкретных же случаях такого рода обычно все заканчивалось тем, что Сидор Артемьевич возвращал поданное ему на подпись дело и предлагал «крепко подумать». В конечном счете вопрос решался правильно.

Пришел однажды на прием к Ковпаку известный партизан, пришел как к своему бывшему командиру. Не панибратствует, но и чужаком себя здесь не чувствует. Знает, что Дед не терпит развязности, но и тех не одобряет, кто его обижает, полагая, что в мирной жизни Ковпак уже не тот, что прежде. Здоровается. Генерал отвечает приветливо, называет гостя по имени-отчеству. Тот и рад, и смущен. Рад, что не забыл его командир, смущен же от мысли, что не с добром явился он сюда и через минуту опечалит старика. А тот уже уловил тревогу в глазах бывшего бойца.

— Ты, Петро, если что не так, сразу и выкладывай. Не тяни, не люблю, сам знаешь. Что у тебя стряслось?

И вот стала разматываться давняя нить, так перепутавшаяся, что остался у человека единственный шанс ее распутать — идти к Ковпаку. Он непременно должен выручить, больше некому.

...Однажды после боя вконец измотанные люди остановились на привале. Уселись поближе к огоньку быстро и сноровисто разложенного костра. Кто мгновенно погрузился в тяжелый солдатский сон, кто первым делом почистил оружие и одежду, кто с голодухи аппетитно захрустел сухарем. Чуть в стороне от спящих — группа неистребимых весельчаков, для которых лучший отдых — вволю посмеяться. Среди этой хохочущей братии задержались и Ковпак с Рудневым, обходившие стоянку.

Неожиданно из темноты возникла женская фигура. К костру, тотчас приковав к себе всеобщее внимание, неслышно приблизилась статная молодица. Поднял голову и генерал:

— Кто такая?

Гостья поздоровалась и заговорила тихо, но непринужденно, словно продолжая давно начатую беседу. Обращаясь к сидевшему среди хлопцев Ковпаку, молодица подала ему свежевыпеченную буханку хлеба с положенным сверху щедрым ломтем сала. Одновременно протянула и сверток: пару белья и мягкие портянки...

— На здоровье вам, отец, есть и носить!

Словно подкинутый пружиной, генерал молодо, с необычным проворством вскочил с места и, уважительно поклонившись, принял подарки. Потом пожал женщине руку, растроганно улыбнулся:

— Спасибо душевное тебе, дочка! Спасибо от всех нас...

Молодица больше не проронила ни слова. Плотнее закуталась в платок, легко склонилась в ответном поклоне всему честному народу, сидевшему вокруг огня, и шагнула обратно в темноту, провожаемая восхищенными взглядами...

Хлопцы молчали. Им ничего не нужно было разъяснять. Война не смогла отнять у них драгоценное качество — глубоко чувствовать и понимать других людей. Наоборот, именно беспощадная неумолимость войны сделала советского человека еще более чутким и благородным. Только будучи таким, он мог победить фашизм — силу, противоположную ему во всем. Таковы хлопцы Ковпака, таков и он сам, их вожак.

Сидор Артемьевич тут же передал дар женщины Михаилу Ивановичу Павловскому, своему помощнику по хозяйственной части, как это и было принято в соединении.

— Понял, что к чему, Михаил?

— Как не понять, — откликнулся Павловский. — От сердца это...

— И притом такого, в котором любви к Родине не меньше, чем у всех нас, воюющих... — задумчиво добавил комиссар.

— Вот-вот! — кивнул Дед на рудневские слова. — Оно самое!

И надо же такому случиться — как раз в эту минуту один из хлопцев произнес:

— Живем, ей-богу, как при коммунизме! Судите сами, ни тебе денег никаких, ни всяких там бюрократов... Благодать! Знай одно — лупи фрицев. Штаб, как положено,

все подсчитает и запишет, а командир с комиссаром к награде представят. Житуха! Верно?

Высказывание было встречено гробовым молчанием. Оно словно придавило шутника. Он притих, сжался, предчувствуя недоброе. Ждать долго не пришлось. Ковпак не ответил, а буквально ударил словами:

— Вот какой ты, оказывается! А я и не знал... Спасибо, что научил. Буду теперь знать, какой у тебя коммунизм! Прямо скажу — никудышный... Я бы постыдился такой на людях выставлять. Идет война, люди гибнут, весь народ страдает... И это, по-твоему, коммунизм? Нашел чему радоваться. Коммунизм — это мир и счастье, труд, это плуг, а не автомат. Понял?

Парень сгорал от стыда, стоя перед товарищами, перед Ковпаком, перед Рудневым. Перед теми, кто был совестью народа, его «апостолами». Стоял и молчал, потрясенный тем, во что обернулась его шутка. Еле нашел силы пробормотать:

— Простите, товарищ генерал. Понял я, каким дурнем себя перед людьми выставил. Слово даю боевое, что вовек вашей науки не забуду.

...Тем дело тогда и кончилось. Но генерал с того дня особо интересовался, как воюет тот хлопец. И ни разу не имел повода огорчиться, видно, случившееся пошло ему на пользу. Сейчас оно вновь предстало перед глазами Ковпака. И Дед с прежней требовательностью пристально взглянул на сидевшего перед ним посетителя: ведь это был тот самый шутник... Что же на этот раз привело его сюда? Во всяком случае, беда. Это ясно. Бывший боец начал наконец свой невеселый рассказ:

— Это стряслось, когда праздновали мы великую нашу Победу. Собрались по такому поводу друзья, чтобы поднять по братской чарке за тех, чьими руками, чьей жизнью и кровью Победа добыта. Известное дело — с харчами туго, что по карточкам достанешь. Стол все же, хоть и скромный, собрали. Пошел я на базар, добыл немного хлеба, сало и лук. Уложил все в свой партизанский сидор, затянул горловину, закинул на плечо, поблагодарил и — зашагал к воротам! О плате и не подумал. Тетка, ясное дело, в крик: «Караул! Держите вора!»

Лишь заслышав этот вопль, «провиатор» очнулся и побелел от мысли: «Подвела старая лесная привычка, партизанская, брать то, что люди дают от души, никаких денег не требуя. Господи, что же я наделал!» Он бросил-

ся к орущей тетке, чтобы уладить недоразумение, но было уже поздно. Словно из-под земли вырос милиционер. Парень попытался объяснить свою оплошность, но от волнения не сумел. Милиционер подозрительно смерил его с головы до ног и ледяным голосом приказал:

— Уплатите за товар и следуйте за мной.

Остальное понятно: вчерашний боевой партизан сегодня предстал перед судом...

Ни одним словом не перебил Ковпак рассказчика. А тот не спускал глаз с невозмутимого лица недавнего командира, пристально и укоризненно глядевшего на него. Паузу, ставшую нестерпимой, прервал:

— Знаю, а потому не спрашиваю, помнишь ли наш тогдашний разговор о коммунизме...

— Да разве забудешь такое?

— Вот и я так думал, а ты, выходит, забыл.

— По правде говоря, получилось хуже некуда. Но ведь не умышленно же я! Поверьте, Сидор Артемьевич, я с вами как на духу!

— Кабы ты врал, разве бы стал я вот так говорить с тобой? — вздохнул Ковпак. Помолчал... — Ну а закон наш, брат, для всех один писан. Один на всех, понял? Это святая правда. Мы за нее и воевали, потому что сами этот закон для себя же и поставили!

— Да я, Сидор Артемьевич, ничего у вас не прошу и не хочу. Не за тем пришел. Закон — не обида для меня, потому что прав он, а не прав я... Просто горько мне за все и перед вами стыдно до невозможности.

— Правильные слова слышу, и рад, что слышу их. Рад, потому что именно так и должен говорить наш человек, советский, да еще и мой бывший боец... Что же касается суда, то, конечно, ты и сам понимаешь, без меня, что он будет непременно. И, как я полагаю, суд тебя оправдает, потому что злого умысла у тебя не было и быть не могло... Что пришел ко мне — одобряю, друзьям, а тем более боевым, так и нужно. Буду тебе рад всегда. Заходи хоть сюда, хоть домой. Ну, ты как, успокоился малость?

— Факт!

— Тогда иди с богом! И запомни: коммунизм, сам понимаешь, еще не наступил и сам по себе не наступит. И ты, и я, и все мы построить его должны своими руками, своим трудом. И конечно же, порядком нашим, революционным, советским...

Уже давно закрылась дверь за ушедшим партизаном, а старик все еще не поднимал головы, склоненной в глубоком раздумье. Оно увело его в далекое вчерашнее, которое странным образом оставалось и сегодняшним, потому что присутствовало в нем безотлучно. Ковпак мог сказать о себе, что он живет как бы в двойном времени сразу — так прочно в нем сидела война, соседствуя с миром. Вот так и в эту минуту... Сидит Ковпак в своем служебном кабинете, и он же — в лесах за линией давно не существующего фронта, во вражеском тылу, пылающем несчетными языками пламени партизанской войны. И оба Ковпака придирчиво проверяют друг друга. Все ли сделано и делается, как должно? И оба признавали, что пока им не в чем себя упрекнуть, их совесть чиста...

...Голос секретаря вернул Сидора Артемьевича к действительности:

— Прошу взять трубку.

— Ковпак слушает!

— Здравствуйте, Сидор Артемьевич! — звонили из ЦК.

— Здоров, друже!

— Как работается, живется?

— Спасибо, потихоньку.

— Читали сегодняшнюю газету?

— Да, грешным делом, не успел. Важные новости?

— Потому и звоню. Новость вот какая — народ выдвинул вас кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР. Путивль, Глухов, Середина-Буда, короче, вся Сумщина вас назвала. Поздравляем и просим готовиться к предстоящим встречам с избирателями. Как и положено. Будьте здоровы!

— И вам того же...

Выходит, не забыли его люди, уважают, доверяют ему. Знают, за что он воевал, за что боролся: за Родину, народ, социализм. Ковпак, не помня как, опустил машинально трубку, чувствовал лишь, как гулко и тревожно, словно перед боем, забилось сердце. Так оно билось и весной того же сорок шестого, и в следующем, сорок седьмом году, когда вручали ему депутатские удостоверения Верховного Совета СССР и Верховного Совета УССР. И снова оно учащенно забилось, когда в марте 1947 года депутата Сидора Ковпака единогласно избрали заместителем Председателя Президиума Верховного Совета республики.

ВОТ В ЧЕМ СЧАСТЬЕ...

Недаром говорят, что дети милы доброму сердцу и чужды — злому. Ковпак всю жизнь любил детей, с годами сильнее и сильнее. Тем более что своих детей не было, была лишь острая тоска по ним, так и не удовлетворенная до конца его дней. Ковпаковская любовь к детям — из того же прозрачного источника, что и вся его жизнь. Эта чистая и высокая отцовская нежность была одновременно сурово-требовательной и взыскательной, строгой и неуступчивой там, где недобрые, черствые люди обижали детей, особенно сирот. В таких случаях Дедова мягкость и доброта обращались в жесткость и злость. Метаморфоза, столь присущая цельным натурам.

В приемную Ковпака попадали иногда люди, на совести которых лежал грех растраты денег, отпущенных государством на нужды детских учреждений. Очутившись лицом к лицу с Ковпаком, ни один из них не выдерживал его пронзительно-осуждающего взгляда. С такими Ковпак был неумолим и даже груб. Таким говорил в глаза:

— Вы просите помилования? За что? За то, что совершили преступление перед детьми. Значит, у вас не было совести никогда. Нет ее и теперь, когда просите прощения. На Президиуме скажу, что вам пощады нет [1].

...Ковпак и дети. Это, пожалуй, целая тема — душевная, человечная, сердечная. К судьбам и просьбам детей Дед относился особенно чутко. Однажды в приемную пришла девочка лет десяти. О том, что ее привело, она рассказала сама, уже сидя в ковпаковском кресле, из-за высокой спинки которого виднелась только макушка детской головки. Дед быстро разобрался в большой беде маленькой посетительницы.

Она сирота, отец погиб, живет с тяжело больной матерью в сильной нужде. Но дело не в этом — она учится в музыкальной школе, ей прочат большое будущее, но о собственной скрипке может только мечтать.

Сидор Артемьевич задумчиво потеребил клинышек бородки, покачал головой, вздохнул. Нажал кнопку звонка. Вошла секретарь.

— Вот, Наташа, деньги... Бери мою машину, поез-

---

[1] Здесь и далее авторы использовали рассказы Наталии Ивановны Мандрик — бывшего секретаря приемной С. А. Ковпака.

жайте вместе на Красноармейскую, там, знаешь, магазин есть такой, «Музыка» называется, и купи ей самую добрую, самую лучшую скрипку. А потом заверните в «Универмаг», купи ей платье, чтобы девочка была как настоящая актриса...

...Идет прием. Среди посетителей подросток. Ковпак смотрит на его утомленное лицо и при всех говорит:

— Детям главное внимание. Начнем с наименьшего. В школу ходишь?

— Хожу. В пятый класс.

— Оценки хорошие?

— Разные бывают.

— Значит, и плохие?

— И плохие бывают.

— Почему же?

— Тяжело мне, дедушка.

— А кому теперь легко?

— Тому, у кого имеются отец и мать.

— Вот как... Значит, твои умерли?

— Нет, отец погиб в партизанах. А мать... Мать в тюрьме сидит.

— За что же?

— За самогон. Но она не спекулянтка. Для дела старалась.

— Какое же это дело?

— Хату нашу немцы сожгли. Жили мы в землянке. Вот и решили построить хату. Самогонку она выгнала для толоки. Вы же знаете, что на толоке без рюмки не бывает. А милиция ее под суд...

— А ко мне зачем пожаловал?

— Выпустите ее, она хорошая.

Подросток заплакал.

— Успокойся, хлопчик, — мягко сказал Ковпак. — Если все, как ты сказал, выпустим твою мамку, но с одним условием — если учиться будешь на одни пятерки.

— Бу-у-ду...

— Ну если так, отправляйся домой и жди свою маму. Да не забудь самогонку ей приготовить.

— Спасибо, дедушка, а самогон, будь он проклят, никогда у нас не будет. Еще раз спасибо... — Подросток направился было к двери, но в раздумье остановился.

Сидор Артемьевич, собравшийся уже пригласить очередного посетителя, ласково спросил паренька:

— Ну что еще? Говори.

То, что услышал Ковпак, было поразительным по честности, чистоте и недетской силе духа:

— Только знаете, в первой четверти я не вытяну на пятерки... Так пусть уж мама посидит еще немного, а я постараюсь и во второй четверти буду иметь «пять» по всем предметам... Можно так?

Хлопчик ушел, а потрясенный старик еще долго задумчиво и печально стоял у стола, словно прислушиваясь к какому-то ему одному слышному голосу...

...— Кто добро забывает, тот сам зла стоит! — не раз говорил Ковпак, имея в виду вполне конкретных людей и вполне определенные факты. В первую очередь — нечуткое отношение некоторых руководителей к нуждам людей, бывших воинов и партизан в особенности.

Среди многих подростков и детей, прибившихся в годы войны к соединению Ковпака, был и двенадцатилетний Саша Петрович. Мальчуган честно воевал. Послевоенная судьба забросила Петровича в Мурманск. Шли годы. Саша стал Александром Федоровичем, семейным человеком. И хотя никогда не забывал о своем бывшем командире, но все же до 28 августа 1965 года ни разу не обратился к нему за помощью — стеснялся. А подмога требовалась. У Петровичей было очень худо с жильем. Они ютились на чердаке, в холодной комнате без удобств. Из года в год квартиру только обещали. Отчаявшись, мурманец пожаловался Сидору Артемьевичу.

Письмо своего бойца Ковпак немедленно пустил в ход. Председателю Мурманского горисполкома он направил пространное письмо с просьбой помочь партизану. В ответ получил безразличную отписку, что Петровичи получат квартиру в порядке очереди. Такого Дед стерпеть не мог. Тут же он направил в Мурманск второе письмо, на этот раз председателю Мурманского областного Совета депутатов трудящихся:

«В мой адрес как депутата Верховного Совета СССР и бывшего командира Сумского партизанского соединения, ныне председателя Комиссии бывших партизан Великой Отечественной войны при Президиуме Верховного Совета УССР, поступило письмо от бывшего партизана Сумского соединения **Петровича** Александра Федоровича, а также от бывшего командования Шалыгинского партизанского отряда, где непосредственно служил тов. Пет-

рович А. Ф., в котором сообщается об исключительно тяжелых жилищных условиях, в которых проживает семья тов. Петровича, и выражается просьба об оказании помощи в получении квартиры.

Тов. Петрович А. Ф. принадлежит к тем советским людям, которые в трудное для Родины время не щадили своей жизни, завоевывая свободу.

После ареста отца и матери за связь с партизанами он добровольно пришел в соединение, будучи еще подростком. Наряду со взрослыми он делил все тяжести жизни, много раз ходил в разведку, участвовал в диверсиях на коммуникациях врага.

Особенно отличился тов. Петрович во время исторического Карпатского рейда, где он был непосредственным участником ожесточенных боев партизан с немецко-фашистскими захватчиками. Здесь он продемонстрировал свою моральную стойкость, патриотизм и беспредельную преданность Отчизне. В силу чрезвычайно сложной обстановки ведения партизанской борьбы в Карпатах тов. Петрович А. Ф. оказался оторванным от своего отряда. Около месяца, не имея пищи, бродил он по лесам и горам, был пойман бандой украинских буржуазных националистов, но не покорился, бежал из логова врага и, преодолевая неимоверные трудности, возвратился в свой отряд.

С сентября 1948 года тов. Петрович А. Ф. проживает в г. Мурманске, ул. Книповича, 26, кв. 4; около 15 лет проработал в рыболовном и военно-вспомогательном флотах; имел прописку на судах; в связи с ухудшением здоровья он вынужден был уйти из флота; с 1963 года работает шофером автобазы «Главсеврыба».

С ним проживают: жена, Петрович Лидия Васильевна, с марта 1953 года работающая агентом Госстраха в Мурманске; двое детей, из которых младшему — 2 года; 70-летняя полуслепая мать жены, муж и сын которой погибли на фронте.

Из акта обследования и других документов следует, что семья тов. Петровича А. Ф. в течение нескольких лет проживает на чердаке старого дома, подлежащего сносу.

В сентябре 1965 года я обратился к председателю Мурманского горисполкома и просил помочь этой семье. Но, как видно из ответа, тов. **Мосин В. И.** не только бюрократически отнесся к нуждам этой семьи, а и проявил при этом непонимание важности вопроса.

Даже и сейчас, когда в этом году очередь на квартиры пересмотрена, все равно в 1966 году семья Петровича квартиры не получит.

Учитывая заслуги тов. Петровича А. Ф. перед нашей Родиной, а также обстоятельства жизни его семьи, убедительно прошу Вас лично принять тов. Петровича А. Ф. и оказать ему всемерную помощь в получении квартиры в 1966 году.

О принятом Вами решении прошу сообщить мне.

Заместитель председателя Президиума Верховного Совета Украинской ССР Ковпак».

Не прошло и месяца, как на письменном столе Ковпака лежали два письма, до глубины души порадовавшие старика. В первом Мурманский облисполком сообщал, что Петровичам предоставлена новая квартира, во втором супруги-новоселы безгранично благодарили и приглашали его к себе.

Малолетний Коля Шубин, как и Саша Петрович, воевал в соединении Ковпака. После окончания войны уехал на Сумщину, женился, жил в селе. Перенесенные в детском возрасте тяготы и лишения дали себя знать — Николай заболел туберкулезом легких в тяжелой форме, из-за болезни сердца стала инвалидом второй группы и жена. А на руках у больных супругов — трое детей. О трудном положении семьи узнал Сидор Артемьевич. На свои деньги он покупал и отсылал регулярно Шубиным самые лучшие лекарства, но недуг победил — Николая не стало.

На могилу бывшего партизана лег венок и от генерала Ковпака, а телеграмму с соболезнованием хранят в семье Шубиных и поныне.

Годы прошли. Однажды Ковпака навестил старший сын покойного, тоже Николай, поразительно похожий на отца, лихого малолетнего разведчика, покрывшего путь от Путивля до Карпат. Генерал был растроган и взволнован. Беседуя с гостем, отложил все дела. Он рассказал ему, жадно ловившему каждое его слово, о боевых подвигах старшего Шубина и напомнил, что он, Николай, теперь глава семьи и наследник отцовской славы.

— Береги ее, Коля, слава отцов любит славу детей. Помни это, а я тебе во всем помогу.

Старик сдержал слово. Из года в год следил он за семьей Шубиных, помог детям определиться в школы-интернаты, учебные заведения. Сохранившиеся письма

юных Шубиных Ковпаку пронизаны чувством искренней любви и благодарности.

Людям, оказавшимся в беде, Ковпак помогал решительно и быстро, старик хорошо понимал, что помощь должна быть своевременной, а не запоздалой, когда человек или сам поправит свои дела, или вообще уже ни в чем на этом свете не нуждается. В этом отношении очень характерны письма, которые Ковпак посылал в различные учреждения. Обращает внимание их конкретность и деловитость. Старик никогда не полагался лишь на авторитет своего громкого имени и высокой должности. Кому бы и о чем он ни писал, он всегда обосновывает свою просьбу, напоминание, протест. Поэтому его письма всегда справедливы и убедительны, поэтому к ним на местах относятся с предельным вниманием и уважением. Руководители, большие и малые, получив бумагу за подписью Сидора Артемьевича, знали: Ковпак зря ни о чем и ни за кого просить не станет.

Так было и в случае с Евдокией Кузьминичной Пащенко, воевавшей под началом Ковпака. Эта скромная женщина дала о себе знать 20 января 1965 года, когда ей стало уж очень плохо. Послевоенная судьба забросила Евдокию Кузьминичну в Свердловскую область. Работала на стройках, где тяжело заболела и потеряла трудоспособность. Потребовалась пенсия, а получение ее зависело от бумаг, которых у Пащенко не оказалось. В пенсии ей отказали, и она обратилась за помощью к Ковпаку.

Получив сигнал тревоги, он забеспокоился, тотчас поднял архивы соединения, подготовил скрупулезно нужные справки о том, где, когда и как воевала Евдокия Пащенко. Затем последовало обстоятельное, аргументированное письмо председателю Свердловского облисполкома с приложением всех соответствующих документов:

«Ко мне, как своему бывшему командиру, обратилась партизанка Великой Отечественной войны Пащенко Евдокия Кузьминична, ныне Деянова, проживающая в г. Первоуральске, по ул. Толмачева, 14, кв. 2, с заявлением о том, что в связи с полученной в бою контузией и заболеваниями, перенесенными в партизанском отряде, она сейчас работать не в состоянии, а пенсии не получает.

В годы Великой Отечественной войны Е. К. Пащенко прошла в составе нашего Путивльского партизанского

отряда, выросшего в соединение партизанских отрядов Сумской области, а затем — в 1-ю Украинскую партизанскую дивизию, — боевыми рейдами по тылам врага на территории 9 областей Украины, 3 — Российской Федерации, 4 — Белоруссии и 2 воеводств Польши.

Она участвовала в большинстве боев, которые проводило соединение. Отдельные сведения о боевых делах Е. К. Пащенко сохранились в госархивах УССР.

Так, 17 июля 1942 г., в бою возле села Дубовичи Глуховского района Сумской области медсестра Евдокия Пащенко под сильным огнем противника оказала первую помощь 4 раненым бойцам и вынесла их с оружием с поля боя. Перевязывая четвертого из них, Пащенко увидела приближающееся отделение противника. Гранатами, взятыми у раненого бойца, и его автоматом она заставила фашистов отступить.

28 июля 1942 г. в бою за село Старая Гута той же области медсестра Пащенко без оружия ворвалась вместе с передовыми бойцами в расположение противника и, захватив винтовку убитого фашиста, уничтожила 3 гитлеровцев.

23 декабря 1943 года в бою за село Глушкевичи Гомельской области Белорусской ССР она убила трех фашистов. В бою за село Букча той же области 24 декабря 1943 года Пащенко под сильным пулеметным и минометным огнем противника оказала первую помощь трем раненым товарищам и вынесла их с поля боя. Тут же она была контужена, но оставалась в строю до окончания боевой операции.

Из-за контузии ее пришлось перевести в главную санитарную часть соединения, где она и работала хирургической сестрой. В тяжелейших условиях рейда соединения в Карпаты (июнь — сентябрь 1943 г.) хирургическая сестра Е. К. Пащенко спасла жизнь десяткам раненых бойцов.

При возвращении 1-й Украинской дивизии из Польши весной 1944 года, после форсирования реки вброд, Пащенко простудилась, тяжело заболела и была отправлена на Большую землю — в г. Киев. По излечении в партизанском госпитале она в октябре 1944 года вернулась в строй и вплоть до 1947 года участвовала в боях с украинскими буржуазными националистами, орудовавшими в Тернопольской области.

Замечательные личные качества Евдокии Кузьминич-

ны Пащенко — этой скромной и мужественной женщины — высоко развитое чувство товарищества и долга перед Родиной обеспечили ей глубокое уважение всего личного состава дивизии.

Учитывая заслуги Е. К. Пащенко-Деяновой перед нашей Советской Родиной в годы Великой Отечественной войны, прошу рассмотреть вопрос о назначении ей персональной пенсии.

О результатах рассмотрения убедительно прошу Вас сообщить мне».

Хорошее, доброе письмо послал Сидор Артемьевич Е. К. Пащенко и ее мужу:

«Здравствуйте, дорогие Евдокия Кузьминична и Иван Ильич! Спасибо, что вспомнили своего бывшего командира и написали письмо. Меня огорчило то, что Евдокия Кузьминична и дети часто болеют. Что же касается пенсии, то я, со своей стороны, сделал все от меня зависящее — то есть в архивах были отысканы документы о боевой деятельности Евдокии Кузьминичны, на основании которых я послал подробное письмо председателю исполкома Свердловского областного Совета депутатов трудящихся с просьбой о назначении ей пенсии. Письмо отослано 27 февраля 1965 г. за № К-11.

О результатах решения этого вопроса прошу Вас поставить меня в известность.

Почти ежегодно партизаны нашего соединения собираются на традиционные встречи. Несколько раз собирались в Путивле, летом 1963 года — в Яремче, по случаю ознаменования 20-летия Карпатского рейда были в Делятине. В прошлом году собирались на Припяти. На эти встречи съезжаются наши партизаны с разных концов Советского Союза. Каждому очень приятно через столько лет встретиться со своими бывшими товарищами.

Много за это время воды утекло. Многих из наших друзей уже нет в живых. Умерли Миша Андросов, Сергей Анисимов, Петр Петрович Вершигора, Саша Ленкин, Василий Терехов, Тимофей Амвросиевич Строкач, Алексей Ильич Коренев, Михаил Иванович Павловский.

Высылаю вам свою книгу «Солдаты Малой земли», правда, на украинском языке, на русском, к сожалению, нет. Эта книга охватывает период нашей борьбы на территории севера Сумщины и в районе Брянских лесов. Сейчас я работаю над второй частью — «Походы по Правобережью».

Желаю вам всем крепкого здоровья, счастья в жизни и всего самого наилучшего.

С партизанским приветом
С. Ковпак».

30 апреля того же года Свердловск известил Ковпака, что Евдокии Кузьминичне Пащенко назначена персональная пенсия.

Однажды в Киев на экскурсию прибыла большая группа ленинградских пионеров. Они попросились на прием к дедушке Ковпаку. В это время Сидор Артемьевич был болен. Но маленьких путешественников он принял. Их оживленная беседа длилась более часа. А когда дети ушли, помолодевший и бодрый Дед сказал пионервожатому:

— Говоришь, дети счастливы? И я счастлив. Счастье в том, чтобы делать других счастливыми. Вот в чем счастье человека...

«КАКОВ ЕСТЬ — ВОТ И ВЕСЬ СВЕТ...»

— Ты весел, значит, и сердце у тебя доброе, — так нередко говорил Ковпак людям, им почитаемым и ему по-настоящему симпатичным. Старику, наверное, и в голову ни разу не пришло, что он сам — первый из этой породы.

Искренний, от полноты души смех, острое, наперченное словцо, не всегда удобное для воспроизведения в печати, — все это люди, знавшие Ковпака, считали неотъемлемым от его личности. Всяким видели Ковпака: и благодушным, и расстроенным, и обозленным, и грустным, и озабоченным. Обуревавшие его чувства соответственнно отображались на его подвижном, выразительном лице, которое, однако, становилось непроницаемо-каменным, если Дед почему-либо хотел скрыть свое настроение от окружающих. И все-таки самым характерным (хотя и не самым частым) расположением духа Ковпака было благожелательное лукавство. Немыслимо представить старика без его жизнерадостного смеха, красноречивой ухмылки (порой ох какой ядовитой!), метких и всегда к месту шуток, обычно незлобивых, но иногда убийственных. Этот великий жизнелюб был по своему характеру артистичен от природы, и в его шутке, что

быть бы ему на сцене, «як бы не рогач», есть доля истины. Такого мнения придерживались многие писатели, художники, актеры — словом, люди искусства, с которыми особенно сблизился Сидор Артемьевич в последний, киевский период своей жизни.

Вскоре после окончания войны в Киеве была организована республиканская выставка «Партизаны Украины в борьбе против немецко-фашистских захватчиков». Сидор Артемьевич принимал в ее подготовке самое активное и непосредственное участие и по своей должности, и потому, что он был Ковпаком, то есть человеком, без которого такая выставка просто не мыслилась.

Работы было уйма не только для историков и бывших участников партизанского движения, но и для художников, скульпторов, декораторов. Свой щедрый дар и доброе сердце вложили в оформление выставки Василий Ильич Касиян, Михаил Григорьевич Лысенко, Алексей Алексеевич Шовкуненко — ныне академики, народные художники СССР — и многие другие выдающиеся мастера искусств Украины.

Для всех них Ковпак, был первым советчиком, консультантом, критиком. Дед дотошно, скрупулезно, ревниво вникал во все решительно детали их работы, помогал словом и делом. Ничто не раздражало его, не утомляло, не притупляло живого и острого интереса к протекающему при нем процессу творчества. Он даже соглашался на терпеливое, многодневное позирование художникам и скульпторам.. Нужно так нужно... При всей своей скромности старик понимал, что на такой выставке без его, Ковпака, портрета не обойтись.

Бюст партизанского генерала лепил Кирилл Васильевич Диденко. Скульптор поражался: откуда у Деда столько выдержки, терпения, добродушия, юмора. Он, Диденко, будучи много моложе и физически сильнее, изнемогал порой от усталости, работая над скульптурным портретом сидящего перед ним удивительного, бодрого, веселого, общительного и словно двужильного старика. По признанию скульптора, лишь когда с него «седьмой пот сходил», Сидор Артемьевич предлагал:

— Ну, Кирилл, хватит на сегодня, а? А то, я вижу, ты совсем зашился, аж руки дрожат от усталости. Ни к чему так... Тише едешь — дальше будешь. Это и для нас с тобой сказано. Давай перекур, а там пойдешь дальше.

И так дружелюбно, заботливо и лукаво смотрел в глаза, что Диденко тотчас сдавался.

— Будь по-вашему, Сидор Артемьевич.

Они подружились крепко и прочно. Причем сразу же, легко и естественно. Первое, что поразило Диденко, — это редкостная догадливость Ковпака. Дед позировал впервые в жизни, но скульптору ни разу не пришлось что-то втолковывать ему, приобщая к тому, что для самого Диденко было прописной истиной его профессии. Ковпак интуитивно, своим удивительным чутьем безошибочно угадывал, что именно требуется от него скульптору. Во время продолжительных сеансов Ковпак бывал, как никогда, словоохотлив, рассказывал много и живописно. Как-то, правда, откровенно спросил:

— Кирилл, а не надоела тебе моя болтовня?

— Побольше бы таких разговоров, ей-ей, легче бы работалось, — улыбнулся скульптор.

— Неужто? — вскинул брови Ковпак.

— А зачем же мне душою кривить, Сидор Артемьевич? Слушать вас мне интересно и полезно, к тому же нашему брату всегда приятно чувствовать, что вы неравнодушны к нашему делу. Посудите сами, разве это не так?

— О-о! Вот это святая правда! — оживился Ковпак. — Ничего нет дороже людского внимания к труду, я понимаю, брат. По себе знаю. Тем более к такому труду, как твой. Ведь он человека увековечивает. Да как увековечивает — и веселым, и грустным, и плачущим. Так же?

— Точно! — согласился Диденко. — Скажем, вот вы сами, Сидор Артемьевич. Каким вас должны видеть наши люди? Как вы думаете?

— Да как все, так и я думаю, что каков есть — вот и весь свет...

— Никогда в слезах не бывали разве?

— Как же не бывал, брат! Всяко на веку случалось. Жизнь — мастерица на выдумки, сам знаешь. Но чего не знал за собою сроду — так это плаксою быть, нытиком. Не терплю в других, а о себе что и говорить! Бывало, так подожмет, по самое некуда. Что делать прикажешь? Виду не подавать? Попробуй, удастся ли. Я пробовал, например. Удавалось. Видел, если иначе — гибель наверняка. А кому охота гробить и себя, и дело? Вот я и понял: что бы с тобой ни стряслось — держись мо-

лодцом, не горюй, головы не теряй, терпи, дерись, все равно твоя возьмет. И знаешь, Кирилл, так оно и получается, честное слово. Сам проверял, точно.

Ковпак улыбнулся, но тут же спохватился:

— Э-э, хлопче! За внимание ко мне, конечно, спасибо, однако я на такое внимание за счет работы не согласен. Время-то идет, а у меня тоже куча дел.

Проходили дни, заполненные напряженным трудом. Сильные пальцы вчерашнего фронтовика любовно делали привычное дело. Из бесформенной глиняной массы постепенно возникало волевое, характерное лицо с устремленными куда-то вдаль, прищуренными глазами... Это был, несомненно, Ковпак, но вместе с тем и кто-то другой с внешностью Ковпака — внутренне приподнятый над житейской будничностью, отрешенный от всего мелочного и суетного...

Бюст Ковпака еще в глине обратил на себя внимание. Он стал предметом весьма придирчивого обсуждения. В мастерскую Диденко потянулись скульпторы, художники, критики. Само собой разумеется, сколько было посетителей, столько же и мнений, порой совершенно противоположных. Ковпак в этой связи посоветовал скульптору:

— Ты, Кирилл, слушать — слушай, а свое дело знай! Не то сгоряча возьмешь да всю работу свою сам же и испортишь. Такое бывает. И будешь одну глину иметь...

Диденко успокаивал:

— Все по-нашему выйдет, Сидор Артемьевич!

Личность Ковпака привлекала живой интерес многих деятелей литературы и искусства. Характерно, что еще в 1943 году Александр Довженко писал Вершигоре: «Ковпак должен остаться в искусстве и истории Украины... Говорят, старик исключительный оригинал, тонкий и мудрый человек, настоящий сын народа».

Память павших для живых свята. Эти слова можно было слышать от Ковпака часто. Сам он прямо-таки благоговел перед теми, кто хоть и взят был навеки родной землей, но обрел бессмертие в людских сердцах. Память о вечно живом комиссаре Рудневе блюлась Ковпаком особенно трепетно.

Для выставки создавалась галерея портретов героев партизанской эпопеи. Галерея, разумеется, была немыслима без портрета Руднева. Ковпак, вообще чрезвычайно

ревностно относившийся ко всему, связанному с организацией выставки, тут уж буквально заболел. Не проходило и дня, чтобы он не спросил, как продвигается работа над портретом комиссара, нужна ли его помощь в чем-либо. К сожалению, как оказалось, старик беспокоился не напрасно. Портрет художнику не удался. Была живописная фотография, но не было живого Руднева.

В помещении дирекции выставки, куда доставили завершенное полотно, собрались художники. Высказываться воздерживались — ждали, что скажет Ковпак. Дед не отрывает от портрета остро прищуренных глаз. И молчит. Пауза становится нестерпимой. Наконец Ковпак отходит к столу, закуривает и произносит:

— Прошу, товарищи... — Сидор Артемьевич явно не хотел предопределять суждения специалистов. Кто-то из художников неуверенно начал:

— По-моему, это хоть и не шедевр, но вполне приличная вещь, Сидор Артемьевич...

Заслышав такое, те, кто знал Ковпака поближе, едва не схватились за голову, в предвидении, как Дед взорвется. Но этого не произошло. Наоборот, Ковпак был удивительно спокоен. Ответил мягко, но с чувством нескрываемого сожаления:

— В самом деле? Гм... Придется не согласиться с тобой, хоть я и простой мужик, а ты художник. Так вот, не Руднев это. Неправда, будто это — наш комиссар. Да, неправда! Сроду не терплю, когда душой кривят, так почему я сейчас эту самую неправду должен за правду принять, да еще и хвалить? Ведь этот усатый дядя, что на портрете, как Николай-угодник, равнодушен ко всему на свете, кроме своих усов. Понятно? Равнодушен... Лицо каменное, глаза холодные. И это — Руднев?! Да ты что, молодой человек, всерьез так думаешь? Не поверю, хоть ты и не знал Семена Васильевича...

Ковпак скорбно улыбнулся:

— Уж я-то немного знал его... Немного... Так разве не хочется мне увидеть его и на полотне таким? Таким, каким он жил, — горячим до того человеком, что, верите, возле него хоть кому жарко становилось. И мне тоже...

Дальнейшее обсуждение было излишне. Это понимали все. Тон Ковпака, каждое его горькое слово, настроение, передавшееся присутствующим, были убедительнее любого возможного профессионального высказывания. Пер-

вым это ощутил один из самых выдающихся мастеров Украины, Василий Ильич Касиян. Ощутил и подытожил:

— Думаю, что все ясно, товарищи. А потому — давайте за работу.

Художник, которого эти слова касались непосредственно, оказался человеком совестливым, он понял, чего от него хотят, и надолго замкнулся в своей мастерской. И не напрасно. Когда Ковпак по прошествии времени вновь острым глазом рассматривал полотно, то сказал тепло и сердечно:

— Хотел бы я знать, кто теперь скажет, будто это не Семен Васильевич!

Подобные эпизоды, правда, случались сравнительно редко. В подавляющем большинстве мастера искусств республики (среди них были и фронтовики и партизаны) работали для выставки с подлинным воодушевлением, вкладывая в произведения весь свой талант, знания, искренность. Каждой творческой удаче Ковпак радовался до глубины души и на похвалы не скупился.

Маститый художник Михаил Григорьевич Лысенко, уже тогда профессор и академик Академии художеств СССР, экспонировал на выставке скульптурную композицию «Партизанский рейд», ныне установленную в Сумах. Работа произвела на всех огромное впечатление. В центре группы — завязнувшая в непролазной топи партизанская артиллерийская упряжка. Осевшие в трясине по самые животы лошади изнемогают. В конских глазах — нестерпимая мука. А каратели наседают... В последнее мгновение сила народная все же одолевает вражью силу: людские руки вырывают у болота его добычу. Партизанский рейд продолжается! Бронза скульптуры — затвердевшая человеческая плоть. Она лоснится, словно от тяжкого, соленого ратного пота... Народное войско застыло в металле таким, каким было и сражалось в действительности: суровым, исполненным нерушимой веры в свою высшую правоту, а потому неуязвимо спокойным. Осязаемо и зримо скульптор передал слияние физической и духовной, моральной и идейной сил...

Лишь завидев композицию, Ковпак не сдержал возглас восхищения:

— Ох, здорово, ну, здорово! Ай да молодчина! — И тут же потребовал от директора выставки познакомить его со скульптором. Знакомство, конечно, состоялось не-

замедлительно, к обоюдному удовольствию прославленного партизанского генерала и знаменитого художника. Добрые слова Ковпак привык говорить в глаза столь же откровенно, что и нелицеприятные, правда, делал это с куда большим удовольствием.

— Вот какой ты! — сказал он Лысенко в первую же минуту их встречи. — А я думал — великан... И руки у тебя золотые, щоб я вмер, если не так. Работу твою видел. Спасибо! Дело знаешь крепко. Не серчай, что я с ходу на «ты»... Это от почета моего к тебе за такую работу. Понимаешь, кого не уважаю, сроду не скажу «ты». Так и знай! Спасибо, друг Михайло!

Растроганный художник молча поклонился генералу. Тот пожал Лысенко руку и ласково улыбнулся. Кто хоть раз видел эту Ковпакову улыбку, навсегда запоминал ее, она, словно внезапно распахнувшееся окно, мгновенно открывала людям то, что обычно скрывалось за внешней суровостью и сухостью генерала, — его душу щедрого человеколюба.

Лысенко был известен как великий молчальник. О его немногословии рассказывали анекдоты, но тут, покоренный обаянием Деда, он произнес неимоверно длинную для себя фразу:

— Вы не возражаете, Сидор Артемьевич, если я предложу вам на память фрагмент этой работы?

— Хорош бы я был, если бы отказался! — весело воскликнул чрезвычайно довольный Ковпак. — Не знаю, как и благодарить тебя, прими же спасибо величиной с твой талант!

Он бережно взял в руки подарок и закончил:

— И вот что, брат Михайло, если бы меня спросили, а какая она была, жизнь партизанская, то я бы показал эту твою мудрацию и сказал: «Вот она какая, люди добрые!»

Тут уже академик промолвил одно-единственное слово:

— Спасибо!

«ТЕХ ДВОИХ Я НЕ СЧИТАЮ!»

Популярность Ковпака была исключительной. Его имя хорошо знали и за рубежами Советской страны. Уважение к знаменитому партизанскому генералу проявилось

и в том, что правительства ряда стран удостоили его высоких воинских наград. Он был кавалером ордена «Белого Льва» и Чехословацкого креста, Креста Грюнвальда Польской Народной Республики, медали «Венгерского партизана», итальянских Золотой и Бронзовой Звезд Гарибальди. Партизаны и борцы Сопротивления Европы считали его как бы своим старейшиной. Не случайно один из партизанских отрядов Франции в 1943 году принял имя Ковпака. Легендарный генерал был желанным гостем многих стран и сам охотно принимал иностранных гостей.

За границей Ковпак ни на йоту не изменял себе ни в чем. Держался просто и естественно, как привык дома, не подлаживался к чужим нравам и обычаям, хотя относился к ним уважительно, как и подобает гостю, соблюдающему достоинство и свое, и хозяев.

Куда бы ни приезжал Ковпак, он сразу же оказывался в центре всеобщего внимания. Многих удивляла и поражала уже сама его внешность: небольшой рост, крутой лоб, переходящий в сверкающую лысину, острый клинышек белой бородки, лукавые глаза, приветливая улыбка на губах, умеющих, однако, мгновенно сжиматься и твердеть, когда старик чуял перед собой явного или тайного врага. В поездках случались и такие встречи.

Люди труда сразу понимали, что перед ними — старый, умудренный большой и нелегкой жизнью крестьянин, такой же простой и доступный, как они сами. И вдруг — генеральские зигзаги на погонах, блеск множества орденов на парадном мундире, золото двух Звезд Героя Советского Союза. Это поражало, даже сбивало с толку, невольно наводило на вопрос: что же умеет этот обыкновенный, мирный и приветливый старик, чего не умеют остальные, чем снискал он такую поистине легендарную славу? В чем ее секрет?

Конечно, за границей были люди, которые отлично знали, почему в СССР простой крестьянин мог стать национальным героем, генералом, депутатом двух парламентов, членом Центрального Комитета правящей партии, видным государственным деятелем. Им это было понятно, потому что они никогда не забывали, что легендарный Джузеппе Гарибальди тоже не являлся выходцем из знатного рода и никогда не кончал военных академий, а герой французского Сопротивления «полковник Фабиан» на самом деле был рабочим-коммунистом.

Для таких Ковпак был не только понятным, но своим, близким, родным, их скорее удивило, если бы он оказался каким-то другим.

Эти люди — коммунисты, единомышленники, сами бывшие партизаны и подпольщики, мужественные антифашисты. Встречи с ними за рубежом всегда особенно волновали и радовали Ковпака. Впрочем, не только радовали...

Как-то, вернувшись из очередной поездки, он с горечью рассказывал одному из друзей:

— Кстати, насчет партизанских дел. Эх, навидался же я по заграницам, какие они, дела эти. Виделся, конечно, с тамошними партизанами и подпольщиками. Их там, понимаешь, взяли моду называть «эти, из Сопротивления». Отношение к ним сволочное. Вчера эти ребята, можно сказать, свое отечество спасали от верной гибели, а сегодня страдают, от безработицы пропадают. Их первыми швыряют за решетку, они ведь самые опасные для господ буржуев. И получается, Гитлеру голову свернули, а теперь их свои гитлеры домашние в бараний рог сгибают...

Надо сказать, что Ковпак читал решительно всю литературу о партизанском движении в годы второй мировой войны, и советскую, и переводную. До глубины души его бесили труды некоторых западных историков и воспоминания бывших фашистских генералов, которые утверждали, что партизанская война — дело незаконное, выходящее за рамки международных правовых норм.

— Не по правилам воевали! — горячился Дед. — А почему? Потому, видите ли, что партизаны не носили форму и знаков различия! Эти словоблуды смеют что-то говорить о законе! Что они смыслят в законах? Только то, что закон — это их выгода, нет ее — нет и закона. Фрицы, помню, нас тоже бандитами называли. Интересно получается, настоящие бандиты считали себя солдатами, а воинов народных — бандитами... И тоже — по своему закону. От этих законов страна наша миллионов народу лишилась...

Быстро разобрался Ковпак в ложной концепции довольно интересной и «по возможности» объективной книги англичан Диксона и Гейльбрунна «Коммунистические партизанские действия»:

— Тоже все вверх ногами, хотя сами, чую, отлично

правду знают. Получается, что советское партизанское движение не народное вовсе, оно, видите ли, коммунистическое, одних лишь коммунистов дело, да и то не всех, а только фанатиков. Да знают ли эти господа, что у меня из пяти с половиной тысяч бойцов, что в разное время были в соединении, коммунистов не набиралось и девятисот, а остальные — беспартийные? К тому же многие из этих девятисот в партию вступали уже в отряде, став партизанами и отличившись в боях. Так-то!

Старик не только ругался в адрес всевозможных фальсификаторов истории, в том числе из среды осевших после войны в Западной Европе и за океаном украинских буржуазных националистов. Защитой исторической правды, данью глубочайшего уважения всем советским патриотам, коммунистам и беспартийным, спасшим мир от фашизма, стали его собственные книги, переведенные на многие языки: «От Путивля до Карпат», «Из дневника партизанских походов», «Солдаты Малой земли». Эти книги — сплав страстности активнейшего участника великих событий со скрупулезной объективностью и честностью историографа.

«Терпеть не могу брехни!» — этого простого и лаконичного принципа Ковпак неуклонно держался всю свою жизнь и во всем. Верен ему остался Сидор Артемьевич и в своих литературных трудах.

Даже в крайнем раздражении он не терял чувства юмора, а потому разговор о фальсификаторах закончил так:

— Это, знаешь, как те два кума. Чокались они, понимаешь, усиленно и до того дочокались, пока один не предложил: «Ты, брат, уже того, пьян, и хватит уж с тебя. Будя. А вот я — в порядке, так что еще хлебну». — «А с чего это ты взял, — возражает другой, — будто я пьян и мне уже хватит?» — «А с того, — отвечает первый, — что я тебя уже не вижу».

«Загадка Ковпака». А ее не существовало. Встречаясь с Ковпаком, беседуя с ним, обмениваясь мнениями, слушая его оценки, замечания, суждения, люди сами находили ответ на вопрос: в чем секрет его личности? Зарубежные собеседники Ковпака быстро удостоверялись, насколько он прям, честен, доброжелателен, насколько чужды ему лесть, лицемерие, ложь в любой форме. Ковпак представал перед ними в своем многообразии: человеком большой и щедрой души, простым, но далеко не

простоватым, умницей, правдолюбцем, солдатом и военачальником одновременно, государственным мужем.

Раньше Ковпак никогда за границей не бывал, если не считать пребывания в Польше во время первой мировой войны, впрочем, Польша была тогда окраиной Российской империи. Казалось бы, Деду, всю жизнь прожившему в селах и небольших городах, многое должно было на Западе показаться в диковинку. Он и в самом деле приглядывался ко всему с живейшим интересом и с нескрываемым, однако тактичным любопытством. Но и в непривычной, порой сложной обстановке зарубежной поездки он, как всегда, схватывал самое главное, самое существенное, соответственно и реагировал на то, что видел.

Скажем, задают ему традиционный вопрос: «Нравится ли вам наш город?» Заранее предвидится вежливо-банальный, никого и ни к чему не обязывающий ответ. А тут вдруг такое:

— Как-то цыгану поднесли кварту водки. Он выпил. Его спрашивают: «Ну, как?» Отвечает: «Не распробовал!» Подают вторую кварту. Он и эту опрокинул. «Ну а теперь как?» — «А теперь, понимаете, перепробовал я!» — отвечает.

Вот и я, извините, скажу так: «Не разобрался еще, каков он, ваш город». Не знаю еще, как здесь живется людям, — вот главное. Ну а выглядит он, конечно, хорошо, красиво, ничего не скажешь...

Римляне как-то полюбопытствовали:

— Синьор Ковпак, ваше мнение о Колизее?

— Колизей? Пожалуй, когда его строили, то, наверное, с таким расчетом, чтобы всякий глядел на него снизу вверх. А кто может глядеть именно так? Раб, конечно. Его-то Рим и пугал такими вот Колизеями — громадными, вечными. Смотрите, мол, рабы, и знайте: вечно Рим будет вашим господином... А что вышло? — Ковпак лукаво улыбнулся провожатым. — Понятное дело, вы об этом не задумывались, я знаю. Вам просто ни к чему... А вышло то, что хоть Колизей и стоит, да память о времени, когда его строили, можно сказать, повержена, человек смотрит сверху. Потому что человека не сделать навсегда рабом никому. Прошу не думать, будто это открытие мое. Ничуть! Просто я ответил на вопрос, как мог.

Однажды Ковпак посетил парламент. Он, сам депутат Верховного Совета, видел это буржуазное учреждение

вблизи впервые. Слышал, конечно, многое. Шло очередное заседание. Ковпак быстро оглядел зал и усмехнулся. Так, чуть-чуть, чтобы не обидеть сопровождающих. Те, однако, поняли: половина присутствующих депутатов откровенно дремала на своих скамьях. Почти никто не слушал оратора, что-то бубнившего на трибуне.

— Что он говорит? — спросил Ковпак переводчика.

— Читает библию, — отозвался тот.

— Зачем? — удивленно вскинул седые брови генерал. — Это же парламент, а не церковь.

— Видите ли, синьор Ковпак, у нас демократия, свобода, и потому всякому депутату предоставлено право говорить или читать что угодно...

— Вот оно как! Спасибо за пояснение о свободе и демократии. Теперь я буду знать, что это свобода делать что вздумается...

Переводчик молчал. Не мог же он объяснить советскому гостю, что многочасовое чтение библии или, скажем, прошлогодней газеты вовсе не такое бессмысленное занятие, как могло показаться неискушенному человеку. Это проверенный парламентский трюк, используемый депутатами какой-либо фракции, если им нужно по тактическим соображениям тянуть время, чтобы не уступать трибуну своим политическим противникам.

Между тем Ковпак встрепенулся:

— У меня вопрос!

— Прошу, синьор...

— Кто является здесь депутатом?

— О, синьор, но ведь это общеизвестно! Конечно же, самые уважаемые сограждане...

— То есть рабочие и крестьяне?

Переводчик замялся. Он понимал, куда бьет этот остроглазый старик, но попытался ответить заученным:

— Синьор Ковпак, наверное, согласится, что простые рабочие и крестьяне просто не сумеют управлять государством...

— Вы так думаете? — прищурился генерал. — Только напрасно думаете, что я с вами соглашусь. Никогда! Моей страной правят рабочие и крестьяне. Один из них — я сам, крестьянин. Судите сами, могу ли я с вами согласиться. Получается, что ваша демократия без рабочих и без крестьян. Стало быть, без народа. Тогда с кем же она и для кого? Впрочем, чего я спрашиваю, и так понятно...

И друзей, и врагов за границей Ковпак повстречал немало. Он один, пожалуй, знал по-настоящему, чего ему стоило давать отпор всякого рода молодчикам, пытавшимся спровоцировать старика. Зато он же бесконечно радовался, видя, как любят и чтут его Родину люди труда. Провокаторов же обрезал решительно, не стесняясь в выражениях. В одной из поездок Ковпака буквально преследовал по пятам корреспондент какой-то, судя по поведению ее представителя, антисоветской газеты. На одной из пресс-конференций этот корреспондент спросил Ковпака:

— Господин Ковпак, вы коммунист и воевали за коммунизм?

— А вы как бы хотели?

Журналист смешался, но попытался выкрутиться:

— О да, мы понимаем... Как же иначе. Потому-то вы собираетесь насадить коммунизм и в некоммунистических странах тем же вооруженным путем?

Их глаза встретились. Ковпак словно целился из нагана по врагу — так остер и беспощаден был его прищур. Он весь подобрался, как, бывало, в бою.

— Подойдите ближе, молодой человек! Хочу получше разглядеть ваши глаза... Одна ли там пустота, или, может, хоть кроха порядочности осталась. Не хотите? Ладно, не надо. Тогда я издали скажу. Ничего у вас не выйдет. Ничего! Вы же ловите тех, кто глупее вас. А таких нет. Перевелись, понятно? С той поры люди поумнели, как Гитлеру шею свернули. Они сразу раскусывают тех, кто вроде вас коммунизмом стращает и экспортом революции запугивает. И вас насквозь видно тоже, видно и тех, кто вам платит за ваши старания.

Насчет же экспорта революции, то вы хоть раз в жизни попробуйте, если сможете, сказать людям правду... Какую? А ту, что всякая революция дело свое, домашнее. Понадобится она людям, они и совершат ее, ни у кого не спросясь. Понятно! А таких, как вы, — тем более. Вот оно и получается, что «экспорт революции» — это не наше дело, а ваша басня. Вот ежели поговорить о контрреволюции, то это уже точно, ваше дело! И как оно бывает — я лично знаю. Имел с нею дело в нашу гражданскую. Чем она кончилась, наверное, слыхали? Вот я и говорю: еще кому захочется руки обжечь — пусть пробуют. Не советуем! Так и запишите, молодой человек.

...Чехословакия, 1948 год. В феврале народ сокрушил последнюю, как и казалось тогда, попытку старых хозяев вернуть буржуазные порядки. Порядки, прямой дорогой приведшие страну к Мюнхену и гитлеровской оккупации. Коммунистическая партия подняла рабочих и крестьян — настоящих хозяев, и они доказали, что возврата к прошлому нет и не будет. Буржуазная Чехословакия умерла в мае сорок пятого, и никакие силы в мире, ни внутренняя, ни внешняя контрреволюция, ее не воскресят. Ковпак посетил Чехословакию вскоре после февральских событий. (Кстати, Украинским отделением Общества советско-чехословацкой дружбы Сидор Артемьевич руководил около 10 лет.) Гостей из СССР повсюду принимали как кровных братьев, как самых близких и дорогих людей, без чьей помощи не стала бы свободной их родина — народная Чехословакия. Прага... На городской площади — море голов. Идет митинг в честь чехословацко-советской дружбы. Выступает Сидор Артемьевич Ковпак:

— Друзья и братья! Товарищи! Пражане! Ценю ваше внимание и потому буду краток. То, что у вас сейчас происходит, — это экзамен. Да, экзамен, который, как известно, без знаний и подготовки сдать успешно нельзя. Рабочие и крестьяне это понимают, поэтому они сорвали затею врагов новой, народной Чехословакии. Ленин учит, что всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться. И вы теперь это знаете не хуже меня!

Гул одобрения всколыхнул площадь. Ковпак поднял руку, прося тишины, и продолжал:

— Я знаю, все мы знаем: трудно вам сейчас. Да, трудно. Ну и что из этого? А нам было легче все эти годы? И что же? Мы не согнулись. Наоборот, мы всё одолели. Так и вы, братья!

И снова гул прокатился по площади: это Прага отвечала Ковпаку согласием...

— Помните, друзья, как двенадцать держав нам веревку на шею готовили? А что вышло?

Старик явно оговорился: вместо четырнадцати назвал двенадцать. Беда, конечно, не столь уже велика, простая промашка, которую легко исправить. Именно этим и руководствовались члены делегации Лидия Кухаренко и Кузьма Дубина. Оба, не сговариваясь, шепнули Деду:

— Не двенадцать, а четырнадцать!

По-видимому, они плохо знали Ковпака. Он, правда, был не из тех, кто отвергает помощь товарищей, но и не из тех, кто согласен публично краснеть за собственный грех. Именно публично — Сидор Артемьевич, конечно же, сообразил, что мощные микрофоны разнесли подсказку на всю площадь! Как быть? Как доказать пражанам, что никакой промашки не было? Тут было от чего растеряться...

И все же старик остался верен себе. Сохранил присутствие духа. Выручили прирожденная находчивость и остроумие.

Усилители зазвучали снова — голос Ковпака был по-прежнему бодр, лицо невозмутимо:

— Пражане, вы слышали поправку? Четырнадцать, дескать, а не двенадцать государств жаждало нашей крови. Что на это сказать? А то, что для историков это именно так — четырнадцать. Все правильно. Но я не историк, я — солдат. Я дрался с этими государствами, не считая их, мне было ни к чему. Важно было их одолеть — хоть двенадцать, хоть четырнадцать. А если их оказалось на два больше, то, значит, тем более велика наша победа, вот что я хочу сказать, братья! А потому я тех двоих, что поменьше, просто не считаю!

Площадь громыхнула овацией и хохотом. Едва ли не громче всех смеялся сам Ковпак. Смеялся, отлично понимая, что все сообразили: Ковпак все же так и не знает, что это за «двое», которых он не считает...

«СПАСИБО!»

Уже говорилось, что ни высшего, ни среднего, ни какого-либо специального образования Ковпак не имел и, следовательно, высокие государственные посты, доверенные ему, занимал, не будучи подготовленным к ним в общепринятом смысле слова. Но в том-то и дело, что Ковпак — самородок, и общепринятые мерки к нему неприложимы. Только незаурядностью его личности и можно объяснить тот факт, что малообразованный старик, более чем скромный даже в части элементарной грамотности, всегда был на высоте положения! Никогда никому и в голову не приходила мысль, что Дед явно не в свои сани сел. Ковпак всегда садился в свои сани, а сев, держался в них прочно. Если же к таланту Ковпака прило-

жить его огромный жизненный опыт и неистощимую работоспособность, станет понятной сила этого человека и в годы войны, и в мирное время.

И еще — стиль работы Ковпака. Коротко его можно сформулировать в одном неизменном правиле: главное — людская душа. Все остальное потом. С познания этой самой души Ковпак начинал решительно все. Он никогда ничего не предпринимал, пока не убеждался, что разобрался в человеке до конца. Разобравшись, решал, верить этому человеку или нет. Преобладало первое... Ковпак верил людям, потому что верил самому себе. Он часто говорил: «Все хотят одного — добра. Я тоже. Значит, все — и я с ними — стоят доверия и помощи. Остается оказывать им то и другое. Вот и все...»

Вот и все. Очень просто. Как прост был и сам Ковпак, так говоривший и так поступавший. Это душевное качество Деда зиждилось на прочном фундаменте — до чрезвычайности обостренном правдолюбии, делавшем его беспощадно нетерпимым к малейшей неправде как у других, так и у себя самого. В свою очередь, эта беспощадность придавала Ковпаку нерушимую твердость и уверенность в поступках.

С этой высоты понятий о чести, о правде Ковпак расценивал и собственное служебное положение. Оно виделось ему как долг, который он всю жизнь платит партии, государству, народу. По тому же своему неистребимому правдолюбию Ковпак люто ненавидел всякий бюрократизм.

Как-то Сидору Артемьевичу подали на подпись документ — ответ на заявление, поступившее от колхозника, инвалида Отечественной войны. Ковпак по многолетней привычке несколько раз перечитал текст, чуть шевеля губами. Задумался. Снова перечитал. Потом молча вернул документ сотруднику аппарата Президиума, стоявшему рядом в ожидании подписи.

Тот озадачен:

— Не подпишете, Сидор Артемьевич?

— Не подпишу.

— Что-нибудь не так?

— Вот именно.

— Так в чем же дело?

— А в том, что ты мне одну только бумагу подал, одну бумагу, а не помощь. А человеку помощь нужна, а не бумага о помощи. Понял?

— Понимаю, Сидор Артемьевич, но человек просит у нас того, чего мы сделать не можем. Компетенция не наша, не Верховного Совета...

— Вот тебе и раз! Ну и что из того? Разве нельзя договориться с тем, у кого есть эта твоя компетенция, и помочь человеку, а не футболить бумаги? Чего молчишь?

Ничего не ответив, сотрудник ушел, унеся злополучный документ. Ковпак мог не беспокоиться: теперь человеку действительно помогут.

Доброжелательность Ковпака, однако, никогда не переходила в безмятежное благодушие. Не так уж редко он становился крут, беспощадно прям и откровенен до грубости — такое случалось, если просьба посетителя не вязалась с законом. Если проситель хитрил, ловчил, врал, он наталкивался на скалу. Ковпак был неумолим, ничто не могло его принудить нарушить или обойти закон. Ковпак не ограничивался отказом: он немедля, не спуская глаз с посетителя, объяснял ему, почему он, Ковпак, считает свое решение единственно правильным. Соглашался с ним обиженный или, наоборот, возражал, отрицал, значения не имело. Ковпак упорно вел свою линию. Внятно, ясно, четко и коротко он втолковывал, почему не прав посетитель, а прав он — Ковпак. И не столько лично Ковпак, сколько народ, государство, им в данном случае представляемое. Разъяснение порой превращалось в настоящую, притом весьма поучительную лекцию. «Чтобы доказать человеку его неправоту и тем помочь ему найти правду — для этого нельзя жалеть времени», — часто говорил он своим сотрудникам. Не только они — все на Украине знали: «Если с правдой к нему пойдешь, с правдой и выйдешь. А нет — лучше не ходи вовсе...»

Удовлетворял ли Ковпак просьбу посетителя или отказывал, в любом случае человек не уходил из приемной заместителя председателя Президиума Верховного Совета республики без справедливости...

Пришел однажды средних лет дядька с торбой за плечами. Секретарь приемной Наташа Мандрик скользнула взглядом по неприметной фигуре крестьянина — таких здесь тысячи побывали. Девушка привычно взялась за карандаш.

— Вы к Сидору Артемьевичу?

— К нему...

— Пожалуйста, назовите фамилию. Я вас запишу на очередь. Сегодня, к сожалению, приема нет.

— Да вы, голубушка, того... Не хлопочите. И записывать ни к чему. Скажите просто, мол, просится к вам знакомый. Ничего ему от вас не нужно. Хочет лишь спасибо сказать за науку. В сорок третьем преподал мне ее Сидор Артемьевич... Вот и все, дочка.

От сдержанности крестьянина не оставалось уже и следа. Он явно волновался, говорил возбужденно и спеша. Ковпак, сам человек догадливый и сообразительный, терпеть не мог людей невнимательных и нечутких. Таких сотрудников в его окружении не было и быть не могло. Все секретари и помощники Сидора Артемьевича потому были людьми остроглазыми и наблюдательными, а главное — добросовестными. Ковпак внушал им не раз и не два:

— Вы, а не я начинаете прием людей. С вас и начинается здесь Советская власть. Вот я и прошу: пришел к нам человек, пусть сразу почувствует — не зря пришел, с правдой уйдет от нас. И вы первыми ему эту мысль подавайте! Первыми! Помните это...

Девушка, слушавшая разволновавшегося дядьку, быстро сообразила, что к чему, и моментально исчезла за дубовой дверью Ковпакова кабинета. Спустя мгновение она выглянула:

— Прошу войти!

Дядька обрадованно кивнул и заторопился к полуоткрытой двери. Ковпак приподнялся ему навстречу, с минуту всматривался в лицо, что-то припоминая. Пригласил радушно:

— Да вы садитесь, ногам и без того работы хватает.

— Ваша правда, спасибо... — Гость осторожно опустился в глубину большого кожаного кресла напротив письменного стола. Почему-то он до сих пор так и не поднял глаз на генерала. На посетителе — гуцулка, или кептар, то есть меховая безрукавка, богато расшитая цветными нитками, удивительно нарядная. В руках крысаня с твердыми полями, украшенная яркой лентой и не менее ярким петушиным пером. Голову обнажил еще в дверях, как и полагается по крестьянской воспитанности и уважительности.

— Что, Сидор Артемьевич, меня уж и не узнать?

— Узнать? — Ковпак поднял бровь. — А мы знались раньше? Погоди-ка, мил-человек... — Взгляд Деда зату-

манило отдаленное воспоминание... Карпаты. Истекает кровью партизанское войско, в одиннадцатый раз загнанное в фашистское кольцо. Каратели наступают остервенело. Все горные тропы, дороги, пути перекрыты. Надвигается голод. Люди измотаны смертельно. Без проводника — Ковпаку и Рудневу это ясно как день божий — двигаться дальше означает идти навстречу смерти. Разведчики привели такого, разыскали. Вот он многие годы спустя и сидит сейчас перед Ковпаком. Улыбается... А тогда?

...— Ты кто? — Страшно исхудалый, почерневший от недосыпания и адского напряжения этих дней, Ковпак был грозен на вид. Вопрос прозвучал как выстрел.

— Здешний учитель, — поспешно отозвался верховинец.

В глаза ему, в самую душу, казалось, вглядывался тогда Ковпак. От разведчиков он знал уже, что задержанный, точно, учитель, но от них же знал о нем еще кое-что. Ковпак смотрел и молчал. А учитель читал в этом молчании то, что было в нем на самом деле: печаль, удивление, укор и... сочувствие. Ибо кому, как не умудренному жизнью старику, было знать лучше всех, в чем беда учителя, волею войны стоящего сейчас перед советским генералом и коммунистом и, конечно, неспособного еще уразуметь, почему грустит генерал, в чем укоряет учителя. А Ковпак видел перед собой еще одного из многих уже виденных им на Западной Украине местных интеллигентов, угодивших в тенета националистов из банды Бандеры и зараженных ими слепой ненавистью ко всему советскому. Зараза была нешуточной, ибо в ней таилось столько ужасающей беды для обманутых людей, Ковпак, отлично все это понимавший, смотрел на задержанного и думал, как открыть глаза этому зрячему слепцу, как выгрести из его головы чудовищный сор фашистско-националистических бредней и вложить взамен пра́вду — ту самую, которую больше всего боялись и гитлеровцы, и их прихвостни-бандеровцы.

Правда! Ею изо дня в день стал дышать учитель, оставленный в отряде. Его никто не обрабатывал — ни к чему и некому было этим заниматься. Все получалось само собой. Просто жил человек среди Рудневых и Ковпаков, какими являлись, по сути, все бойцы партизанского войска, смотрел, слушал, вдумывался, размышлял, делал выводы. Видел, как воюют партизаны, и убеждал-

ся, что они — настоящие люди, не знающие страха в бою, что это бесстрашие не отчаяние фанатизма, не бесшабашность тех, кому все равно терять нечего, — оно норма их жизни, потому что иначе они не победят, а победить они должны во что бы то ни стало, потому что, как вскоре понял учитель, их победа над Гитлером столь же неизбежна, как день неизбежно сменяет ночь.

Он видел партизан в общении друг с другом и начинал понимать, почему они ближе один другому, чем кровные братья. С учителем эти люди держались просто и человечно, никак и ничем его не выделяя, словно он был одним из них, и это явилось для него настоящим откровением. Он ежеминутно сравнивал то, что видел собственными глазами, с тем, что слышал раньше из чужих уст, и осознал в конце концов, каким одураченным, оболваненным слепцом, запутавшимся в бандеровской брехне, жил он до сих пор, принимая врагов за друзей, а друзей за врагов. И только сейчас он прозрел, все увидел и понял.

Когда наступил тот день — а пришел он удивительно быстро, такая уж была пора, когда все решалось часами, — учитель решительно сделал окончательный выбор и явился к Ковпаку. Поклонился уважительно, глянул суровому старику прямо в глаза и твердо заявил:

— Если верите мне, я ваше войско выведу...

Ковпак, как и при первой встрече, долго смотрел немигающим взором в глаза верховинцу и прочитал в них то же самое, что только что слышал: правду. И старик молвил, будто утверждая этого учителя в правах человека:

— Добро, давай!

Учитель вывел партизан. А когда все было позади, Ковпак послал за проводником своего связного.

— Спасибо, товарищ! — сказал Дед и впервые пожал учителю руку.

...— Вот я, Сидор Артемьевич, и пришел к вам сегодня, чтобы сказать спасибо. За все спасибо. За то, что не дали мне тогда ослепнуть, что из ямы вытащили. Так вот, батько, спасибо вам за все! — И учитель низко поклонился, как сын отцу...

Ковпак ни одним движением не остапавливал его. Верховинец тряхнул головой, словно отгоняя кошмар прошлого:

— Везучий я, батько, видно, счастливчик! Сами су-

дите, ведь дважды родился! Умер тогда оуновец Стефан Ярко... А родился советский человек, правда!

— Вон ты какой! — улыбнулся Ковпак, покачав высоколобой головой. — Самокритично у тебя выходит. Что ж, правильные слова говоришь, товарищ Ярко! Рад за тебя. — Он шагнул к посетителю, пожал ему руку. — А насчет спасиба твоего мне, то ты, брат, малость ошибаешься. Это хлопцам нашим спасибо говорить надо. За все! И за тебя тоже. А я — что ж, я как все... Ни больше, ни меньше. Как ты сказал — просто советский человек. Вот так, друг Стефан!

Они замолчали, думая, наверное, в эту минуту об одном и том же, оба растроганные и чуть смущенные этим наплывом чувств.

— Будь здоров, учитель! — Их руки встретились в крепком пожатии. — Спасибо, что вспомнил. Милости просим в Киев еще не раз!

— Вам спасибо, батьку!

Дверь за верховинцем закрылась без стука, неслышно, а спустя минуту в кабинет вбежала секретарь и растерянно проговорила:

— Сидор Артемьевич, такое дело, понимаете... Гуцул этот ваш, чудак, уходя, здоровенную банку с медом оставил. Пусть, говорит, батько испробует карпатского целебного. Я ему — не поло̀жено, дескать, никаких приношений принимать. А он: знаю, мол, но батько все понимает и нас, верховинцев, не обидит.

— Ко мне его! — быстро сказал Ковпак, укоризненно и одновременно добродушно покачав головой.

Наташка исчезла и вскоре вернулась — одна...

— Как в воду канул!

— Ну и Стефан! Ладно, Наташа, человек от души нам, ну и мы от души, верно? А мед, дочка, давай прямиком передадим дому престарелых, что в Святошине, а? Там он в самый раз будет...

В тот день сговорился прийти к Сидору Артемьевичу Платон Никитич Воронько. Очередные хлопоты по партизанским делам делали этот визит совершенно необходимым. И получилось так, что его появление в кабинете почти совпало с уходом от Ковпака учителя. Поздоровавшись, поэт спросил:

— Гуцула я вот только что встретил. Не от вас ли он? Может, что просил, а?

— Да нет, не просил. Просто зашел спасибо сказать.

— Вон оно что! — Воронько задумался, потом сказал: — Гуцулы... Ох, мать честная... Мы бы тогда в горах без них погибли... Выручили крепко. Спасибо им!

— Вот то-то и оно... — Ковпак потеребил уже совершенно снежно-белый клинышек бородки, потом спросил с укором: — А ты чего ж, хитрец, молчишь? Думаешь, Ковпак стар и потому забыл, что на Украине стало еще одним лауреатом больше и этот самый лауреат носит фамилию Воронько!

Поэт покраснел и смущенно пробормотал:

— Спасибо, батько, спасибо! — Они крепко обнялись: сильно уже постаревший Дед и молодой еще, плечистый, крепко сбитый человек.

— Ладно, ладно, скромник! Все вы, как я погляжу, народ хваткий: пером орудуете не хуже, чем автоматом! Прими мои поздравления, Платон, и совет добрый — носа не задирать!

Воронько знал, кого имел в виду Сидор Артемьевич под «хватким народом»: после войны за перо взялись многие ковпаковцы; по примеру своего командира, уже в сорок пятом выпустившего «От Путивля до Карпат», книги написали Вершигора, Коробов, Андросов, Базыма, Бережной, Бакрадзе, Войцехович, Тутученко...

Быстро покончив с вопросом, приведшим к нему Воронько, Ковпак сказал:

— Слушай, лауреат, дело есть!

— Я готов, батько!

Старик засмеялся:

— Еще не знает, что и зачем, а уже готов!

— Как в партизанах, — отозвался Воронько.

— А насчет дела так, — продолжал Ковпак. — Этот самый гуцул сегодняшний меня на мысль навел: не махнуть ли нам с тобой туда, в Карпаты? На старые наши тропы... Могилам дорогим поклониться, гуцулов проведать. Ну как, идет?

Он мог бы и не спрашивать согласия поэта...

День спустя машина легко и стремительно мчала Ковпака и Воронько к прикарпатской земле. Еще быстрее летели их мысли, воспоминания, видения прошлого. Были в них и печаль, и боль, и грусть, и гордость за тех, кто шел в огонь и не вернулся из него...

Несколько дней Ковпак и Воронько странствовали по Прикарпатью, находясь целиком во власти прошлого, живя той, уже ушедшей жизнью. Странное это было воз-

вращение: вроде не сами они шли старыми тропами, а кто-то другой, похожий на них во всем, чьи печали и боль рвали их душу...

— Не удивляйся, брат, моему вопросу, — как-то спросил Ковпак Воронько с каким-то отрешенным выражением лица, — а здорово ты перетрухнул тогда, когда нас фрицы намертво зажали и вроде бы чуть не крышка нам? Только по совести, ладно?

— Иначе и нет разговора, батько! Так вот, насчет страха. Боязно ли было мне? А кому не было страшно, хочу я знать?

— Вот именно! — Ковпак кивнул, он ждал такого ответа.

— Но и то правда, — продолжал поэт, — что страх страхом, а дело делом, уж коль ты попал в такую заваруху, стой до последнего. Либо ты фрица, либо он тебя... Какой там выбор. Мы и стояли, потому как иначе нельзя было.

— Нельзя было! — словно эхо повторил старик. — А теперь сообразил, чего ради ко мне гуцул тот приходил?

— Вот за это самое благодарить! — Воронько широким жестом повел вокруг. — Как не сообразить, если без Советской власти его самого бы уже на свете не было!

— Правильно! Вот за это сегодняшнее он благодарил. В этом был смысл нашей борьбы и нашего бесстрашия.

...Яремча. Сколько стоит за этим словом! Здесь живая боль стережет живую память о павших, смертью своей смерть поправших! Здесь под строгим и величественным надгробьем спят вечным сном ковпаковцы, не пришедшие с Карпат. Среди них — комиссар Руднев и первый комсомолец отряда сын его...

Медленно шагают по улицам Яремчи Ковпак и Воронько, иногда останавливаясь, вспоминая что-то. Их узнают люди, снимают шапки, почтительно приветствуя, но не подходят, понимают, что им нужно сейчас оставаться наедине. И вдруг откуда-то издалека доносится песня, слова ее и бесхитростный мотив до боли знакомы:

По высоким Карпатским отрогам,
Там, где Быстрица — злая река,
По звериным тропам и дорогам
Пробирался отряд Ковпака.

Он шумел по днепровским равнинам,
Там, где Припять и Прут голубой,
Чтобы здесь, на Карпатских вершинах,
Дать последний, решительный бой.

Дед остановился. Печаль и отрада звучали в его голосе, когда он произнес тихо:

— Слыхал, Платон, о чем люди поют?

Воронько молчал... А старик продолжал говорить негромко, словно сам с собой:

— Песня-то ведь твоя, Платон! Наша, собственная... Ну и времечко же ты выбрал тогда для стихов! — Он покрутил головой, словно самому себе не веря, что такое могло быть на самом деле. — Бог ты мой, чего только мы не вытерпели, а? Нипочем не могу теперь вот, сейчас представить, как мы смогли такое одолеть и живы остаться! Просто ума не приложу, веришь? Вокруг — смерть, голодуха нас вот-вот доконает, хлопцы насилу таскают ноги, а хвост, понимаешь, трубой держат, песни затягивают...

Смеялся Ковпак, ему вторил Воронько, улыбнулся бы, завидев их в эту минуту, любой другой, даже если бы не знал, что один из этих двух — вчерашний генерал легендарного партизанского войска, сам ставший при жизни легендою, а второй — его бывший партизан...

С ВЕРШИНЫ

Подходит к концу рассказ о человеке удивительной жизни. Сказать, что она исключительна, — ничего не сказать. Все дело в том, что ее исключительность — в ее типичности. Как и учитель-гуцул, встретившийся Ковпаку в Карпатах, он и сам рождался дважды: в 1887 и в 1917 году. Его личная судьба — это судьба великого множества Ковпаков, которых Октябрьский ураган взметнул из бездонных социальных глубин к самым вершинам жизни, в корне преобразованной этим ураганом, сила которого крылась в них же самих — миллионах Ковпаков, познавших ленинскую правду и утвердивших ее навеки.

Ковпак-партизан — личность уникальная. И это при всем том, что война выдвинула и других партизан, так же ставших и Героями Советского Союза, и генералами. Разумеется, и Ковпак, и любой иной из выдающихся партизанских военачальников обладали такой суммой

личных качеств, какая была совершенно необходима для роли, в которой им пришлось выступить. Иначе никто из них, включая и Сидора Артемьевича, не смог бы стать тем, кем стал. А стали они людьми подвига, выросшего из нормы поведения, в свою очередь определяемого мировоззрением нового — советского и социалистического — общества.

Оптимизм, жизнелюбие Ковпака поражали даже людей, близко знавших его; они порой, сами того не замечая, завидовали несокрушимому духовному и душевному здоровью Сидора Артемьевича. Оно проявлялось во всем и всегда, особенно в крутые моменты жизни, а их Ковпаку выпало — хоть отбавляй.

Почти полвека назад Ковпак возглавил один из первых колхозов на Павлоградщине — в селе Вербки. То было время решительной ломки вековечного уклада сельской жизни, и опыт в таком деле, конечно, приходил через трудности, ошибки, промахи. Работать приходилось в накаленной обстановке острейшей классовой борьбы. Именно в те дни павлоградская окружная газета выступила с корреспонденцией под хлестким заголовком: «Где Ковпак — все не так». Конечно же, Сидора Артемьевича немедленно вызвали к секретарю окружного комитета партии.

— Что скажешь насчет выступления газеты?

— А то скажу, что все правильно и хорошо в ней. Я именно так и впредь буду делать, как в ней сказано...

— То есть?

— Все наоборот!

— Как так?

— А так: кулачье хочет одного, а я — наоборот. Вот и все.

— Погоди, погоди! Давай по существу сказанного в статье. Правда это?

— Ах, это? — Ковпак невозмутимо кивнул. — Так это просто выдумка.

— Ты что?

— А то, что сказал: выдумка! И прибавлю: к счастью, потому что не дай бог, если бы это правдой было, меня тогда из партии гнать следовало бы! — Он в упор посмотрел на секретаря. — Пересолили хлопцы, не подумали, кому это на руку. Я-то понимаю, на них не в обиде, а кулачье радуется! Ничего, зря торопятся, мы свое дело знаем и своего им не уступим. Не для того

поставлены! — Ковпак передохнул и закончил: — Не сомневайся, товарищ секретарь, где Ковпак — там будет именно так!

Конкретная проверка всех обстоятельств дела доказала полную правоту Сидора Артемьевича и ошибку газеты...

...Старик был влюблен в песню, музыку, кино, живопись. В тонкости искусства не вдавался, но правду от фальши отличал безошибочно. Подлинной красоте отдавался самозабвенно. Несколько близких друзей Деда до сих пор помнят, как слушал Ковпак «Ой, туманы мои, растуманы...» в исполнении хора имени Пятницкого. Старик был растроган до слез, а по окончании концерта убежденно заявил:

— Не может быть, что Исаковский не был партизаном!

Кто-то заметил:

— И все-таки он не партизанил...

— Да ну! — не поверил Ковпак. — А как же оно получается, что за душу берет песня?

— Поэт настоящий, вы это и сами понимаете, Сидор Артемьевич, на то и поэт, чтобы не зря есть хлеб свой. Исаковский из таких. Сам родом со Смоленщины, коммунист с восемнадцатого года...

— Постарше меня партстажем, — уважительно заметил старик. — Ну, я так скажу, хлопцы, за одну эту песню стоит считать его партизаном, верно?

Петь Ковпак не умел — голоса ему не досталось. Зато слушать хорошую песню было для него наслаждением. Благоговейно чтил и песенную классику, часами мог слушать и украинские оперы, любил особенно увертюру Миколы Лысенко к опере «Тарас Бульба». Свято хранил в памяти любимую песню комиссара Руднева — «В чистом поле под ракитой...».

Страстно любил Ковпак кино. Охотно смотрел комедии, но явно преобладала у него тяга к фильмам героическим. «Чапаеву» отдавал первое место. Кстати, Чапаев и Устим Кармалюк были любимыми его и историческими героями.

Восемь десятков прожитых лет не сумели отобрать у Ковпака ни четкой памяти, ни ясной мысли. Кстати, он вообще почти никогда не болел, а если и случалось прихворнуть, то железное здоровье его легко одолевало недуг. Сердце его, по отзывам врачей, было могучим и от-

лично служило до глубокой старости. Хуже было с легкими. Несколько воспалений оказались совсем не случайными. К сожалению, неугомонность Ковпака всякий раз срывала его с постели на работу именно тогда, когда это строжайше запрещали врачи. Безнаказанно такое пройти не могло. Ковпака подстерегал рак легких. Диагноз, не оставлявший никакой надежды, от него скрыли...

Ковпак работал до последнего своего часа. Последнее, что он успел сделать, преодолев мучительнейшие боли, — это прочесть от первой и до последней страницы машинопись своей будущей книги. Силы оставляли Деда. Он устало закрыл глаза и сквозь надвигающуюся последнюю дремоту чуть слышно пробормотал:

— Книгу... Увидеть бы книгу.

Это случилось 11 декабря 1967 года...

Лето 1967 года. Дарница, бывший пригород, а ныне один из районов Киева. Позняки — бывший хутор, а там — Любарская улица, 8. Здесь расположена средняя школа № 111. В школе — музей Сидора Артемьевича Ковпака. Создали его сами ребята, инициатор — школьная комсомолия. Источник материальных средств — деньги, вырученные за собранный и сданный государству металлолом.

Но вот окончены последние приготовления. Теперь очередь за самими героями музея — Сидором Артемьевичем и его соратниками. А с ним не получается. Старик сердечно благодарит детей и педагогов за оказанную честь, но присутствовать на открытии музея, а тем более — самому открывать, отказывается наотрез.

— Негоже получается, люди добрые. При жизни человека ему, понимаешь, музей сооружают. Такого вроде и не водится, насколько я знаю. Почему же Ковпаку исключение? Не положено! Отродясь не гнался за славою, а тут, выходит, на старости лет не устоял — самому себе музей открывать затеял! Увольте, люди добрые!

Ковпак был, конечно, прав. Это все понимали, и потому никто не настаивал, чтобы он изменил свое решение. Никто, кроме Якова Григорьевича Панина, бывшего секретаря парткомиссии партизанского соединения Ковпака — Руднева. Панин счел себя вправе не согласиться со своим бывшим командиром:

— Я, Сидор Артемьевич, за то, чтобы именно лично Ковпак открыл музей в этой школе. Могу объяснить почему. Во-первых, Ковпак в последнюю очередь принадлежит себе, а в первую — народу, людям, Родине, истории. Во-вторых, то не ради Ковпака ребята музей соорудили, а ради ковпаковцев, ради всего того, что с именем Ковпака связано. Так или не так?

— Убедил, правда твоя, — согласился после долгого раздумья и заключил решительно: — Моя промашка тут, Яша! Не все учел. Выходит, скромность скромностью, а дело есть и поважней личной скромности, так?

— Истинная правда, Сидор Артемьевич! Так едем?

— Давай, Яша. Считаем, что музей — это продолжение борьбы на фронте идеологическом.

...И вот они в школе. Наступает торжественный момент — сам легендарный Дед разрезает ленточку! Сотни юных восторженных глаз не спускают с него взоров. Подумать только — сам Ковпак!

...Скорбным днем 13 декабря того же 1967 года в лютый мороз этот человек уходил в вечность. Последний свой путь по одетому в траур Киеву совершал он на артиллерийском лафете. За лафетом на багряных подушечках несли боевые награды: четыре ордена Ленина, две Золотые Звезды Героя Советского Союза, ордена Красного Знамени, Суворова и Богдана Хмельницкого I степени, медали, зарубежные награды. Плыли сотни венков. Среди них — один со словами: «Незабвенному Сидору Артемьевичу от ковпачат». Этот венок возложили ученики школы № 111.

Раньше, чем застучали мерзлые комья по гробовой доске, партизан сказал у раскрытой могилы:

— Если люди спросят, кем же он был, наш Сидор Ковпак, то мы ответим так, как ответил бы он сам: мужиком от земли, сыном ее, солдатом Отчизны, коммунистом. И нас, знавших его, учил быть такими же. И если наука эта не пропала даром — а это так! — то и мы сами, и дети наши, и дети детей наших жить будут, как прожил один из нас — Сидор Ковпак!

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. А. КОВПАКА

1887, 26 мая — С. А. Ковпак родился в слободе Котельва нынешнего Котелевского района Полтавской области УССР.
1898—1907 — Ковпак работает в лавке котельвинского торговца.
1908—1912 — Ковпак — солдат 186-го пехотного Асландузского полка, расквартированного в Саратове.
1912—1914 — чернорабочий в Саратове.
1914—1917 — годы участия в мировой войне.
1918—1920 — Ковпак — партизан и доброволец Красной Армии.
1920—1926 — помощник военкома, военком Павлодарского округа.
1926—1934 — директор военкоопхоза в Павлограде и Путивле.
1935, 29 октября — начальник Путивльского райдоротдела.
1940, 2 января — 1941, 28 августа — председатель Путивльского горисполкома.
1941, сентябрь — 1944, январь — командир соединения партизанских отрядов Сумской области.
1942, 18 мая — присвоение Ковпаку звания Героя Советского Союза.
1943, 9 апреля — присвоение Ковпаку воинского звания генерал-майора.
1944, 4 января — присвоение Ковпаку звания дважды Героя Советского Союза.
1944—1947 — член Верховного суда УССР.
1947—1967, апрель — заместитель Председателя Президиума Верховного Совета Украинской ССР.
1967, апрель—декабрь — член Президиума Верховного Совета УССР.
11 декабря — смерть С. А. Ковпака.
13 декабря — похороны на Байковом кладбище в Киеве.

БИБЛИОГРАФИЯ

«История Великой Отечественной войны Советского Союза (1941—1945). Краткая история». М., Воениздат.

Ковпак С. А., От Путивля до Карпат. М., 1945.

Ковпак С. А., Из дневника партизанских походов. М., 1964.

Ковпак С. А., Солдати Малої землі. Киев, 1965.

Андросов М., Хоробрі серця. Запорожье, 1960.

Базыма Г., Слідами великого рейду. Киев, 1959.

Бакрадзе Д., Кровью героев. Тбилиси, 1961.

Бережной И., Два рейда. Горький, 1967.

Бережной И., Записки разведчика. Горький, 1971.

Брусилов А. А., Мои воспоминания. М., 1948.

Бегма В., Кизя Л. Шляхи нескорених. Киев, 1965.

Бычков Л. Н., Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны. М., 1965.

Верзохин А. М., Самолеты летят к партизанам. М., 1966.

Вершигора П., Люди с чистой совестью. М., 1964. В 2-х томах.

Вершигора П. П., Зеболов В. А., Партизанские рейды. Кишинев, 1962.

Войцехович В. О., Сто днів звитяги. Киев, 1970.

Кизя Л. Е., Правди не затьмарити. Київ, 1962.

Кизя Л. Е., Народнії месники. Львів, 1960.

Коробов Л., Малая земля. Москва, 1948.

«Партизанские были». Сборник. М., 1958.

«Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны». Сборник документов. М., 1969.

Палажченко О., Подвиг комісара. Киев, 1970.

Руднев С. В., Легендарный рейд. Ужгород, 1967.

Сабуров А. Н., Отвоеванная весна. В 2-х книгах. М., 1968.

«Советские партизаны. Из истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны». М., 1963.

Тутученко С., Рухомий плацдарм. Киев, 1968.

«Сумская область в период Великой Отечественной войны Советского Союза». Сборник документов. Харьков, 1963.

Шкрябач Я., Дорога в Молдавию. Кишинев, 1966.

Авторы выражают свою сердечную признательность Героям Советского Союза А. Н. Сабурову, В. А. Войцеховичу, П. Е. Брайко, кандидатам исторических наук В. И. Кардашову и Я. Е. Пашко, бывшему секретарю приемной С. А. Ковпака Н. И. Мандрик и другим товарищам, помогавшим им при написании и подготовке к опубликованию этой книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Гладков Теодор Кириллович и Кизя Лука Егорович

Г52 Ковпак. Изд. 2-е, испр. М., «Молодая гвардия», 1973.

288 с. с ил. («Жизнь замечательных людей». Серия биографий. Вып. 12(524). 100 000 экз.

Сидор Артемьевич Ковпак прошел большой жизненный путь. В составе знаменитой 25-й дивизии В. И. Чапаева он участвовал в боях на Восточном фронте в годы гражданской войны. В период Великой Отечественной войны Ковпак командует крупнейшим партизанским соединением, которое с боями прошло свыше 10 тысяч километров в тылу врага.

Авторы — писатель Т. К. Гладков и доктор исторических наук, политрук соединения Ковпака, Л. Е. Кизя — написали волнующую книгу о Сидоре Артемьевиче и его соратниках.

Г $\frac{70302-002}{078(02)-74}$ Без объявл. 9(С)277

Редактор **Ю. Василькова**
Серийная обл. **Ю. Арндта**
Рисунки **А. Цветкова**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **И. Соленов**
Корректоры **Т. Песнова, З. Харитонова**

Подписано к печати с матриц 8/I 1974 г. А05503. Формат 84×108 1/32. Бумага № 1. Печ. л. 9 (усл. 15,12) + 17 вкл. Уч.-изд. л. 17,7. Тираж 100 000 экз. Цена 83 коп. Заказ 2666. Типография издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

83 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ